Х. АРУМЯЭ

ЗА КУЛИСАМИ „Рейнского союза"

ЗА КУЛИСАМИ «БАЛТИЙСКОГО СОЮЗА»

IA-7770

АКАДЕМИЯ НАУК ЭСТОНСКОЙ ССР ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Х. АРУМЯЭ.

ЗА КУЛИСАМИ «БАЛТИЙСКОГО СОЮЗА»

(ИЗ ИСТОРИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ БУРЖУАЗНОЙ ЭСТОНИИ В 1920—1925 ГГ.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЭСТИ РААМАТ» ТАЛЛИН 1966

Редактор *Г. Ф. Туронок*

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Эстонской ССР

РИСО № 606

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
204803

ВВЕДЕНИЕ

С момента установления в России диктатуры пролетариата реакционные силы капиталистического мира поставили своей целью ликвидировать первое в мире государство трудящихся или, по крайней мере, затормозить триумфальное шествие идей социализма. Борьба против Советской страны велась в различных формах. Предпринимались и попытки создания агрессивных антисоветских блоков.

Один из таких блоков — так называемый Балтийский союз — в течение ряда лет пытались сколотить граничащие с СССР страны — Финляндия, Эстония, Латвия, Литва и Польша. Не последнюю роль в этом заговоре играли в 1920—1925 гг. правящие круги буржуазной Эстонии.

Попытки сколотить военно-политический союз между Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой и Польшей разоблачались Коммунистической партией Эстонии еще в период буржуазно-националистической диктатуры. В изданиях КПЭ подчеркивалось, что создаваемый блок направлен против рабочего класса как Советского Союза, так и самих этих государств. Вскрывалась также неприглядная роль буржуазного правительства Эстонии в этом антисоветском сговоре.[1]

В 1935 году в журнале КПЭ «Классивыйтлус» («Классовая борьба») была опубликована статья Н. Каротамма «Балтийская Антанта», где показывались причины, послужившие препятствием к заключению союза между прибалтийскими государствами.[2]

Большая работа по изучению истории буржуазной Эстонии проделана эстонскими исследователями в совет-

---

[1] «Kommunist», Nr. 18. 21. IX 1921.

[2] N. Karotamm. «Balti Entente». «Klassivõitlus». 1935, Nr. 3, стр. 4—5.

ские годы. Особенно следует выделить работы по истории послевоенного революционного кризиса (1920—1924 гг.), в которых затрагивается и вопрос о Балтийском союзе. Так, Х. Саарнийт указывает на активную роль империалистических держав в организации этого союза,[3] А. Либман останавливается на фактах, свидетельствующих о том, что создание Балтийского союза было одной из важнейших внешнеполитических целей эстонских правящих кругов.[4] Участие эстонского правительства в организации этого антисоветского блока в первой половине 1920-х годов рассматривается и в однотомной «Истории Эстонской ССР».[5] Наиболее подробно освещено участие правящих кругов буржуазной Эстонии в создании Балтийского союза в работе А. Коопа «Внешнеполитические отношения между СССР и буржуазной Эстонией в 1920—1928 гг.»[6]

Наряду с эстонскими исследователями этим вопросом занимались и историки других республик СССР. Интенсивные попытки заключить в первой половине 20-х годов антисоветский Балтийский союз естественно не могли в те годы не привлечь внимания советской общественности. В советской периодике появились многочисленные статьи о совещаниях, конференциях и других мероприятиях прибалтийских стран, целью которых было создание антисоветского блока. Например, в статье наркома иностранных дел СССР Г. В. Чичерина «Неудача Пусты» разоблачается закулисная борьба при создании Балтийского союза.[7] Проблема эта рассматривалась также и в трудах советских авторов, посвященных международному положению Советского государства. Из них прежде всего следует отметить интересную работу М. Г. Баха о политических и экономических взаимоотношениях

---

[3] H. Saarniit. Kodanlik Eesti sõjajärgse revolutsioonilise kriisi aastail. Tallinn, 1958, стр. 135—141.

[4] A. Liebman. Eestimaa Kommunistliku Partei loomise ajaloost. Tallinn, 1960, стр. 29,236.

[5] История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней). Издание второе. Таллин, 1958, стр. 496—497.

[6] A. Koop. NSV Liidu ja kodanliku Eesti suhted aastail 1920—1928. Tallinn, 1966.

[7] «Известия», 25 авг. 1925 г.; см. также Г. В. Чичерин. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, стр. 451—455.

между Советским Союзом и Прибалтикой в 1917—1927 гг.[8]

В наши дни число работ, в которых авторы в той или иной мере касаются рассматриваемой проблемы, намного возросло.[9] Однако проблема эта затрагивается преимущественно в связи с другими проблемами и поэтому советская историография пока еще не дала исчерпывающего ответа на многие узловые вопросы, связанные с созданием Балтийского союза. Так, не получен еще более или менее обоснованный ответ на следующие вопросы: Какие цели преследовало заключение союза? Кто являлся главным организатором Балтийского союза? Какова была роль империалистических государств в его создании? Какую политику проводили в этом вопросе Финляндия, Эстония, Латвия, Литва и Польша?

Все советские авторы совершенно правильно отмечают, что названные страны стремились организовать Балтийский союз прежде всего в антисоветских целях. Но нужно сказать, что создатели его преследовали и другие, причем очень различные цели, что отражало существовавшие между ними противоречия. Так, например, буржуазия Эстонии считала, что Балтийский союз был также необходим для отклонения притязаний Германии и даже русских белогвардейцев; Литва стремилась заключить союз с Латвией и Эстонией против Польши и т. д.

Особо следует отметить роль Балтийского союза как орудия подавления революционного движения трудящихся и укрепления буржуазного строя. Однако до сих пор при рассмотрении проблемы Балтийского союза этой его функции уделялось мало внимания.

---

[8] М. Г. Бах. Политико-экономические взаимоотношения между СССР и Прибалтикой за десять лет (1917—1927 гг.). М., 1928.

[9] История дипломатии, т. III. Под редакцией В. П. Потемкина, М.-Л., 1945; История дипломатии. Издание второе, т. III. М., 1965; История Гражданской войны, т. V. М., 1960; История международных отношений и внешней политики СССР 1917—1939 гг., т. I. М., 1961; История Латвийской ССР, т. III. Рига, 1958; История Польши в трех томах, т. III. М., 1958; Советская Россия и капиталистический мир в 1917—1923 гг. М., 1957; Н. Рубинштейн. Советская Россия и капиталистические государства в годы перехода от войны к миру (1921—1922 гг.), М., 1948; Н. Л. Рубинштейн. Внешняя политика Советского государства в 1921—1925 годах. М., 1953; Ф. Д. Волков. Англо-советские отношения в 1924—1929 гг. М., 1959; С. В. Никонова. Антисоветская внешняя политика английских консерваторов. 1924—1927. М., 1963 и др.

Советские историки придают большое значение роли империалистических держав в создании Балтийского союза. Обычно при этом подчеркивается активность Франции и Англии. Так, в III томе «Истории дипломатии» указывается, что идея создания блока прибалтийских стран возникла в кругах французской дипломатии и что в дальнейшем Франция играла роль «опекуна» Прибалтики и именно она сколачивала антисоветский балтийско-польский блок.[10] Это же утверждают и многие другие исследователи.

В 1925 году, по мнению ряда советских историков, подготовку блока прибалтийских государств возглавлял английский империализм.[11] Таким образом, некоторые советские историки склонны считать, что с начала 1920-х годов главным организатором и вдохновителем Балтийского союза была Франция, а в 1925 году эта роль перешла к английским империалистам. В действительности же в создании Балтийского союза в рассматриваемый период были заинтересованы не только Франция, и не только Англия, а обе вместе, а также и Соединенные Штаты Америки. Правда, влияние США в данном вопросе было значительно слабее. Следует отметить, что соперничавшие между собой Англия и Франция не смогли достигнуть единства взглядов при создании блока прибалтийских стран.

Важен и другой аспект. Конечно, нельзя недооценивать влияния империалистических держав на внешнюю политику буржуазной Эстонии и других прибалтийских стран, однако неправильно было бы объяснять все проявления внешней политики этих стран диктатом и нажимом извне. Правящие круги прибалтийских стран стремились в известной мере и самостоятельно проводить в жизнь свои внешнеполитические планы. Именно в создании Балтийского союза правительства Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы участвовали (с неодинаковой, правда, активностью) и по своей инициативе.

Хотя правительства буржуазной Эстонии и других ма-

---

[10] История дипломатии, т. III. Под редакцией В. П. Потемкина, стр. 72; 105—108; История дипломатии. Издание второе, стр. 256.

[11] История международных отношений, т. I, стр. 299. Ф. Д. Волков. Англо-советские отношения в 1924—1929 гг., стр. 137; С. В. Никонова. Антисоветская внешняя политика английских консерваторов (1924—1927), стр. 87—113.

лых стран трудились над сколачиванием Балтийского союза сообща с империалистами, это не значит, что интересы их всегда совпадали. Известно, что особенно в конце 1919 года и в 1920 году империалистические державы оказывали на Эстонию и другие прибалтийские страны грубый нажим, стремясь вовлечь их в поход против Советской России и помешать заключению с ней мирного договора. Но под влиянием многих факторов прибалтийские государства вынуждены были вступить на путь мирной политики. На противоречия, возникшие в этом вопросе между империалистами и сопредельными на западе с Советской Россией странами, указывал В. И. Ленин,[12] это отмечалось и в советской исторической литературе.[13] Империалисты, да и польское правительство, и в то время и в дальнейшем, стремились создать в лице Балтийского союза агрессивный антисоветский блок, однако правительства прибалтийских стран, хотя и осуществляли антисоветскую внешнюю политику, не всегда и не на любых условиях готовы были присоединиться к агрессивной политике империалистов, участвовать в прямой агрессии. И, хотя речь идет лишь о частичном расхождении в целях империалистических сил и малых стран Прибалтики на некоторых этапах создания Балтийского союза, без учета этого фактора нельзя до конца понять настоящую проблему. К сожалению, в нашей исторической литературе этому вопросу еще не уделялось достаточного внимания.

Советская историческая литература не дает исчерпывающего ответа и на вопрос о том, какова была роль отдельных заинтересованных стран — Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и Польши — в создании Балтийского союза. В освещении этого вопроса можно иногда встретить совершенно ошибочные положения. Многие советские исследователи обычно подчеркивают активную роль Польши в создании Балтийского союза. В некоторых работах стремление сколотить Балтийский союз даже приписывается только Польше и утверждается, что

---

[12] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 325—326, 347—349, 393—398; т. 41, стр. 282 и др.

[13] История дипломатии. Издание второе, т. III, стр. 182—185; В. Е. Штейн. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919—1920 гг.). М., 1949, стр. 265—281 и др.

малые прибалтийские страны были против союза с ней.[14] Между тем нельзя приписывать все усилия по созданию Балтийского союза только польскому правительству. Следует иметь в виду, что не одна Польша стремилась втянуть прибалтийские страны в русло своей политики. Некоторые государства Прибалтики, в первую очередь Эстония, также добивались союза с крупнейшей антисоветской силой в Восточной Европе — панской Польшей.

Организацией Балтийского союза занимались в той или иной мере и правительства Латвии, Литвы и Финляндии. Но при этом каждое из этих государств преследовало и свои цели. Этой проблеме уделили некоторое внимание, в частности, латышские историки.[15] Особенно ценной является работа К. Почса, который обстоятельно осветил политику правящих кругов буржуазной Латвии в создании антисоветского польско-балтийского блока.

Участие буржуазной Эстонии в создании Балтийского союза не нашло еще столь основательного освещения. Кроме того, в трактовке данной проблемы в советской исторической литературе имеются совершенно неправильные положения. Так, принято считать, что на конференции представителей Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и Польши в Хельсинки в январе 1920 г. Эстония выступала против создания Балтийского союза потому, что она закончила военные действия против Советской России и опасалась прекращения мирных переговоров.[16] Эстонское правительство действительно готовилось в это время заключить мир с Советской Россией. Но, несмотря на это, эстонская делегация добивалась на конференции в Хельсинки заключения военного договора между указанными странами, и более того — проект военного

---

[14] История Польши, т. III, стр. 182.

[15] Sīpols, V. Slepenā diplomātija. Buržuāziskās Latvijas ārapolītikā 1919.—1932. gadā. Riga, 1965; A. Varslavāns. Anglijas cīņa par buržuāziskās Latvijas iesaistīšanu kopējā imperiālisma pretpadomju fronte (1920.—1923. g.). Известия Академии наук Латвийской ССР, 1962, Nr. 8, стр. 13.—23; K. Počs, Četru valstu ārlietu ministru Helsinku konference 1925. g. janvāri un imperiālistiku valstu meginājums iesaistit Latviju pretpadomju savienība. Известия Академии наук Латвийской ССР, 1965, Nr. 8, стр. 33—44; K. Počs, Pretpadomju Polijas-Baltijas valstu savienības jautājums buržuāziskās Latvijas ārapolītikā 1920.—1923. g. Известия Академии наук Латвийской ССР, 1966, Nr. 1, стр. 21—30.

[16] История дипломатии. Издание второе, т. III, стр. 184.

договора был представлен именно эстонской делегацией.

В итоге следует отметить, что советские исследователи при характеристике политики буржуазной Эстонии по созданию Балтийского союза выдвинули пока только наиболее общие положения. Мы еще не имеем по этой теме глубокого, опирающегося на первоисточники, исследования.

Объективный анализ данной проблемы, по понятной причине, не мог содержаться в трудах эстонских буржуазных авторов. Многие из них всячески превозносили значение Балтийского союза. Буржуазные деятели, дипломаты, некоторые высшие военные чины, а также журналисты выступали на страницах периодических изданий с многочисленными статьями по этой проблеме. Однако они не написали ни одной более или менее глубокой, основывающейся на документальном материале работы. Отчасти это объясняется тем, что соответствующие документы хранились в правительственных учреждениях за семью замками. А главное — нельзя было и ожидать, чтобы буржуазные авторы правдиво отобразили антинародную сущность внешней политики своего правительства в вопросе создания Балтийского союза.

Правда, некоторые буржуазные авторы не скрывали антисоветской сущности попыток заключения Балтийского союза. Так, в одной статье, посвященной внешней политике Эстонии, Балтийский союз расценивался как «единственная гарантия» от «коммунистической опасности». В ней указывалось, что эстонские дипломаты трудились «в единственном направлении, в котором в тот момент было возможно укрепление нашей государственности и мира».[17] Автор названной статьи не скрывает и того, что политика эстонского правительства соответствовала целям империалистических держав, стремившихся создать барьер против «Восточной Европы» (т. е. против Советской страны) от Ледовитого океана до Черного моря. Участие в антисоветских блоках и сотрудничество с империализмом объяснялось «интересами укрепления мира»!

Другие буржуазные авторы, рассматривавшие данную проблему, «забывали» наиболее существенное — действительные причины создания Балтийского союза, его на-

[17] I. Tõnisson. Eesti välispoliitika. «Akadeemia» 1937, Nr. 3, стр. 165 и сл.

правленность против Советской России и революционного движения «своего» рабочего класса. Они часто не уделяли внимания роли империалистических держав в создании Балтийского союза. Примером является статья юриста Н. Каазика об эволюции Балтийского союза.[18]

С восстановлением Советской власти в Эстонии многие бывшие эстонские политические деятели, дипломаты, высшие государственные чиновники и др. эмигрировали за границу — в Швецию, США и другие страны капиталистического мира. Поступив на службу к империалистам и создав различные эмигрантские организации, они распространяют клевету на Советский Союз, сотрудничают в разведках западных держав. Эмигранты опубликовали также ряд работ по истории Эстонии, полных ненависти к Советской власти. В этих трудах они горько оплакивают «добрые старые времена», когда им принадлежали ведущие позиции в экономической и политической жизни буржуазной Эстонии. Дни господства буржуазии представляются им теперь подлинным, но потерянным раем, для восхваления которого они не жалеют ни слов, ни бумаги. Всячески превозносится «государственная мудрость» буржуазных заправил во всех областях политической деятельности, при этом не забывается и внешняя политика. Остается только удивляться ловкости эмигрантских деятелей в жонглировании фактами. Так, бывший дипломат Х. Ларетей в очерке, посвященном эстонской внешней политике, расхваливает ее якобы нейтральную линию: «Ни один заключенный или намеченный Эстонией договор не был направлен ни против России, ни против Германии».[19] Бо́льшую подтасовку фактов трудно себе представить. Какова была в действительности «нейтральная линия» эстонской внешней политики, поможет выяснить более детальное изучение проблемы Балтийского союза. К тому же сам Ларетей признает, что с помощью Балтийского союза хотели создать «санитарный кордон» против «угрозы коммунизма».[20]

Другие эстонские эмигранты также признают, что заключение Балтийского союза являлось основной целью

[18] N. Kaasik. L'Evolution de l'Union Baltique. «Revue Générale de Droit International Public» 1934, сент.—окт., стр. 631—647.

[19] Eesti riik ja rahvas II maailmasõjas, I. Stockholm, 1954, стр. 204.

[20] Там же, стр. 203.

эстонской внешней политики,[21] которая была чрезвычайно активна в организации сотрудничества между государствами, возникшими на бывшей западной окраине России.[22] Для обоснования необходимости организации Балтийского союза эмигранты прибегают к различным антисоветским вымыслам. У бывшего министра иностранных дел К. Сельтера даже хватило смелости утверждать, что Советское правительство не придерживалось ни одного международного договора, что оно заключало только временные тактические соглашения.[23] Снова вытаскивается на свет старая ложь об «экспорте революции», о том, что Советский Союз якобы вмешивался во внутренние дела других стран. Эта клевета понадобилась для того, чтобы способствовать распространению антисоветских настроений и обострению международной обстановки.

Ряд работ, в которых в той или иной мере рассматривается проблема создания Балтийского союза, опубликовали также латышские и литовские буржуазные авторы. Так, бывший руководящий сотрудник министерства иностранных дел буржуазной Латвии А. Билманс дает в работе о Латвии обзор конференций, проведенных прибалтийскими странами в 1920—1924 гг. В этой работе приведены только «официальные» результаты конференций, публикация которых не могла дискредитировать буржуазное правительство.[24] Отдельные вопросы создания Балтийского союза рассматривают и другие латышские буржуазные авторы.[25]

Литовский буржуазный автор В. Казлаускас написал обширную монографию о Балтийском союзе, но и в ней освещается только внешняя сторона этой проблемы.[26] Литовские авторы основное внимание уделяют польско-

---

[21] E. Uustalu. The History of Estonian People. London, 1952, стр. 194.

[22] M. Ojamaa, A. ja T. Varmas. Eesti ajalugu. Stockholm, 1946, стр. 345.

[23] Eesti riik ja rahvas II maailmasõjas, I, стр. 192.

[24] A. Bihlmans. La Lettonie d'aujourd'hui. Riga, 1925, стр. 84—94.

[25] M. Walters. Lettland, seine Entwicklung zum Staat und die baltischen Fragen. Rom, 1923; H. Vitols. La Mer Baltique et les Etats Baltes. Paris, 1935 и др.

[26] B. Kazlauskas. L' Entente Baltique. Paris, 1939.

литовскому конфликту как важному препятствию на пути к заключению Балтийского союза.[27]

Надо заметить, что и в капиталистических странах буржуазные авторы в какой-то мере останавливаются на проблеме Балтийского союза.[28]

Из работ, опубликованных за границей после второй мировой войны, следует отметить исследование финского историка Я. Ильвессало «Финляндия и Веймарская Германия», в котором рассматривается происходившая в Финляндии борьба вокруг создания Балтийского союза.[29] Но и здесь буржуазная литература слабо обосновывает свои выводы фактическим материалом.

*

Ближайшее изучение данной темы немыслимо без использования архивных материалов.

Эстонские буржуазные власти во время революционных событий 1940 года уничтожили много компрометирующих архивных материалов. Часть важнейших документов министерства иностранных дел была еще до революции отослана в эстонское посольство в Стокгольм. Но благодаря оперативности министерства иностранных дел нового народного правительства эти документы еще в 1940 году удалось возвратить в Эстонию.[30] В настоящее время документальные материалы эстонских буржуазных органов внешних сношений, хранящиеся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции ЭССР (ЦГАОР ЭССР), являются незаменимым источником при исследовании внешней политики как Эстонии, так и других прибалтийских стран.

Характер указанных документов разнообразен. Назовем прежде всего официальную переписку между министерством иностранных дел и эстонскими дипломатическими представительствами за границей.

---

[27] L. Natkevičius. Aspect Politique et Juridique du Diffèrend Polono-Lithuanien. Paris, 1930 и др.

[28] H. de Montfort. Les Nouveaux États de la Baltique. Paris, 1933; H. de Chambon, La Rèpublique d'Estonie. Paris 1936; L. Tissot. La Baltique. Paris, 1940; A. J. Toynbee. Survey of International Affaires 1920—1923. London, 1925; U. Gehrmann. Die baltischen Staaten. Eine Brücke zwischen Ost und West. Berlin, 1933 и др.

[29] J. Ilvessalo. Suomi ja Weimarin Saksa. Helskinki, 1959.

[30] См. L. Remmelgas. Arhiivid ise räägivad. «Sirp ja Vasar», См 17. VII 1959.

С точки зрения данной темы наибольший интерес представляет переписка министерства иностранных дел с эстонскими представительствами в Хельсинки, Риге, Каунасе и Варшаве, а также в Лондоне, Париже, Москве и Берлине. Распоряжения, инструкции и различный информационный материал, который министерство иностранных дел отправляло своим дипломатическим представителям, проливают яркий свет на внешнеполитические цели создания Балтийского союза, а также на средства и методы достижения этих целей. О политике эстонских буржуазных правящих кругов в этом вопросе можно составить наиболее полное представление на основе решений правительства, а также протоколов и решений заседаний комиссии по иностранным делам Государственного собрания.

Эстонские дипломатические представители за границей периодически посылали в министерство иностранных дел сообщения о ходе организации Балтийского союза. Эстонские дипломаты О. Каллас, К. Р. Пуста, А. Хеллат, Ф. Акель, Ю. Сельямаа, Ю. Леппик и др. постоянно присылали информацию о политике как империалистических держав, так и Финляндии, Латвии, Литвы, Польши в вопросе создания Балтийского союза. Существенное значение для изучения данной темы имеют также копии дневников посланников и выдержки из них, в которых фиксировалась вся их официальная деятельность, а также все беседы с членами дипломатического корпуса и другими официальными лицами.

Ценными историческими источниками являются и материалы различных совещаний и конференций. Сохранились записи, сделанные на различных конференциях представителей прибалтийских государств, Финляндии и Польши. Зачастую на конференциях, посвященных заключению Балтийского союза, официально протоколы не велись. Записи на них делали секретари делегаций.

Незаменимый материал дают заметки и записи, сделанные во время различных переговоров и совещаний. Так, записи бесед с находившимися в Таллине дипломатами иностранных государств, сделанные министром иностранных дел, его помощником или заведующим политическим отделом министерства, довольно полно отражают внешнеполитический курс того или иного государства в вопросе о Балтийском союзе.

При исследовании данной проблемы представляют интерес также материалы военного министерства и других правительственных учреждений Эстонии. Кроме того, в архивах сохранилась часть личной переписки буржуазных государственных деятелей и дипломатов, а также другие материалы, проливающие свет на закулисную борьбу эстонских внешнеполитических деятелей.

Однако по некоторым вопросам первоисточники вообще отсутствуют. По ряду совещаний и переговоров с представителями зарубежных государств не сохранилось никаких письменных данных. Иногда здесь заключались устные соглашения. Приходится также констатировать, что часть документов, касающихся проблемы Балтийского союза, безвозвратно утеряна. Несмотря на это, хранящиеся в архивах Эстонской ССР документы представляют собой богатый материал для изучения данной проблемы.

Помимо архивных документов, автор данной работы использовал и различные печатные материалы, например, сборники документов, различные издания государственных учреждений буржуазной Эстонии и т. д.

Ряд документов, отражающих активную политику Эстонии в вопросе создания Балтийского союза, опубликован в многотомном издании «Документы внешней политики СССР».[31] Но, к сожалению, соответствующие документы данного издания относятся преимущественно к 1925 году, и поэтому создается впечатление, что эстонское правительство начало заниматься подготовкой Балтийского союза только с этого года.

Важным источником для изучения данной темы является также печать — как советская, так и буржуазных стран.

*

Цель настоящего исследования — рассмотреть вопрос об участии эстонского буржуазного правительства в создании Балтийского союза начиная с февраля 1920 года, т. е. с момента подписания мирного договора между Эстонией и Советской Россией, до осени 1925 года. В связи с этим затрагиваются и такие близкие к теме про-

---

[31] См. Документы внешней политики СССР, т. VIII. М., 1963, док. № 9, 16, 40, 56, 299, 358 и др.

блемы, как политика правительств Финляндии, Латвии, Литвы и Польши в данном вопросе, отношение империалистических стран к созданию Балтийского союза и т. д.

Поскольку первые шаги по созданию антисоветского блока прибалтийских стран были сделаны уже в 1919 году, то необходимо коротко остановиться и на вопросе о зарождении идеи Балтийского союза, а также об участии Эстонии в первых попытках (до 1920 года), направленных на заключение этого союза.

I. ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО СОЗДАНИЮ БАЛТИЙСКОГО СОЮЗА

ЗАРОЖДЕНИЕ ИДЕИ СОЗДАНИЯ БАЛТИЙСКОГО СОЮЗА

При изучении политики правящих кругов буржуазной Эстонии по сколачиванию антисоветского Балтийского союза неизбежно встает вопрос — когда, где и у кого впервые появилась мысль о заключении данного союза?

Нужно прежде всего отметить, что идея антисоветского Балтийского союза вызревала длительное время. И, хотя практически первые шаги к заключению этого союза были сделаны только в конце 1919 — начале 1920 года, различные планы сколачивания контрреволюционного блока сопредельных с Советской Россией стран вынашивались уже раньше.

Первоначальный план Балтийского союза возник спустя некоторое время после победы Великой Октябрьской социалистической революции на почве контрреволюционных заговоров буржуазии бывших западных окраин России. Как известно, после установления Советской власти национальная буржуазия поспешила наладить сотрудничество с иностранными империалистами и со всеми внутренними контрреволюционными силами. Так было и в Эстонии.

Хотя эстонские буржуазные круги после Октябрьской революции сначала мало верили в устойчивость Советской власти, жизнеспособность нового строя с каждым днем становилась все ощутимее. Уже первые социалистические преобразования поставили под вопрос дальнейшую судьбу буржуазии как класса. А это решительно повлияло в тот период на политические цели эстонской буржуазии. Против «своего» рабочего класса буржуазия готова была вступить в сделку с какой угодно иностранной властью, только бы спасти эксплуататорский строй в Эстонии. Именно поэтому после победы Великой Октя-

брьской социалистической революции в правящих кругах эстонской буржуазии была четко сформулирована внешнеполитическая цель буржуазного государства: создать благоприятные условия для вмешательства империалистических держав во внутренние дела Эстонии с целью восстановления капиталистического строя. В поисках средств борьбы с Советской властью националистическая буржуазия уделяла все больше внимания идее так называемой «независимости», рассчитывая на то, что с объявлением Эстонии «независимым государством» империалистам будет легче вмешаться в ее внутренние дела. 15 ноября 1918 г. буржуазные лидеры объявили Губернский земский совет («Маапяэв») «верховной властью» Эстонии, но рабочие разогнали это контрреволюционное гнездо.

Представители эстонской буржуазии поспешили установить связи с империалистами обоих воюющих лагерей — с представителями стран Антанты и германского правительства. Но на международной арене того времени помощником эстонской буржуазии скорее всего мог стать германский империализм. Немецкие войска находились уже на островах Сааремаа и Хийумаа. Поэтому эстонские буржуазные деятели строили свои первоочередные планы в надежде на оккупацию немецкими войсками Эстонии, создавали тесные контакты с их командованием и одновременно приступили к организации отрядов мятежников для борьбы против Советской власти.

При этом буржуазные деятели Эстонии вели двойную игру: перед представителями государств Антанты они делали вид, будто и слышать не хотят о немецкой оккупации. В то же время представители эстонской буржуазии, новоиспеченные дипломаты Я. Поска, Ю. Сельямаа и Ю. Вильмс, с января 1918 года стали усиленно посещать посольства Англии, США и Франции в Петрограде, заявляя о стремлении Эстонии к «независимости», которой якобы грозит немецкая оккупация. Это был тактический ход, рассчитанный на то, чтобы державы Антанты не допустили превращения Эстонии в германскую провинцию, а поддержали бы на мирной конференции требования о признании ее независимости.

Стремление германского империализма расширить свою территорию за счет Прибалтики, конечно, не отвечало интересам империалистов Антанты. Поэтому, как в

английском, так и во французском посольствах представителей эстонской буржуазии встретили с пониманием.

Вскоре был получен ответ английского правительства, предварительно согласованный с французским правительством. В ответе говорилось, что Англия сочувствует стремлению Эстонии к самостоятельности и готова признать ее фактическую «независимость». Окончательно же решить этот вопрос было обещано по окончании войны, на мирной конференции.

В это время в Таллине буржуазия вынашивала новые контрреволюционные планы. О приближающейся немецкой оккупации уже говорили как о факте. А так как приход немецких войск не вызывал сомнений, то ведущие буржуазные деятели Эстонии решили предпринять «на всякий случай» еще более решительные шаги в странах Антанты, тем более, что в английском и французском посольствах в Петрограде эстонским представителям посоветовали предпринять поездку в Лондон и Париж.

В первой половине 1918 г. представители эстонской буржуазии, члены так называемой иностранной делегации, посетили ряд западноевропейских государств. Так, А. Пийп побывал в Лондоне, К. Р. Пуста — в Париже, Э. Вирго — в Риме, Я. Тыниссон, М. Мартна и К. Меннинг — в Копенгагене и т. д. Новоиспеченные «дипломаты» передали правительствам западных стран меморандум находившегося в состоянии летаргии Губернского земского совета («Маапяэва») о политической обстановке в стране. В этом меморандуме вновь высказывалась просьба признать Эстонию независимым государством и допустить ее представителей на мирную конференцию. В заявлениях, подписанных 3 мая министром иностранных дел Англии Бальфуром, 13 мая — министром иностранных дел Франции Пишоном и 29 мая — министром иностранных дел Италии Соннино, говорилось, что их правительства признают Губернский земский совет Эстонии как «фактически независимое» учреждение до созыва мирной конференции, на которой будет окончательно решен вопрос о будущем Эстонии.[1]

Представители эстонской буржуазии А. Пийп, К. Р. Пуста, Э. Вирго, Я. Тыниссон и др. всячески стремились в 1918 г. укрепить позиции эстонской буржуазии

[1] ЦГАОР ЭССР.

в правящих кругах Западной Европы. В некоторых государствах были созданы временные дипломатические представительства Эстонии, установлены контакты с местными правящими кругами, пропагандировалась идея «независимости» Эстонии и т. д.

Но именно тогда, в 1918 году, в Западной Европе строились разнообразные планы заключения так называемого Балтийского союза. В различных центрах Западной Европы, в основном в Париже и Лондоне, в тот период собрались многие представители буржуазии бывших национальных окраин России. Буржуазия других окраин России была в таком же положении, как и эстонская буржуазия. В то время как рабочий класс под руководством Коммунистической партии боролся за Советскую власть, буржуазные круги в той или иной мере сотрудничали и с германским империализмом, и с государствами Антанты. В связи с военным поражением Германии в 1918 году бывшая окраинная буржуазия царской России стремилась заручиться поддержкой империалистов Антанты на случай ухода немецких оккупантов, чтобы сохранить буржуазный строй и обеспечить господство над «своим» рабочим классом.

При наличии известных общих интересов эстонским буржуазным деятелям было легко установить контакт с представителями буржуазных кругов Финляндии, Латвии, Польши и других бывших национальных окраин России. Связи буржуазных и мелкобуржуазных кругов Эстонии и Финляндии, стран с родственными народами, стали более тесными уже в 1917 году. Осенью того же года эстонский писатель Г. Суйтс выдвинул идею создания финляндско-эстонской унии. В памятной записке от 26 ноября 1917 года, направленной социал-демократической группе сейма Финляндии, Суйтс обращал внимание на возможность дальнейшего продвижения германских войск в Прибалтике, в результате чего Балтийское море может превратиться в «Прусское озеро». С заключением финляндско-эстонской унии было бы создано буферное государство между Германией и Советской Россией. Проект этот, конечно, не был реальным, но некоторые буржуазные и мелкобуржуазные круги Эстонии вплоть до 1919 года лелеяли надежду на его осуществление.

Как известно, Финляндия добилась независимости в результате победы Великой Октябрьской социалистиче-

ской революции. 31 декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР признал Финляндию независимой. Финской реакции удалось при помощи немецких войск задушить пролетарскую революцию в своей стране, и уже в 1918 г. в Финляндии стала преобладать германская ориентация. Вместе с тем дипломатические представители Финляндии в Лондоне и Париже спешили заручиться поддержкой правящих кругов стран Антанты. Это обстоятельство стремились использовать в своих интересах и представители эстонской буржуазии. Особенно старательно прокладывал путь буржуазным деятелям Эстонии в кругах министерства иностранных дел Англии финский дипломатический представитель в Лондоне Р. Хольсти. Сам Хольсти был рьяным сторонником сотрудничества Финляндии и Эстонии и позднее, будучи министром иностранных дел, принимал активное участие в создании Балтийского союза.

Эстонские буржуазные деятели в 1918 году связались в Западной Европе и с некоторыми представителями латышской буржуазии, в особенности с будущим видным государственном деятелем З. А. Мейеровицем, а также с находившимся в Париже так называемым «национальным комитетом Польши», во главе которого стоял известный польский правый политический деятель Р. Дмовский.

Позднее эстонский дипломат К. Р. Пуста в своих воспоминаниях писал, что именно летом 1918 года в резиденции польской делегации в Париже составлялись планы создания Балтийского союза при участии поляков Дмовского и Замойского, финна Эрстрема, шведа Брантинга и самого Пуста[2] — представителя эстонской буржуазии. По одному из проектов создания Балтийского союза, составленному Пуста, намечалось объединить ряд государств — Данию, Норвегию, Швецию, Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву и Польшу. Союз должен был основываться на общих экономических интересах стран, прилегающих к Балтийскому морю, и быть направлен своим острием как против России, так и против Германии.[3] В скандинавских политических кругах идея создания такого союза не встретила поддержки, и Шве-

[2] ЦГАОР ЭССР.
[3] Там же.

ция, и Норвегия, и Дания не участвовали в создании этого блока. Но в буржуазных политических кругах Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и Польши идея создания антисоветского Балтийского союза внедрялась со временем все глубже и позднее выдвинулась во внешней политике некоторых из этих стран на одно из первых мест.

Планы создания Балтийского союза с самого начала носили контрреволюционный характер, так как были направлены против революционного рабочего движения как в Эстонии, так и в соседних с ней странах. Летом 1918 года все более очевидным становилось военное поражение Германии и ее союзников. А в случае поражения немецким оккупационным войскам пришлось бы покинуть Эстонию, Латвию, Литву и другие оккупированные территории, и тогда местная буржуазия осталась бы один на один со своим рабочим классом. Было ясно, что если буржуазия не получит поддержки извне, власть захватит в свои руки рабочий класс. Представители эстонской буржуазии делали все для того, чтобы наладить тесное сотрудничество с зарубежными буржуазными кругами, в первую очередь Финляндии и Латвии, а также Литвы и Польши, и при помощи их, а также Балтийского союза упрочить свои классовые позиции. Поэтому А. Пийп, К. Р. Пуста, Я. Тыниссон и другие подобные им деятели обсуждали в 1918 году на различных совещаниях и в переписке друг с другом возможности будущего сотрудничества с буржуазными кругами соседних стран. Осенью 1918 г. выяснилось, что некоторый интерес к вопросу Балтийского союза уже тогда проявляли правящие круги Англии и Франции. А. Пийп в письме от 1 сентября 1918 г. подчеркивал, что в правящих кругах Англии оживленно обсуждают проект создания Великой Польши, которая должна будет объединить и прибалтийские страны.[4]

В то время идея создания Балтийского союза существовала лишь в теоретическом плане. Однако военное поражение Германии становилось все более реальным. И лидеры буржуазии прибалтийских стран поставили перед собой цель найти тех, кто мог бы заменить немецких оккупантов и продолжить их «миссию» порабощения

[4] ЦГАОР ЭССР.

рабочего класса. Соответствующие шаги были сделаны главным образом в Париже, Лондоне и в скандинавских странах.

А. Пийп писал в своих воспоминаниях, что 10 октября 1918 г. в беседе с представителем иностранной комиссии палаты депутатов Франции Франклэном-Буйоном он коснулся вопроса о предоставлении эстонской буржуазии военной помощи.[5] Пийп высказал пожелание, чтобы до сформирования эстонских национальных частей в Эстонию был направлен международный гарнизон. Эта мысль привлекла серьезное внимание внешнеполитических кругов Франции. 12 октября во французском министерстве иностранных дел Пийпу и Пуста задали вопрос: считают ли они военную интервенцию союзников в Эстонии желательной. Пийп отмечает, что они были «несказанно рады» разговором о помощи.[6] Но в то же время Пийпу и его единомышленникам было ясно, что реальную помощь эстонская буржуазия сможет получить скорее от Англии, чем от Франции. При этом они имели в виду присылку английской флотилии. Приближающийся крах Германии еще более повысил интерес правящих кругов Англии к Прибалтике. Эстония могла стать существенной опорой британского флота в утверждении господства Англии на Балтийском море и, помимо того, чрезвычайно удобным плацдармом для организации похода на Советскую Россию. Таким образом, в данном вопросе интересы эстонской буржуазии и правящих кругов Англии совпадали, и это помогло им найти общий язык. Уже 25 октября 1918 г. Пийп по настоянию представителя министерства иностранных дел Англии передал английскому правительству «меморандум», в котором эстонская буржуазия просила помочь вооружением и боеприпасами, а также направить в Эстонию войска союзников или нейтральных государств и британский флот. Оккупанты не успели еще покинуть Эстонию, а буржуазные деятели уже старались найти им замену.

В результате вспыхнувшей 9 ноября 1918 года в Германии революции политическая обстановка в Прибалтике крайне накалилась. Капитуляция Германии и все более усиливающееся брожение в немецких войсках

---

[5] A. Piip. Tormine aasta. Tartu, 1934, стр. 310.
[6] Там же, стр. 311.

предвещали скорый уход немецких оккупационных войск из Эстонии. К власти пришло эстонское буржуазное Временное правительство, которое начало свою деятельность 11 ноября и уже 19 ноября заключило в Риге с представителем германского правительства А. Виннигом договор о переходе власти в руки эстонской буржуазии. Но власть буржуазии была крайне неустойчивой. Трудящиеся под руководством Коммунистической партии собирали силы, чтобы восстановить Советскую власть. Для этого в Эстонии имелись все предпосылки.

Борьба трудящихся за Советскую власть становилась все более активной. Эстонские части Красной Армии были стянуты под Нарвой и готовились освободить свою родину. В результате успешного наступления Красной Армии Нарва вскоре была взята, и 29 ноября здесь была провозглашена Эстонская Советская Республика — Эстляндская трудовая коммуна. В этой обстановке лидеры эстонской буржуазии готовы были пойти на любое предательство, продать Эстонию кому угодно, лишь бы спасти буржуазный строй. Лавина призывов о помощи устремилась по различным каналам в Англию и Соединенные Штаты Америки. С нетерпением ожидали прибытия английского флота в надежде, что союзники заставят германские войска остаться. В поисках помощи за границу отправились многочисленные делегации.

Известно, что значительное место в планах антисоветской интервенции империалистов отводилось Прибалтике. Поэтому правительства Англии, Соединенных Штатов Америки и Франции оказывали большую помощь буржуазии прибалтийских стран. 12 декабря 1918 года английский флот прибыл на Таллинский рейд. Буржуазные деятели Эстонии, превознося на все лады значение этого события, однако не теряли чувства реальности, понимали, что с помощью одного лишь флота спасти буржуазный строй от крушения нельзя. Эстонские белогвардейские части были слабы, к тому же они постоянно отступали под натиском Красной Армии, которая освобождала один город за другим.

На закрытом заседании Губернского земского совета 27 декабря 1918 г. было принято решение просить английское правительство прислать свои войска, оккупировать и взять под свой военный протекторат территорию Эстонии. Но так как империалисты не могли в то время

использовать свои военные силы для антисоветской интервенции, то эта просьба не была удовлетворена.

В создавшейся обстановке правящие верхи Эстонии считали крайне важным сотрудничество с буржуазией соседних стран. Но в конце 1918 и в начале 1919 года ближайшее сотрудничество было возможно только с Финляндией, так как в соседней Латвии была установлена Советская власть. Однако при первой же возможности был налажен контакт также с буржуазией Латвии и Литвы и с правительством Польши. Из этого сотрудничества в дальнейшем и должен был развиться военно-политический Балтийский союз.

ПОПЫТКИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ФИНЛЯНДСКО-ЭСТОНСКОЙ УНИИ

Одним из подготовительных этапов в реализации планов создания Балтийского союза следует считать попытки заключения финляндско-эстонской унии.

Во время иностранной интервенции и гражданской войны в Эстонии буржуазное правительство получало довольно большую и разностороннюю помощь от Финляндии. В декабре 1918 года в Хельсинки был организован так называемый главный комитет помощи Эстонии во главе с О. В. Лоухивуори, в состав которого вошли по три члена от каждой буржуазной и мелкобуржуазной политической партии. Так как правительство Финляндии не сочло возможным отправить в Эстонию части финской регулярной армии, то комитет широко организовал вербовку добровольцев. Эстонское правительство считало прибытие финских добровольцев важным не только с военной, но и с политической точки зрения, рассматривая это как акт, который способствовал бы осуществлению проекта заключения финляндско-эстонской унии. Этой же точки зрения придерживалось и финское правительство. Так, в письме эстонского военного министерства дипломатическому представителю в Хельсинки О. Калласу подчеркивалось, что прибытие финских добровольцев будет способствовать объединению обоих государств.[7]

---

[7] ЦГАОР ЭССР.

Финские добровольцы прибыли в тот момент, когда в гражданской войне на территории Эстонии наступил перелом. В первой половине января 1919 года объединенные контрреволюционные силы при поддержке английского флота начали наступление, и Красной Армии пришлось отступить за реку Нарву. Территория Эстонии стала базой антисоветской интервенции. Примечательно, что, кроме империалистов и русских белогвардейцев, поход на Петроград пытались организовать также правые лидеры и военное командование эстонской буржуазии. Они вынашивали план осуществления этой операции совместно с финским правительством под лозунгом создания «Великой Финляндии». Об этом плане болтала даже буржуазная печать. Так, правая газета «Маалийт» писала, что «волею судеб» идея создания «Великой Финляндии» стала реальной возможностью, осуществление которой правительство считает своей важнейшей политической задачей.[8] В передовой «Великая Финляндия» говорилось: «Мы требуем, чтобы свободные, независимые народы финского племени объединились в Великую Финляндию, которая протянулась бы от побережья Северного моря до южной границы расселения эстонского народа и от берегов Балтийского моря до Великих озер, где из рода в род жило наше племя».[9]

Также и другие газеты одобрили планы создания финляндско-эстонской унии. Лидер трудовиков Ю. Сельямаа заявил, что якобы только вступив в устойчивое государственное объединение, Эстония и Финляндия смогут противостоять всем опасностям.[10]

Идею государственного объединения Финляндии и Эстонии одобряли и лидеры эстонских социал-демократов. Они, правда, признавали, что их позиция в этом вопросе «тяжела и мучительна», так как они должны были открыто встать на защиту кровавого террора финских белогвардейцев. Но тут же социалисты демагогически утешали себя: «Кто говорит «а», тот должен сказать и «б». Если мы серьезно стремимся к независимости Эстонии, то неизбежно должны стремиться и к государственному сближению Финляндии и Эстонии».[11]

---

[8] «Maaliit», 9. I 1919.
[9] Там же, 16 I 1919.
[10] «Vaba Maa», 15. I 1919.
[11] «Sotsiaaldemokraat», 26. I 1919.

В связи с пребыванием в Эстонии частей финских добровольцев и с планами создания эстонско-финляндского государства влияние финской буржуазной реакции в Эстонии в начале 1919 года особенно возросло. В эстонской армии командные должности занимали финские офицеры, командующим южного фронта был финский генерал-майор Ветцер и т. д. Даже министр Временного правительства А. Рей вынужден был по прямому требованию финских правящих кругов уйти в отставку, так как в одной из своих статей он упомянул о белом терроре в Финляндии.

Как известно, финские националисты строили планы захвата значительной территории нынешней Советской Карелии. Финский генерал Маннергейм, начальник генерального штаба Энкель и другие договаривались с империалистами и русскими белогвардейцами о совместной интервенции против большевиков. По планам финских реакционеров, находившиеся на территории Эстонии части финских добровольцев также должны были пойти в наступление на Петроград вдоль южного берега Финского залива. Командование буржуазной эстонской армии изъявило готовность содействовать этим планам, прикрываясь фальшивой вывеской оказания «помощи» малому родственному ижорскому народу. Особенно прилагал усилия к тому, чтобы побудить Финляндию к активным военным действиям против Советской России, главнокомандующий эстонской белой армией генерал Лайдонер. 24 февраля 1919 года Лайдонер представил О. В. Лоухивуори план штурма Петрограда, подчеркнув, что именно Эстония и Финляндия должны сыграть в этой операции главную роль. Это якобы необходимо для создания Великой Финляндии.[12]

Таким образом, из проектов финляндско-эстонской унии выросла программа создания «Великой Финляндии», служившая целям захватнической антисоветской политики. Другое дело, что все эти планы не имели под собой реальной почвы. Вследствие стремления народных масс к миру и своей военной слабости финские маннергеймовцы могли только в мыслях штурмовать Петроград, не более.

В связи с провалом планов захвата Карелии, Петро-

[12] ЦГАОР ЭССР.

града и Ингерманландии с повестки дня была снята и программа создания финляндско-эстонской унии. Она не нашла особенно широкой поддержки в политических кругах Финляндии прежде всего потому, что по сравнению с Финляндией международное положение Эстонии было крайне неустойчивым. Маннергейм как-то заявил в Париже, что Финляндию никак нельзя ставить в один ряд с возникшими после мировой войны прибалтийскими государствами.[13]

В конце 1918 года и в начале следующего эстонское буржуазное правительство зондировало почву для установления более близких политических отношений и со Швецией. Но хотя реакционные круги Швеции также разжигали в своей стране антисоветские настроения и в свое время направили в Эстонию роту шведских добровольцев, идея тесного сотрудничества с прибалтийскими странами не находила в Швеции поддержки. В беседе на эту тему с эстонским дипломатическим представителем в Стокгольме Э. Вирго шведский министр иностранных дел Хеллнер дал ясно понять, что Швеция воздержится от всяких начинаний, которые грозят привести к конфликту с Россией или с каким-либо другим государством. По его словам, Норвегия и Дания занимали в этом вопросе аналогичные позиции. При всем этом Хеллнер полагал, что Эстония, Латвия, Литва и Польша могут сами составить сильный блок.[14]

СОТРУДНИЧЕСТВО С ЛАТВИЕЙ

В этой обстановке эстонское правительство активизировало свои усилия по налаживанию контакта и сотрудничества с буржуазными правительствами и военным командованием Латвии, Литвы и Польши. Тем более, что ведущие государственные деятели империалистических стран добивались в то время объединения пограничных с Советской Россией стран для «борьбы с большевиками». На Парижской мирной конференции, которая с самого начала стала главным штабом антисоветской интервенции, уже во второй половине января 1919 года зародилась идея создания из пограничных го-

[13] A. Beranek. Mannerheim. Berlin, 1942, стр. 161.
[14] ЦГАОР ЭССР.

сударств «санитарного кордона», барьера, который препятствовал бы распространению «опасной эпидемии» большевизма.[15] 25 февраля маршал Фош представил свой пресловутый план использования в целях антисоветской военной интервенции народов пограничных с Советской Россией стран — финнов, эстонцев, поляков и др.[16] Для претворения в жизнь этих антисоветских планов в прибалтийские страны устремились в нарастающем количестве американские, английские, французские офицеры и чиновники. Таким образом, стремления эстонских правящих кругов наладить сотрудничество и обеспечить союз буржуазных пограничных государств совпадали в то время с антисоветскими захватническими планами империалистов.

Известно, что и в Латвии положение местной буржуазии в начале гражданской войны было крайне критическим. В ноябре 1918 года, в связи с ослаблением германского оккупационного режима, борьба трудящихся за Советскую власть здесь приобрела массовый характер. Латвийские буржуазные деятели поспешили за поддержкой к империалистам Антанты. 18 ноября 1918 года была провозглашена Латвийская буржуазная республика и сформировано правительство во главе с К. Ульманисом. Однако положение его было очень шатким. Правительство могло опираться только на остатки немецких оккупационных войск и отряды так называемого ландесвера, сформированного из прибалтийских баронов и других контрреволюционных элементов.

В декабре 1918 года латвийские части Красной Армии — латышские стрелки, освобождая родину, быстро продвигались от Пскова к Риге. 20 декабря 1918 г. в Валке была провозглашена Латвийская Советская Республика, а в начале января 1919 года была освобождена и столица республики Рига. В этих условиях буржуазные элементы Латвии были крайне заинтересованы в сотрудничестве с эстонским правительством. С этой целью в декабре 1918 г. Ульманис вел в Таллине переговоры с буржуазным Временным правительством Эстонии.

---

[15] Б. Е. Штейн. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919—1920 гг.). Госполитиздат, 1949, стр. 80—82.

[16] Там же, стр. 136—138.

В конце января 1919 года К. Ульманис сделал предложение главе эстонского буржуазного правительства К. Пятсу оказать помощь латышской буржуазии.[17] В борьбе против рабочего класса как своих стран, так и Советской России буржуазные круги Эстонии и Латвии легко нашли общий язык. На территории Эстонии началось формирование латышских буржуазных частей. 18 февраля 1919 года был подписан соответствующий договор между буржуазными правительствами Эстонии и Латвии. Но следует отметить, что «на всякий случай» в договор был введен пункт, по которому спорная территория на эстонско-латвийской границе должна была отойти к Эстонии.

Уже в конце января 1919 года буржуазные эстонские войска перешли латвийскую государственную границу. Эстонское военное командование провело на территории северной Латвии мобилизацию мужчин в возрасте 19—40 лет, в результате которой из небольших латышских отрядов составилась целая бригада.[18] В конце февраля 1919 года наступление на Советскую Латвию начали сконцентрированные в районе Лиепаи контрреволюционные войска под командованием немецкого генерала фон дер Гольца. 22 мая под натиском превосходящих сил противника латышские красные стрелки вынуждены были оставить Ригу.

СОТРУДНИЧЕСТВО ПРИБАЛТИЙСКИХ СТРАН НА ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Проблемы сотрудничества и союза граничащих с Советской Россией государств неоднократно обсуждались на Парижской мирной конференции. Как известно, в 1918 году, когда война еще продолжалась, представители правительств стран Антанты обещали разрешить вопрос о будущем Эстонии на мирной конференции на основе принципа «самоопределения народов».

Буржуазное правительство послало в Париж на конференцию солидную делегацию во главе с министром

---

[17] E. Laaman. Eesti iseseisvuse sünd. Tartu, 1936, стр. 443.
[18] История Латвийской ССР, т. III, Рига, 1958, стр. 180.

иностранных дел Я. Поска. 16 декабря по требованию Поска делегации были даны по существу неограниченные полномочия с правом заключать от имени Эстонской республики любые договоры политического, экономического или финансового характера. Делегация получила указание — добиться для буржуазной Эстонии международного признания, а в случае, если союзники не пожелают признать Эстонию независимой, вести переговоры о претворении в жизнь других вариантов.

Помимо «полной независимости», предусматривались еще: 1) федерация с Финляндией, 2) союз государств, прилегающих к Балтийскому морю и 3) вхождение с международной гарантией в федерацию «будущей» белогвардейской России. Премьер-министр Временного правительства К. Пятс отмечал в земском совете, что делегация Эстонии была уполномочена просить помощи даже в виде протектората.[19] Кроме признания «независимости», делегация должна была еще добиваться помощи вооружением, боеприпасами, продовольствием и кредитами, необходимыми для ведения войны с Советской Россией.

Виднейшие государственные деятели капиталистических стран в то время собрались в Париже, чтобы обсудить вопрос о заключении мира. Но основное внимание они посвятили организации войны против Советской России. На повестке дня конференции постоянно стояли вопросы интервенции во всех ее формах — прямое вооруженное вмешательство, поддержка местных контрреволюционных сил, интервенция с участием войск граничащих с Советской Россией государств, проекты «санитарного кордона», блокада и экономический нажим.

Представители правительства буржуазной Эстонии направляли председателю Парижской конференции и делегациям великих держав многочисленные заявления с просьбой признать «независимость» Эстонии и оказать ей материальную и военную помощь. Эстонская делегация действовала в Париже в тесном контакте прежде всего с делегатами буржуазных правительств Латвии и Литвы, а также и с представителями буржуазии Украины, Белоруссии и других окраин России. Обсуждались, конечно, и возможности создания Балтийского союза.

---

[19] Maanõukogu protokollid 1917—1919, стр. 345.

15 января 1919 года З. Мейеровиц заявил членам эстонской делегации, что Латвия считает необходимым наладить хорошие взаимоотношения и по возможности создать конфедерацию с Эстонией и Литвой, а в перспективе — так называемый союз северных государств.[20] 5 мая А. Пийп совещался с Я. Чаксте и З. Мейеровицем. Все трое пришли к выводу, что интересы прибалтийских государств едины и они должны заключить между собой союз. Латыши настаивали на необходимости получить также поддержку от поляков. На совещании эстонской делегации эти предложения были одобрены.[21]

Члены эстонской делегации вели в Париже переговоры о военно-политическом сотрудничестве и возможностях заключения союза также с представителями Финляндии и Польши. Так, в мае 1919 года они указали представителю Финляндии Р. Хольсти на необходимость заключения эстонско-финляндской военной конвенции и координации внешней политики, что требовало проведения совещания и обмена информацией.[22]

В Париже эстонской делегации стало известно, что в правящих кругах Польши существует два течения в вопросе о сотрудничестве с прибалтийскими странами. Правые элементы склонны были считать Прибалтику провинцией «будущей» белогвардейской России, и они даже ничего не хотели слышать о сотрудничестве с ней. В то же время представители польской социалистической партии и кругов Пилсудского, лелеявших мечту о «Великой федеративной Польше», стремились подчинить прибалтийские государства (в особенности Литву) польскому влиянию. Представитель последних кругов Слушкий в беседе с Я. Поска в Париже высказал пожелание, чтобы были найдены возможности для заключения военного союза между Польшей и прибалтийскими государствами.[23] Пилсудский в Вильнюсе в начале августа 1919 года заявил эстонскому военному представителю, что Польша готова вступить в переговоры с отделившимися от России малыми государствами для защиты их

---

[20] ЦГАОР ЭССР.
[21] Там же.
[22] Там же.
[23] Там же.

«общих интересов».[24] Главнокомандующий военными силами Эстонии генерал Лайдонер поддержал эту идею.[25]

Важным обстоятельством, приведшим во второй половине 1919 года к активизации усилий эстонского буржуазного правительства в деле создания Балтийского союза, явилось крушение известных надежд эстонских буржуазных кругов на Парижской мирной конференции. Дело в том, что правительства империалистических стран, а под их влиянием и другие государства не признавали в 1919 году буржуазную Эстонию. И, более того, в переписке верховного совета Антанты с Колчаком в мае—июне 1919 года империалисты по существу признали его «верховным правителем» России. Этим империалисты готовили и для Эстонии судьбу провинции реакционной «неделимой России».

ВОПРОС О ЗАКЛЮЧЕНИИ МИРА И ПЛАНЫ СОЗДАНИЯ БАЛТИЙСКОГО СОЮЗА

Признание Колчака империалистическими державами было заметным ударом для правящих кругов Эстонии. Народные массы и солдаты эстонской буржуазной армии задавали прежде всего вопрос: почему правительство продолжает войну с Советской Россией за интересы западных империалистов и русских белогвардейцев? А буржуазная пропаганда продолжала твердить, что борьба идет за «независимость» Эстонии, хотя великие державы и слышать не хотели об этой «независимости». На совещании эстонской делегации в Париже 13 июня 1919 года министр иностранных дел Поска подчеркнул, что фронт буржуазной Эстонии против Советской России держится только потому, что каждый день ожидается признание независимости. «Как только эта надежда исчезнет — никакая сила не удержит солдат на фронте».[26]

В Эстонии с каждым днем усиливалось антивоенное движение.

Руководящей силой в борьбе народных масс за мир стала Коммунистическая партия.[27] В Манифесте о мире

[24] ЦГАОР ЭССР.
[25] Там же.
[26] Там же.
[27] Очерки истории Коммунистической партии Эстонии, ч. I, Таллин, 1961, стр. 340 и сл.

Центрального Комитета Коммунистической партии Эстонии от 19 июля 1919 года была четко обоснована необходимость борьбы за мир. В Манифесте говорилось, что война в руках буржуазии является средством установления безграничного господства над трудящимися. Напротив, заключение мира создало бы более благоприятные условия для классовой борьбы эстонского рабочего класса.

Борьба КПЭ за мир нашла широкий отклик как у гражданского населения, так и у солдат буржуазной армии. Даже собранные буржуазным командованием сведения о настроениях солдат и населения говорят о том, что и народ, и армия были против антисоветской интервенции. Восстание резервного батальона в Тарту, неоднократные отказы солдат идти в наступление на фронте и другие аналогичные события показывали, что условия для достижения мира были налицо.

Летом 1919 года Советское правительство также усилило борьбу за мир с соседними странами. Этому вопросу уделял большое внимание В. И. Ленин. Так, народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин в 1924 году отмечал в своих воспоминаниях, что Советское правительство начало осуществлять политику мира с пограничными государствами именно по инициативе В. И. Ленина. Он писал: «Это был снова поворотный пункт нашей внешней политики, при котором обнаружились вся бесподобная гибкость и политический реализм Владимира Ильича. Нам надо было считаться с фактом окончательного образования рядом с нами буржуазных национальных республик. И Владимир Ильич твердо и ясно положил начало политике мира и дружелюбных отношений с нашими соседями».[28]

Советское правительство уделяло большое внимание заключению мира в первую очередь с буржуазной Эстонией, а также с Финляндией. Буржуазная Эстония более активно участвовала в антисоветских военных действиях, чем ее ближайшие соседи — Латвия, Литва и Финляндия. Территория Эстонии была стратегически важным антисоветским плацдармом, сама Эстония являлась существенным звеном в цепи пограничных государств.

---

[28] Г. В. Чичерин. Ленин и внешняя политика. «Вопросы истории», 1957, № 3, стр. 24.

Наконец нельзя забывать, что именно в Эстонии находились белогвардейские части Юденича, которые готовились к новому походу на Петроград. Поэтому Советское правительство и повело активную борьбу за нейтрализацию прибалтийских государств. В июле 1919 года оно открыто объявило, что Красная Армия не перейдет границ ни Финляндии, ни Эстонии.[29]

Советская внешняя политика, исходившая из безоговорочного признания права наций на самоопределение, представляла собой такой резкий контраст по сравнению с политикой белогвардейцев и империалистов, что эстонское буржуазное правительство было вынуждено с этим считаться. Премьер-министр Эстонии О. Штрандман признался позднее в Учредительном собрании: «Стало явным, что большевики — единственная политическая партия в России, которая осмелилась открыто заявить о своей готовности предоставить отдельным народам независимость. Это обещание большевиков, хотя и с оглядкой, пришлось учесть».[30]

Итак, разные факторы оказывали на эстонское буржуазное правительство давление, побуждая его к заключению мира. Но против заключения мира выступали империалистические державы, которые даже грозили применить средства нажима на эстонское правительство в случае, если оно заключит мир.[31] Об этом говорили и сами эстонские буржуазные государственные деятели. Так, Я. Поска говорил в Учредительном собрании, что правительство опасалось «нежелательных последствий», блокады и т. п.[32] Грубый нажим великих держав отмечал и О. Штрандман.[33]

В этих условиях правительство буржуазной Эстонии предпочитало не вступать в конфликт с империалистами и заслужить своим послушанием их «благожелательность». К тому же клика буржуазных политиков и военных все еще лелеяла надежды, что Советская власть в России рухнет, и стремилась этому всячески содействовать.

[29] См. Документы внешней политики СССР, т. II. М., 1958, стр. 219—220.

[30] Asutava kogu protokollid. 3. istungjärk 1920. a., стр. 283.

[31] См. P. Vihalem. Eesti kodanlus imperialistide teenistuses. Tallinn, 1960, стр. 590 и др.

[32] Asutava kogu protokollid. 3. istungjärk 1920. a., стр. 27.

[33] Там же, стр. 283.

Положение буржуазного правительства, таким образом, было крайне сложным и противоречивым. Представители империалистических стран требовали от него активного участия в походе Юденича. Буржуазия ничего не имела против этого, но массы гражданского населения и армия требовали мира. В то же время ни великие державы, ни русские белогвардейцы не признавали эстонское буржуазное государство. Советское правительство же, напротив, было готово безоговорочно признать независимость буржуазной Эстонии.

Это противоречивое положение неизбежно вызвало в буржуазном лагере известные колебания. Наиболее правые элементы по-прежнему настаивали на антисоветской войне «до победного конца». В мелкобуржуазных кругах зрело понимание того, что игнорирование стремлений масс к миру, далеко заходящее сотрудничество с русскими белогвардейцами и открытая захватническая политика могут привести буржуазный строй к катастрофе.

В этой ситуации буржуазное правительство избрало политику лавирования и выжидания. С одной стороны, оно демонстрировало показное желание мира, свою готовность идти на некоторые переговоры с Советской Россией, но не для достижения окончательного мира. Одновременно зондировалась почва в Лондоне и Париже, выяснялось отношение империалистических хозяев к мирным переговорам между Эстонией и Советской Россией. С другой стороны, эстонское буржуазное правительство было готово при первой же возможности принять участие в военном походе против Советской страны и даже вело в этом направлении соответствующую подготовку. Но главный упор делался на сколачивание Балтийского союза. Последний должен был укрепить позиции буржуазного правительства как во время войны, так и в мирное время.

О том, что заключение Балтийского союза стало во второй половине 1919 года одной из важнейших целей эстонского правительства, свидетельствуют и буржуазная литература [34], и архивные документы. В своей переписке буржуазные дипломаты всячески превозносили планы создания Балтийского союза как победу и «гордость»

[34] См., например, A. Piip. Tartu rahu. Mälestused iseseisvuse võitluspäevilt, II. Tallinn, 1930, стр. 356; Eesti Vabadussõda, II. Tallinn, 1939, стр. 254.

эстонской дипломатии, подчеркивали значение этого блока как основы «независимости» Эстонии и т. п.[35] Буржуазная печать во второй половине 1919 года также активно пропагандировала идею заключения Балтийского союза. Так, газета «Ваба Маа» писала: «Непосредственное сообщение с Польшей через Латвию и Литву должно осуществиться в ближайшем будущем».[36] В печати необходимость военного союза прибалтийских народов обосновывалась еще и тем, что великие державы не признавали «независимости» Эстонии.[37]

Сотрудничество всех контрреволюционных элементов Прибалтики отвечало интересам империалистов, которые стремились использовать его в целях вооруженной интервенции против Советской России. Так, 26 августа в Риге по инициативе английских офицеров состоялось совещание представителей буржуазных правительств и белогвардейских частей прибалтийских стран по вопросу о совместных военных операциях против Советской России.

Но осенью 1919 года стали выявляться известные противоречия между эстонскими буржуазными деятелями и империалистами в отношении целей создаваемого Балтийского союза. Империалисты поддерживали сотрудничество прибалтийских стран лишь в интересах антисоветской интервенции. А эстонское правительство считало Балтийский союз необходимым как для войны с Советской Россией, так и в качестве известной предпосылки заключения мира. Эстонское правительство стремилось любой ценой избежать такого положения, при котором Эстония вынуждена была бы заключить сепаратный мир без участия соседних буржуазных государств — Финляндии, Латвии и Литвы. И так как обстановка вынуждала идти на заключение мира даже вопреки желаниям империалистов, то последним было бы гораздо труднее применить репрессии против прибалтийских государств, если бы они выступили единым блоком. С другой стороны, эстонское правительство надеялось, что при наличии военно-политического союза прибалтийских стран можно будет добиться у Советского правительства более благоприятных условий мира.

[35] ЦГАОР ЭССР.
[36] «Vaba Maa», 2. VII 1919.
[37] Там же, 12. VII 1919.

31 августа 1919 года Советское правительство сделало Эстонии официальное предложение о заключении мира.[38] Под давлением народных масс (30 и 31 августа в Таллине состоялся съезд профсоюзов, выступивший с требованиями о заключении мира; съезд был разогнан, а 25 делегатов были позднее расстреляны под Изборском) буржуазное правительство вынуждено было дать согласие на переговоры о мире. А. Пийп писал об этом в своих воспоминаниях: «Настроения как в армии, так и среди большинства народа и безразличие союзников заставили Поска согласиться на переговоры, хотя он и дал своим делегатам указания затягивать переговоры до тех пор, пока Балтийский союз не встанет на ноги».[39]

СОВЕЩАНИЯ И КОНФЕРЕНЦИИ ПРИБАЛТИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ ОСЕНЬЮ 1919 ГОДА

Осенью 1919 года состоялись многочисленные совещания и конференции с целью координации внешней политики прибалтийских стран и последующего создания их союза. Первое совещание началось 10 сентября в Риге, где, кроме предложений Советского правительства о мире, обсуждался вопрос о союзе прибалтийских стран, а также проекты создания единого антисоветского фронта и экономического соглашения.[40]

Затем, 14—15 сентября, в Таллине по инициативе эстонского правительства состоялась конференция премьер-министров и министров иностранных дел Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы по вопросу координации политики этих государств в отношении Советской России. На конференции было решено, что если придется вступить с Советской Россией в переговоры, то только от имени всех названных стран. Кроме того, здесь договорились о том, что с Советской Россией не следует заключать обычный мирный договор, речь может идти только о прекращении военных действий, т. е. о перемирии.

Решено было также созвать очередную конференцию

---

[38] Документы внешней политики, т. II, стр. 242—243.

[39] A. Piip. Tartu rahu. Mälestused iseseisvuse võitluspäevilt, т. II Tallinn, 1930, стр. 356—357.

[40] «Sotsiaaldemokraat», 13. IX 1919.

в Тарту для выработки предварительных условий прекращения военных действий.[41] Таким образом, на Таллинской конференции по существу было решено, что эстонское правительство не вступит в переговоры с Советской Россией.

Эстонская делегация поехала в Псков прямо с конференции прибалтийских стран и заявила представителям Советского правительства, что переговоры о мире могут вестись только совместно с представителями Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы. Эстонская печать тоже отмечала, что предпосылкой мирных переговоров является участие других прибалтийских стран.[42]

С 29 сентября по 1 октября 1919 года в Тарту проходила очередная конференция премьер-министров и министров иностранных дел Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы.[43] Снова обсуждались вопрос о заключении мира с Советской Россией и проблема создания Балтийского союза.

Как показывают записи одного из членов эстонской делегации о дискуссиях, состоявшихся на этой конференции, представители Эстонии наиболее последовательно отстаивали идею переговоров с Советским правительством. Я. Поска подчеркивал, что хотя положение Советского правительства и тяжелое, но падения его не предвидится, скорее можно ожидать крушения планов русского белогвардейского командования. Следовательно, откладывание переговоров может иметь вредные последствия для граничащих с Советской Россией государств.[44] Представители Латвии также заявили, что их правительство не против переговоров. В то же время финские представители выступили с возражениями против позиции, занятой в этом вопросе эстонской и латвийской делегациями. Министр иностранных дел Хольсти подчеркивал, что цель финнов — выиграть время, так как без согласия Антанты мир, по их мнению, не будет иметь цены.[45] Финский премьер-министр Веннола выдвинул в

---

[41] В. Я. Сиполс. За кулисами иностранной интервенции в Латвии. М., 1959, стр. 183.

[42] «Postimees», 15. IX 1919; 16. IX 1919 и др.

[43] Литву представляли заместитель премьер-министра и заведующий политическим отделом министерства иностранных дел.

[44] ЦГАОР ЭССР.

[45] Там же.

качестве предпосылки будущих мирных переговоров совершенно абсурдные требования. Эстонская делегация заявила, что правительство Эстонии готово начать переговоры и без Финляндии, но совместно с Латвией и Литвой.[46] Премьер-министр Эстонии О. Штрандман потребовал от латвийского представителя ясного ответа: согласна ли Латвия вести переговоры без участия Финляндии? З. Мейеровиц прямого ответа не дал, но заявил, что мирные переговоры можно было бы начать 25 октября. Его поддержал и литовский представитель. После этого министр иностранных дел Эстонии от имени трех прибалтийских государств послал соответствующее сообщение Советскому правительству.[47]

На Тартуской конференции эстонская делегация вновь выступила вдохновителем идеи создания Балтийского союза. На совещании 30 сентября эстонский премьер-министр О. Штрандман подчеркнул необходимость создания Балтийского союза. Штрандман находил, что сотрудничество возможно прежде всего между Финляндией, Эстонией и Латвией, тогда как в вопросе о конфликте между Литвой и Польшей эстонское правительство занимает отличную от Литвы позицию.[48] Литовские делегаты были резко настроены против Польши, опасаясь, что она подчинит себе Литву. А министр иностранных дел Латвии Мейеровиц советовал учитывать прежде всего политику Польши и указывал на необходимость создания барьера пяти государств между Россией и Германией.[49]

Участники Тартуской конференции в вопросе о создании Балтийского союза не приняли конкретного решения. В резолюции конференции, известной под названием «программа действий четырех государств», отмечалось, что ни одна из стран, представленных на конференции, не заключит сепаратного мира, если между ними еще до начала предварительных переговоров будет заключена военная конвенция.[50]

Основным фактором, который осенью 1919 года мешал заключению мира между прибалтийскими странами и

---

[46] ЦГАОР ЭССР.
[47] Документы внешней политики СССР, т. II, стр. 255.
[48] ЦГАОР ЭССР.
[49] Там же.
[50] Там же.

Советской Россией, была политика прямого нажима и угроз со стороны империалистов.[51]

И хотя эстонское правительство лицемерно сообщало Советскому правительству о готовности начать переговоры, правящие круги Эстонии все время ждали, какие результаты даст поход Юденича на Петроград. В наступлении Северо-западной армии в октябре 1919 года участвовали, кроме английского флота, и эстонские части. Но в эстонской буржуазной армии захватническая война была крайне непопулярна, солдаты хотели мира. В это время отважные защитники Петрограда отбили штурм интервентов и вскоре разгромили их. Антисоветская политика эстонского правительства полностью провалилась.

Несмотря на это, эстонские правящие круги продолжали добиваться создания Балтийского союза. Когда в октябре 1919 года русские белогвардейцы и немецкие наемники под командованием Бермонта-Авалова пошли на штурм Риги, то латвийское правительство приложило все усилия к тому, чтобы получить помощь от соседних стран и заключить с ними союз. 9 октября в Латвию были посланы два эстонских бронепоезда, а 10 октября в Таллине начались переговоры о заключении военного договора между Эстонией и Латвией. Эстонское правительство предъявило представителям Латвии очень тяжелые условия в вопросе об эстонско-латвийской границе, потребовало возмещения военных расходов и т. п.[52] Непомерные требования эстонского правительства вызвали в Латвии недовольство. Один из членов Народного совета Латвии заявил эстонскому представителю, что у него волосы поднялись дыбом, когда были зачитаны требования Эстонии.[53] На заседаниях эстонского правительства 13 и 15 октября 1919 года было решено настаивать на принятии правительством Латвии указанных требований, угрожая в противном случае отозвать эстонские войска из-под Риги.[54] Лайдонер предъявил соответствующие требования латвийскому верховному командованию,[55] но в это время военное положение в Латвии

[51] См. подробнее: P. Vihalem. Eesti kodanlus imperialistide teenistuses, стр. 588 и др.

[52] E. Laaman. Eesti iseseisvuse sünd, стр. 683.

[53] ЦГАОР ЭССР.

[54] Там же.

[55] Там же.

улучшилось, атаки войск Бермонта-Авалова были отбиты, и военный договор между Эстонией и Латвией так и не был заключен.

В ноябре 1919 года в Тарту проходила очередная конференция представителей прибалтийских стран. По сути дела было проведено два совещания: с одной стороны, Эстония, Латвия и Литва обсуждали вопрос о заключении мира, с другой, — делегаты Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и Польши, а также представители буржуазных «правительств» Украины и Белоруссии обсуждали проблему заключения антисоветского союза. По последнему вопросу было решено, что союз граничащих с Советской Россией государств необходим и что эстонское правительство должно позаботиться о созыве специальной конференции названных стран.[56]

В период проведения в ноябре 1919 года Тартуской конференции эстонское буржуазное правительство находилось в крайне тяжелом положении. Политическая забастовка протеста таллинских рабочих против милитаристской политики правительства приняла угрожающие размеры. Правительство О. Штрандмана вынуждено было уйти в отставку, и 18 ноября было сформировано новое правительство во главе с Я. Тыниссоном. На заседании правительства 19 ноября было принято решение начать переговоры о мире 1 декабря 1919 года и в случае, если Латвия и Литва откажутся принять участие, вести переговоры и без них.[57]

Переговоры о мире между Советской Россией и Эстонией начались 5 декабря 1919 года в Тарту. В тот же день в Тарту прибыла и латвийская делегация, которая за 10 минут до начала первого заседания сообщила, что Латвия не может еще заключить мир.[58] Правительство Латвии боялось прежде всего нажима со стороны империалистов.[59] Делегация Литвы вообще не приехала в Тарту.

Эстонская делегация в Тарту пыталась встать на путь затягивания переговоров, стремясь выиграть время для

---

[56] «Päevaleht», 15. XI 1919.

[57] ЦГАОР ЭССР.

[58] E. Laaman. Eesti iseseisvuse sünd, стр. 721—722.

[59] В. Я. Сиполс. За кулисами иностранной интервенции в Латвии, стр. 194—197.

различных закулисных сделок. Империалисты, особенно Франции и Соединенных Штатов Америки, оказывали сильное давление на Эстонию, угрожая в случае заключения мира и ликвидации отступавшей на территорию Эстонии Северо-западной армии различными тяжелыми репрессиями (экономический нажим, блокада и т. д.).[60]

Во время тартуских переговоров эстонское правительство стремилось выпросить у империалистов разрешение на заключение мира и окончательно определить отношения с соседними странами. При этом эстонское правительство по-прежнему оставалось сторонником военного союза между прибалтийскими государствами. В решении заседания правительства 19 декабря 1919 года имеются ссылки на необходимость создать в лице Балтийского союза крупную реальную силу, на которую Эстония могла бы опираться в своей политике.[61]

В конце 1919 и в начале 1920 года империалисты стремились объединить прибалтийские государства в целях нового похода против Советской России. На Парижской мирной конференции маршал Фош говорил о необходимости создания антисоветского блока, в который вошли бы Эстония, Латвия и Литва.[62] Но эстонское правительство не в состоянии было продолжать войну и вынуждено было склониться к заключению мира. Эстонские правящие круги считали, что если правительства соседних стран тоже встанут на этот путь, то будет значительно легче заключить мир, вопреки желаниям империалистов. Так, представитель Эстонии в Париже К. Р. Пуста сетовал в своем докладе от 29 ноября 1919 года на отсутствие Балтийского союза, что якобы усложняет заключение мира потому, «что другие прибалтийские страны не приняли еще окончательного решения относительно мира, а Эстонии, если она одна заключит мир, грозит блокада союзников».[63]

Таким образом, в указанное время наблюдались две тенденции в стремлениях заключить Балтийский союз:

---

[60] См подробнее: P. Vihalem. Eesti kodanlus imperialistide teenistuses, стр. 623 и др.

[61] ЦГАОР ЭССР.

[62] Б. Е. Штейн. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции, стр. 292.

[63] ЦГАОР ЭССР.

империалисты хотели создать только орудие антисоветской интервенции в чистом виде, в то время как буржуазная Эстония, да и другие малые страны Прибалтики, считали создание союза необходимым еще и для заключения мира, так сказать, в интересах спасения своей шкуры.

В декабре 1919 года представители эстонского правительства вели ряд переговоров с правительствами Латвии и Финляндии для выяснения позиций этих государств в вопросе заключения мира и создания Балтийского союза. Однако эти государства по всем существенным вопросам заняли выжидательную позицию. Представитель Эстонии сообщал из Финляндии, что финляндское правительство не смеет и пальцем пошевельнуть без согласия Антанты.[64] С 18 по 20 декабря министр иностранных дел эстонского буржуазного правительства Бирк, генерал Соотс и др. находились в Риге. Представители империалистов, особенно французские генералы Ниссель и Этьеван, в угрожающем тоне предостерегали их от заключения мира. Латвийское буржуазное правительство не хотело заключить мир до захвата Латгалии. В своей телеграмме правительству, отправленной из Риги, Бирк сетовал: «Итак, мы по-прежнему в вопросе о мире и войне не имеем поддержки ни со стороны стран Антанты, ни со стороны соседей...»[65]

КОНФЕРЕНЦИЯ В ХЕЛЬСИНКИ В ЯНВАРЕ 1920 ГОДА

В такой обстановке эстонское правительство поспешило добиться созыва конференции прибалтийских государств. Эстонский дипломатический представитель О. Каллас 24 декабря высказал правительству Финляндии пожелание, чтобы он созвало конференцию прибалтийских стран в Хельсинки.[66] Правительство Финляндии согласилось с этим, причем придавало особенно важное значение участию в конференции Польши.[67] Так как польское правительство медлило с ответом, то конференция началась вместо 4-го лишь 15 января 1920 года. К этому

[64] ЦГАОР ЭССР.
[65] Там же.
[66] Там же.
[67] Там же.

времени переговоры в Тарту настолько продвинулись вперед, что эстонское правительство решило заключить мирный договор еще до начала конференции в Хельсинки.[68] Но из этого ничего не вышло, так как некоторые влиятельные эстонские государственные деятели считали необходимым дождаться результатов этой конференции.[69] Народный комиссар иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин отмечал 13 января, что, судя по всему, конференция в Хельсинки играет известную роль в отношениях эстонцев и других прибалтийцев к Советской России.[70]

Империалистические державы, готовясь к очередному антисоветскому походу, естественно, очень интересовались предстоящей конференцией. Некоторые сообщения западноевропейской печати разоблачали планы империалистов. Так, английская газета «Таймс» писала, что на конференции представителей прибалтийских стран, Польши и Финляндии будет принято решение о создании объединенной армии этих государств под общим командованием представителя Антанты.[71] Известен интерес, проявленный французскими империалистами к конференции в Хельсинки. Французское правительство поддерживало стремление своего вассала Польши играть ведущую роль в создаваемом Балтийском союзе. Но это не могло нравиться английским империалистам. Они советовали создать в первую очередь союз малых государств без участия Польши, который сориентировал бы эти страны на Англию.[72] Накануне конференции «Таймс» выразила надежду, что прибалтийские государства не изменят своей политической ориентации.[73] Именно по инициативе английского командования 6 января 1920 года состоялось совещание главнокомандующих Эстонии, Латвии и Литвы, которые пришли к выводу о необходимости заключить военный союз против России и Германии.[74]

---

[68] ЦГАОР ЭССР.

[69] J. Soots. Mälestused rahutegemisest ja Tartu Eesti-Vene konverentsilt. Tallinn, 1921, стр. 16.

[70] Документы внешней политики, т. II, стр. 323.

[71] «Times», 10. I 1920.

[72] В. Я. Сиполс. За кулисами иностранной интервенции в Латвии, стр. 206.

[73] «Times», 9. I 1920.

[74] ЦГАОР ЭССР.

Конференция представителей Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и Польши состоялась в Хельсинки 15—22 января 1920 года. Состав эстонской делегации (премьер-министр Тыниссон, министр иностранных дел Бирк, военный министр Ханко, генералы Соотс и Ларка) говорит о том большом значении, которое придавало эстонское правительство этой конференции. Основными вопросами на конференции были: координация политики указанных государств в отношении Советской России, обеспечение антисоветского военного сотрудничества и проблема военного союза. Эти вопросы обсуждались и на пленарных заседаниях, и в политической, и в военной комиссиях конференции.

16 января 1920 года военная комиссия конференции направила политической комиссии свои рекомендации, в которых говорилось, что создание военной конвенции возможно только в том случае, если позиция представленных на конференции стран по отношению к Советской России будет одинаковой. Военная комисссия рекомендовала всем представленным на конференции странам принять такое обязательство.[75] Однако уже в ходе работы конференции ясно выявились различные позиции отдельных стран в отношении Советской России.

Премьер-министр Эстонии Я. Тыниссон телеграфировал 19 января в Таллин, что плодотворность конференции парализована из-за выявившихся противоположных тенденций. По его словам, Эстония и Финляндия настаивали на твердой оборонительной позиции, в то время как Польша была агрессивна, Литва — безразлична, а Латвия — двулична.[76] Как известно, польское правительство действительно не желало заключения мира, а готовилось вместе с империалистами к новому антисоветскому походу и стремилось втянуть в него и прибалтийские страны. Польские представители поэтому и слышать ничего не хотели о заключении мира между прибалтийскими государствами и Советской Россией. Представители Финляндии и Латвии в некотором отношении также поддерживали позицию Польши. Так, финский премьер-министр Веннола предложил принять на конференции решение не заключать с Советским правительством окон-

[75] ЦГАОР ЭССР.
[76] Там же.

чательного и продолжительного мира. Мир, по его мнению, можно будет заключить с русским народом только тогда, когда тот встанет в своей государственной и общественной жизни на основу «здоровой демократии».[77] Латвийская же делегация предложила не заключать мир с Советской Россией до ратификации военной конвенции, а также без согласования этого вопроса со всеми заинтересованными странами. Это предложение поддержали Финляндия, Латвия и Польша, в то время как литовская делегация в голосовании не участвовала, а эстонская делегация голосовала против.[78] Благодаря протесту эстонской делегации, продиктованному, разумеется, не симпатией к Советской стране, провалилось одно из наиболее важных мероприятий империалистов — организация объединенного политического фронта против Советской России.

На конференции в Хельсинки ясно выявилась противоречивая политика эстонского правительства в вопросе создания Балтийского союза. С одной стороны, оно стремилось сохранить свободу действия в вопросе заключения мирного договора с Советской Россией, а с другой, — было заинтересовано в заключении военной конвенции. Заключение военного союзного договора между всеми участниками конференции эстонская делегация считала даже важнейшей целью конференции. В протоколе совещания делегации от 15 января говорится: «Р е ш и л и: проводить на конференции мысль о том, чтобы вопрос первоочередной важности о создании оборонительного союза был продвинут как можно дальше...»[79] А задача эстонских представителей в комиссиях конференции была определена следующим образом: «Комиссии должны работать для достижения только одной цели — организации оборонительного союза».[80]

Во второй день работы конференции, 16 января, эстонский премьер-министр Я. Тыниссон представил конференции проект военной конвенции, состоявший из десяти параграфов. В первом параграфе предусматривалось,

---

[77] ЦГАОР ЭССР.
[78] ЦГАОР ЭССР; История Гражданской войны в СССР, т. V. М., 1960, стр. 40.
[79] ЦГАОР ЭССР.
[80] Там же.

что военная конвенция между Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой и Польшей заключается против всякой угрозы со стороны России или возникших на бывших ее территориях государственных образований, а также со стороны Германии. Второй параграф указывал, в каком случае страны — участницы договора будут оказывать друг другу военную помощь. В третьем параграфе отмечалось, что государства — участники договора обязуются содержать армию, которая в мирное время составит 1 процент, а в военное — 5 процентов всего населения. Далее в договоре предусматривалось, что в случае войны в каждой договаривающейся стране должна быть проведена мобилизация в равном процентном отношении, избран общий главнокомандующий и т. д.

При обсуждении проекта военного договора и других вопросов в ходе конференции возникли острые противоречия между Литвой и Польшей. Литовская делегация заявила, что Польша угрожает государственному существованию Литвы и поэтому литовское правительство ничего не хочет слышать о заключении военного союза с участием Польши. Литовские представители вели переговоры с делегатами Эстонии и Латвии о союзе Эстонии, Латвии и Литвы. Эстонская делегация обсудила это предложение уже в первый день конференции.[81] Как указывал министр иностранных дел Латвии Мейеровиц, «ни Эстония, ни Латвия не могли согласиться с этим предложением».[82]

Для разрешения польско-литовского конфликта на конференции предлагались всевозможные варианты, но все попытки примирения Польши и Литвы не дали результатов. 20 января литовская делегация заявила, что, поскольку польские войска перешли демаркационную линию и продвигаются по территории Литвы, то литовская делегация может участвовать в дальнейшей работе конференции по обсуждению важнейших вопросов только в целях информации.[83]

В представленный эстонской делегацией текст проекта военной конвенции конференция внесла некоторые изменения. Наиболее существенным из них нужно считать решение о том, что военная конвенция может быть на-

[81] ЦГАОР ЭССР.
[82] E. Laaman. Eesti iseseisvuse sünd, стр. 753.
[83] ЦГАОР ЭССР.

правлена своим острием только против России, но не против Германии.[84] Был внесен также ряд редакционных поправок. В решении было указано, что эстонское предложение явится основой для ведения дальнейших переговоров о создании военного союза. Эстонская делегация предложила внести в проект военного договора оговорку, что договор недействителен для того военного положения, которое существовало во время проведения конференции между Советской Россией и участвующими в конференции государствами.[85]

При обсуждении военных вопросов было принято еще решение о составлении «оборонительного» плана против «угрозы» со стороны Советской России и об организации центрального информационного бюро с местонахождением в Риге для обмена военной информацией.[86] Из других политических решений следует еще назвать резолюцию о согласовании политики представленных на конференции стран по отношению к Советской России с отношениями, господствующими между Антантой и Советской страной, в той мере, в какой это совместимо с «жизненными интересами» этих государств.[87] Конференция выразила также пожелание, чтобы государства Антанты признали Эстонию, Латвию и Литву де-юре[88] и чтобы в работе следующей конференции участвовали также и скандинавские страны.[89]

В Хельсинки работала одновременно также экономическая комиссия, выработавшая рекомендации относительно экономического сотрудничества представленных на конференции стран.[90] Следующую конференцию прибалтийских стран решено было провести в Риге.

В деятельности эстонской делегации на конференции в Хельсинки резко бросается в глаза ее крайняя противоречивость: готовясь к заключению мира с Советской Россией, эстонское правительство заботилось прежде всего о заключении антисоветского военного договора.[91] Ясно, конечно, что в случае заключения военного союза

[84] ЦГАОР ЭССР.
[85] E. Laaman. Eesti iseseisvuse sünd, стр. 753.
[86] ЦГАОР ЭССР.
[87] Там же.
[88] Там же.
[89] Там же.
[90] Там же.
[91] Там же.

Эстония легко могла бы стать участницей дальнейших опасных авантюр.

Конкретные результаты конференции в Хельсинки оказались довольно мизерными. Даже в решении эстонского правительства от 25 января отмечалось, что никаких реальных результатов конференция не дала.[92] Но тут же указывалось, что представленная Эстонией программа военной конвенции в принципе одобрена. Именно это обстоятельство было высоко оценено ведущими государственными деятелями Эстонии. И в дальнейшем организация Балтийского союза оставалась одной из важнейших внешнеполитических задач эстонского правительства.

Последнее обстоятельство отразилось и в отзывах буржуазной печати о конференции. В печати указывалось, что необходим союз, направленный против Советской России,[93] и что его организация идет недостаточно быстро.[94] В буржуазных газетах разочарованно отмечали, что результаты большой конференции были незначительными,[95] и выражали надежду, что на следующей конференции между прибалтийскими государствами будут заключены твердые и связывающие договоры.[96]

На совещании членов эстонского правительства 25 января был одобрен проект мирного договора с Советской Россией.[97] Договор был подписан в Тарту 2 февраля 1920 года. Так успешно закончилась на этом этапе совместная борьба всех советских народов и эстонских трудящихся за мир.

---

[92] ЦГАОР ЭССР.
[93] «Päevaleht», 15. I 1920.
[94] «Sotsiaaldemokraat», 17. I 1920.
[95] «Vaba Maa», 26. I 1920.
[96] «Päevaleht», 24. I 1920.
[97] ЦГАОР ЭССР.

2. ПРОБЛЕМА БАЛТИЙСКОГО СОЮЗА ПОСЛЕ ПОДПИСАНИЯ ТАРТУСКОГО МИРА В 1920 ГОДУ

ВОПРОС О ЗАКЛЮЧЕНИИ БАЛТИЙСКОГО СОЮЗА ОСТАЕТСЯ НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ

Уже в день подписания мира, 2 февраля 1920 года, В. И. Ленин указал на огромную важность этого события: «Этот документ имеет для нас огромнейшее значение. Мирный договор России с Эстонией имеет громадное всемирно-историческое значение...»[1]

Историческое значение Тартуского мира вытекало прежде всего из того, что это был первый мирный договор, заключенный Советской Россией с участником антисоветской интервенции. Тартуский мир как бы предсказывал, что за этим первым мирным договором последуют вскоре и другие, что антисоветская военная интервенция потерпит неизбежный крах, что наступает период мирного сосуществования Советского государства и капиталистического мира.

Из факта заключения мира с Эстонией В. И. Ленин сделал выводы для всей дальнейшей внешней политики Советского государства: «Если мы, будучи пролетарской организацией, Советской республикой, заключаем мир, действуем в мирном духе по отношению к буржуазным правительствам, которые находятся в угнетенном положении в отношении великих магнатов империализма, то отсюда нужно заключить, как должна сложиться наша международная политика».[2] И далее: «Мы ставим себе сейчас главной задачей: победить эксплуататоров и привлечь на свою сторону колеблющихся, — это всемирная задача. Колеблющимися оказываются и целый ряд буржуазных государств, которые, как буржуазные государства, ненавидят нас, а, с другой стороны, как угнета-

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 90.
[2] Там же, стр. 96.

емые — предпочитают мир с нами. Из этого вытекает объяснение того мира, который заключен с Эстонией».[3] Высоко оценил факт заключения мира с Эстонией и Народный комиссар иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин. 4 февраля 1920 года на заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета он указывал, что договор с Эстонией стал генеральной репетицией соглашения с Антантой, первым опытом прорыва блокады и первым экспериментом мирного сосуществования с буржуазными странами.[4] И в других своих выступлениях Чичерин подчеркивал большую важность Тартуского мирного договора.[5]

Подписанный в Тарту мирный договор, отвечавший интересам народов и Эстонии, и Советской России, создал все предпосылки для мирного сосуществования этих стран с различными общественно-политическими системами. По договору прекращались военные действия между сторонами и фиксировалась советско-эстонская граница.[6] Советская Россия безоговорочно признавала независимость и суверенитет Эстонии и отказывалась от всех прав в отношении ее территории и народа. В связи с этим потеряли свою силу и международные соглашения, касавшиеся вхождения Эстонии в состав России, и вытекающие из этого обязательства.

В мирном договоре фиксировались также взаимные военные гарантии, например, создание временной пограничной демилитаризованной зоны, обязательство не иметь на своей территории враждебных другой стороне войск, групп, организаций и т. п. Предусматривалось также установление экономических связей между Советской Россией и Эстонией.

После подписания мирного договора Советское правительство уделяло большое внимание созданию нормальных политических отношений с Эстонией. В. И. Ленин заботился о том, чтобы представителем Советской России в Эстонию было назначено подходящее лицо. Он отмечал, что «в Таллин нам нужен первоклассный работник».[7]

[3] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 96.

[4] Г. В. Чичерин. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, стр. 135.

[5] См. Документы внешней политики СССР, т. II, стр. 669.

[6] См. там же.

[7] Ленинский сборник, т. XXIV. М., 1933, стр. 292.

В то время как Советское правительство всячески заботилось об установлении дружественных связей с Эстонией, на позицию эстонского правительства в отношении Советской России влияли очень противоречивые факторы. Эстонские правящие круги, исходя из классовых интересов буржуазии, проводили антисоветскую внешнюю политику, основные задачи которой определялись курсом внутренней политики, также служившей прежде всего целям укрепления диктатуры буржуазии.

И после заключения Тартуского мира эстонское правительство не отказалось от мысли заключить Балтийский союз с участием Финляндии, Латвии, Литвы и Польши. Этого открыто добивались все буржуазные и мелкобуржуазные политические партии Эстонии, начиная с аграрной и кончая социал-демократической. Невзирая ни на какие межпартийные распри, за организацию Балтийского союза с трогательным единодушием боролись деятели аграрной партии К. Пятс, И. Лайдонер, Я. Соотс и др., народной партии во главе с Я. Тыниссоном, «христианин» Ф. Акель, трудовики А. Пийп, О. Штрандман, Ю. Сельямаа, Э. Лааман и др., а также социал-демократы во главе с К. Астом.

Ведущие государственные деятели Эстонии считали, что Балтийский союз должен стать орудием, с помощью которого буржуазия сможет застраховать прочность своей власти. В лице этого союза эстонская буржуазия надеялась найти средство для защиты своих классовых интересов на внутри- и внешнеполитической арене. Исходя из соображений внутриполитического характера, эстонские правящие круги надеялись создать такую организацию, которая содействовала бы подавлению революционного рабочего и коммунистического движения в стране.

БАЛТИЙСКИЙ СОЮЗ — ОРУДИЕ БОРЬБЫ ПРОТИВ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

Эстонские правящие круги прекрасно понимали, что с подписанием мира перед эстонским рабочим классом откроются значительно более благоприятные возможности для классовой борьбы. Правая печать откровенно выражала опасение, что в условиях мира буржуазный строй в Эстонии может рухнуть в ре-

зультате борьбы «своего» рабочего класса. Так, наиболее правая газета эстонской буржуазии «Кая» сожалела, что мир был подписан без согласия стран Антанты и без участия соседей — Финляндии, Латвии, Литвы и Польши.[8] Газета даже и не пыталась скрыть тревогу буржуазных кругов. Не забывая об антисоветской клевете, она прямо писала о страхе перед «внутренним врагом» — классовой борьбой пролетариата. Поэтому-то «Кая» и призывала прежде всего к созданию сильной военной организации — армии, которая хорошо выполняла бы свои задачи «на границе и внутри государства».[9] Газета выдвигала также требование укреплять «Кайтселийт» («Союз защиты»). «Кая» не уставала предостерегать от опасности «коммунистической пропаганды» и находила даже, что «большевистская агитация» страшнее открытой войны.[10]

Такие же антисоветские выпады и страх перед революционной борьбой рабочего класса характерны и для статей газет «Постимээс» и «Пяэвалехт». В последней выражалось опасение, что буржуазный строй может рухнуть в Эстонии «мирным путем»,[11] а «Постимээс» призывала задушить до заключения мира всякое революционное движение в стране.[12]

Революционной классовой борьбой эстонских трудящихся против буржуазной диктатуры руководила Коммунистическая партия. Подписание Тартуского мира создало для деятельности партии более благоприятные условия. Правда, в буржуазной Эстонии демократические права и свободы для трудового народа существовали лишь на бумаге, а коммунистов подвергали жестоким преследованиям и в мирное время. Но все же теперь стало легче применять легальные формы борьбы, чем во время гражданской войны. Уже в 1920 году в Эстонии были восстановлены разгромленные в годы гражданской войны партийные организации и создан ряд новых.[13] По всей стране были организованы городские и

---

[8] «Kaja», 3. II 1920.
[9] Там же, 15. II 1920.
[10] Там же, I. IV 1920.
[11] «Päevaleht», 2. II 1920.
[12] «Postimees», 24. I 1920.
[13] См. подробнее «Очерки истории Коммунистической партии Эстонии», ч. II. Таллин, 1963, стр. 23.

уездные комитеты партии. Во многих местах работали ответственные организаторы партии, вокруг которых сплотились местные партийные коллективы. Летом 1920 года в Эстонии действовала уже 41 подпольная партийная организация, объединявшая 690 коммунистов. Количество же активных помощников партии было во много раз больше.

Коммунистическая партия Эстонии использовала все возможности для укрепления связей с трудовым народом и, несмотря на непомерные трудности, умело сочетала подпольную борьбу с легальной деятельностью. Ее влияние во многих рабочих организациях, особенно в профсоюзах, непрерывно росло. Опираясь на профсоюзные организации, прежде всего на Центральный совет профсоюзов в Таллине, партии удалось организовать также выпуск легальной рабочей печати.

После заключения Тартуского мира партийная организация Эстонии, руководимая Центральным Комитетом КП(б)Э, формально еще входила в состав РКП(б). Однако в создавшейся обстановке, когда условия работы и ближайшие цели борьбы РКП(б) и эстонской партийной организации заметно отличались, стало необходимым создать Коммунистическую партию Эстонии. На I съезде КПЭ, состоявшемся 5 ноября 1920 года в Таллине, были приняты программа и устав КПЭ, избран ее Центральный Комитет. Этим было оформлено создание Коммунистической партии Эстонии как одной из секций Коминтерна.

О готовности эстонских трудящихся к борьбе и о том влиянии, которое оказывала на них разъяснительная и организационная работа Коммунистической партии, ясно говорят активные выступления пролетариата — забастовки, демонстрации, манифестации. В 1920 году в буржуазной Эстонии прокатилось несколько волн забастовок, особенно мощными они были в крупных промышленных центрах, в частности в Таллине. Характерно, что наряду с экономическими забастовками проходили и политические выступления рабочего класса. Большое внимание привлекла к себе состоявшаяся в конце июня — начале июля 1920 года забастовка таллинских рабочих против суровых приговоров, вынесенных деятелям рабочего движения на инсценированном буржуазными властями политическом судебном процессе. Благодаря этой

забастовке и демонстрациям солидарности рабочих зарубежных стран, правительство вынуждено было заменить В. Богданову и Г. Креуксу смертную казнь десятью годами каторжных работ. Боевой и упорной была забастовка таллинских рабочих в августе 1920 года, охватившая многие заводы. К забастовке позднее примкнули и железнодорожники. Для подавления ее власти применили чрезвычайно суровые меры, но забастовочное движение продолжалось и осенью, и зимой 1920 года.

Оживление деятельности Коммунистической партии Эстонии и учащение революционных выступлений рабочего класса сильно встревожило правящие круги. Для подавления революционного движения рабочих буржуазный правительственный аппарат стал прибегать к репрессиям против Коммунистической партии, революционных рабочих организаций и рабочей печати, к распространению клеветнических измышлений о коммунистическом движении и т. д. Но правящие верхи и во внешней политике исходили прежде всего из необходимости укрепления существующего буржуазного строя. Революционное рабочее движение было одним из существенных факторов, который заставлял эстонское правительство укреплять свои связи с империалистическими государствами и активно добиваться создания Балтийского союза. В тесном сотрудничестве с правительствами Финляндии, Латвии, Литвы и Польши эстонская буржуазия пыталась найти средство для подавления революционного движения. Не случайно на конференциях министров иностранных дел прибалтийских стран неоднократно обсуждался вопрос о методах борьбы против рабочего движения и коммунистических партий. В случае революции, вооруженного восстания трудящихся или гражданской войны буржуазная реакция надеялась на непосредственную помощь своих партнеров по союзу.

В Финляндии, Латвии, Литве и Польше внутриполитическая обстановка была такой же, как и в Эстонии. Естественно, что именно в граничащих с Советской Россией странах коммунистическое движение было особенно интенсивным. У трудящихся этих стран, от Финляндии до Польши, был большой опыт революционной борьбы, которую они в течение долгого времени вели в тесном сотрудничестве с русским пролетариатом. Кроме того, в некоторых из этих стран более или менее длительное

время существовала Советская власть, оставившая неизгладимый след в сознании трудового народа. Именно поэтому правительства соседних с Эстонией стран были заинтересованы в создании Балтийского союза как орудия для подавления революционного движения трудящихся.

Коммунистические партии указанных государств входили в виде автономных секций в Коминтерн, который анализировал и обобщал опыт революционной борьбы рабочего класса многих стран и указывал коммунистическим партиям тактику борьбы с буржуазией. Поэтому реакционные силы во всем мире особенно люто ненавидели Коммунистический Интернационал. Также и правящие круги Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и Польши на совещаниях, созываемых для разработки планов создания Балтийского союза, важное значение придавали наблюдению за деятельностью Коминтерна и обмену соответствующей информацией. Планы создания Балтийского союза можно поэтому рассматривать как одну из первых попыток создания международной антикоминтерновской организации.

Руководящие деятели Коммунистической партии Эстонии в свое время умело разоблачили политику эстонской буржуазии по созданию Балтийского союза и указали на его антинародную контрреволюционную сущность. В Манифесте Коммунистической партии к эстонским трудящимся по случаю заключения Тартуского мира говорилось: «В борьбе против революции трудящихся эстонское государство господ стремится создать союз Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и Польши — союз таких же государств-палачей, стоящих на костях рабочих, как оно само».[14]

Позднее газета «Коммунист» опубликовала специальную статью, посвященную организации Балтийского союза, — «Откормыши объединяются». В ней отмечалось: «Эти мастера союзов не забыли внутреннего врага. Нет никакого сомнения, что прибалтийские марионетки, по крайней мере Латвия и Эстония, ищут в своей внутренней политике общие пути, чтобы лучше убивать коммунистов и подавлять восстание пролетариата».[15]

---

[14] См. Eestimaa Kommunistliku Partei esimene kongress. Dokumente ja materjale. Tallinn, 1960, стр. 15.

[15] «Kommunist», 21. IX 1921.

БАЛТИЙСКИЙ СОЮЗ — ОРУДИЕ АНТИСОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ

Конечно, эстонские правящие круги уделяли столь большое внимание организации Балтийского союза не только из соображений внутриполитического характера. «Союз прежде всего против Советской России! Такова цель тайных планов, которые в течение многих лет замышляют прибалтийские гномы».[16] Так характеризовал орган КПЭ газета «Коммунист» важнейшую внешнеполитическую цель Балтийского союза.

И после заключения Тартуского мира эстонская буржуазия по-прежнему рассматривала Советское государство как своего классового врага, видя в непосредственном соседстве социалистического государства серьезную угрозу своему господству. Для эстонских трудящихся Советская страна, строящая новую жизнь, была воплощением их лучших надежд и воодушевляющим примером революционной борьбы. Х. Пегельман образно заметил, что если буржуазия обнесет свои государственные границы хотя бы семью китайскими стенами, это все равно не спасет ее от волны большевизма, которая будет проникать в Эстонию и через невидимые глазу щели.[17]

На проведение антисоветской внешней политики и заключение Балтийского блока эстонскую господствующую верхушку толкало и то, что в Советской России проживало много эстонцев, готовых всегда поддержать борьбу эстонских трудящихся против буржуазии.[18]

На территории Советской России находилось много организаций эстонских трудящихся, которые сохраняли связи со своими братьями по классу в Эстонии и неоднократно заявляли о своей готовности помогать им в их революционной борьбе. Именно поэтому эстонские власти дали распоряжение своим дипломатическим представителям и органам разведки особенно внимательно следить за деятельностью эстонских коммунистических организаций в Советской России. Пролетариат России

---

[16] «Kommunist», 21. IX 1921.

[17] «Edasi», 29. II 1920.

[18] По данным переписи населения 1926 г., в Советском Союзе проживало примерно 155 000 эстонцев. См. V. Maamägi. Vennalikul pinnal. (Eestlased Nõukogude Venemaal 1918. aastal.) «Kaasaja ajaloost». Tallinn, 1961, стр. 7.

также был готов оказать всевозможную помощь эстонским трудящимся.[19]

Опасаясь крушения буржуазного строя, правящие круги Эстонии взяли курс на антисоветскую политику. Но поскольку Эстония была небольшим государством, ее политика не могла заметно влиять на развитие событий в Восточной Европе. Поэтому эстонские буржуазные политики были заинтересованы в создании антисоветского блока в лице Балтийского союза. При этом эстонское правительство особенно добивалось того, чтобы сколачиваемый блок обрел характер военно-политического союза.

Последнее обстоятельство, конечно, не означало, что эстонские правящие круги были готовы в любых условиях участвовать в новом антисоветском походе. Буржуазные политики тщательно учитывали реальную обстановку, как и все факторы, которые говорили в пользу сохранения мира с Советской Россией на том этапе.

Во-первых, все более очевидным становился крах всех попыток свержения Советской власти. Силы внутренней контрреволюции в России, хотя и получали от империалистов огромную помощь, обнаружили явную слабость. Империалисты — организаторы военной интервенции — из-за стремления народов к миру не могли мобилизовать достаточно сил. Сказывались и противоречия в самом лагере интервентов.

Во-вторых, правящие круги Эстонии должны были серьезно считаться с волей широких народных масс своей страны к миру.

В-третьих, эстонский рабочий класс активно боролся под руководством КПЭ за подлинно добрососедские отношения с Советской Россией. КПЭ постоянно разоблачала лживую националистическую пропаганду эстонской буржуазии о Советской России, разъясняя действительную сущность политики Советского правительства.

В-четвертых, на внешнюю политику Эстонии большое влияние оказывала борьба Советского правительства за мирное сосуществование со всеми странами, в первую очередь с соседними. Несмотря на буржуазную пропаганду, мирная политика Советского правительства находила широкую поддержку у эстонского народа. Совет-

[19] См. A. Sunila. Eesti proletariaadi relvastatud ülestõus 1. detsembril 1924. aastal. Tallinn, 1961, стр. 105.

ское правительство разоблачало всякие враждебные планы, замышлявшиеся в прибалтийских странах, способствуя этим их провалу.

В-пятых, многие представители эстонских торговых и промышленных кругов стали требовать от правительства установления экономических связей с Советской Россией, надеясь извлечь выгоду из ее тяжелого экономического положения. Характерно, что даже такой ярый враг Советской власти, как председатель биржевого комитета и бывший премьер-министр К. Пятс, и тот выражал надежду, что экономические связи с Советской Россией принесут Эстонии (т. е. эстонской буржуазии) выгоду.[20] Такого же взгляда придерживался директор Союза фабрикантов К. Мауритс.[21] Заведующий торговым отделом биржевого комитета лесопромышленник Р. Хольст предвещал оживление транзитной торговли через Эстонию и т. п.[22] Таким образом, экономические соображения также влияли в какой-то мере на отношения между Эстонией и Советской Россией.

В-шестых, буржуазному правительству приходилось серьезно учитывать общее международное положение Эстонии, в первую очередь отношение империалистических держав к ней. Как известно, американские, английские и французские империалисты рассматривали Эстонию как орудие антисоветской борьбы. Многие государственные деятели империалистических стран все еще надеялись на крах Советской власти в России и поэтому считали возникшие на территории Прибалтики государства временными политическими образованиями и отказывались признавать их независимость. Все это делало международное положение Эстонии очень неустойчивым.

Ясно, что подобные неопределенные и неустроенные взаимоотношения с капиталистическими странами во многом влияли на отношения Эстонии с Советской Россией.

Исходя из всех этих соображений, эстонские капиталистические заправилы в поисках наиболее подходящей для своей антисоветской внешней политики линии устремили свои взоры на Англию.

Уже в то время, когда иностранные империалисты еще

[20] «Päevaleht», 5. II 1920.
[21] Там же, 6. II 1920.
[22] Там же.

организовывали против Советской России интервенцию, на международной арене в вопросе об отношении к Советской России наметилось два основных направления. В «Истории Коммунистической партии Советского Союза» эти течения определены так: «В правящих кругах империалистических держав по вопросу об отношениях с Советской страной имелись две основные тенденции. Одни стремились к развитию экономических отношений с советскими республиками, причем большинство не оставляло надежды на перерождение Советского государства, а также на колониальное закабаление России, Украины, Кавказа, Средней Азии. Другие считали, что необходимо улучить благоприятный момент и возобновить вооруженную интервенцию. В зависимости от политической обстановки в различных буржуазных странах усиливалась то одна, то другая тенденция».[23] Эти две тенденции особенно ясно проявились в Англии. Идеологи английского колониализма и стоявшие за ними круги (преимущественно консерваторы) упорно требовали продолжения вооруженной интервенции и применения в отношении Советского государства тактики экономической и дипломатической изоляции. Такие деятели, как Черчилль, Керзон, Чемберлен и др., делали все для того, чтобы свергнуть советский строй в России, предотвратить пробуждение колониальных народов и ослабить антиимпериалистическую борьбу в Индии и в других странах.

В то же время вокруг премьер-министра Англии Ллойд Джорджа объединились представители буржуазии, ставившие на первый план торговые интересы Англии и заинтересованные в сырье и рынках Советской России. Ллойд Джордж как реалистически мыслящий политик пришел в результате крушения двух походов Антанты к убеждению, что советский строй нельзя сокрушить силой оружия. Убедившись в том, что продолжение вооруженной интервенции будет способствовать лишь оживлению революционного движения в Англии, он возлагал в антисоветской борьбе большие надежды на экономические факторы — экономический нажим империалистических держав, концессии, оживление капиталистических отношений в Советской России и т. п.

[23] История Коммунистической партии Советского Союза. Издание второе, дополненное. М., 1963, стр. 335.

Правящие круги Эстонии в вопросе «перерастания» советского строя присоединились к сторонникам «линии Ллойд Джорджа», так как она представлялась им во всех отношениях наиболее выгодной. В политических кругах эстонской буржуазии одним из рьяных сторонников этой линии был А. Пийп.

В связи с военными успехами Советского государства идея антисоветской экономической борьбы находила все большую поддержку в мелкобуржуазных, а затем и в правых кругах. Эстонская правящая верхушка понимала, что нельзя с помощью оружия поработить рабочий класс и крестьянство Советской России, освободившихся от ига помещиков и капиталистов. В начале 1920 года газета «Пяэвалехт» опубликовала статью «В чем состоит устойчивость правительства большевиков и есть ли надежда на его скорое свержение?» В статье говорилось, что русские белогвардейцы не опасны для Советов, так как внутри страны они не имеют массовой поддержки. Не будет иметь успеха и вооруженная интервенция великих держав. «Все те, кто сейчас за границей сидят, сложа руки, в ожидании возвращения в Россию, возврата своего потерянного имущества и возмещения убытков, жестоко ошибаются так же, как и те, которые хотят завоевать Советскую Россию с помощью оружия».[24]

Вот почему ведущие круги эстонской буржуазии наиболее подходящей при проведении в жизнь своей антисоветской политики считали теорию «перерастания». Так, известный социал-демократический деятель К. Аст заявлял в январе 1920 года, что для Эстонии большое значение имело бы «внутреннее перерастание» Советской России мирным путем.[25] Указание на то, что, по мнению эстонских социал-демократов, советский строй должен был развиваться в направлении «демократии», т. е. перерасти в буржуазный строй, мы находим у Х. Пегельмана.[26]

Как отмечалось выше, эта «теория» распространилась и среди правых элементов эстонской буржуазии, а буржуазная печать в течение длительного времени даже толковала о «будущей» России как о чем-то реальном.

---

[24] «Päevaleht», 3. I 1920.

[25] «Sotsiaaldemokraat», 25. I 1920.

[26] H. P[ö ö g e l m a n n]. Pärast sõda. «Klassivõitlus» 1920, Nr. 1/2, стр. 4.

Более того, правительство Эстонии, так же как и правящие круги других прибалтийских стран, стало оправдывать заключение Балтийского союза великодержавными устремлениями... «будущей» белогвардейской России. В начале 1920-х годов в правящих кругах как Эстонии, так и других капиталистических стран с серьезным видом спорили о том, какой может быть «будущая» Россия. Предполагали, например, что после крушения Советской власти в России может возникнуть анархия, которая создаст почву для всяких авантюр против малых пограничных государств.

В буржуазных кругах Финляндии Россию сравнивали с вулканом, который в любой момент под влиянием внутренних или внешних факторов может начать действовать и стать угрозой для пограничных стран. Это сравнение приводилось в качестве аргумента в защиту создания Балтийского союза.[27] Один из активных организаторов Балтийского союза бывший министр иностранных дел Эстонии Я. Поска подчеркивал, что Балтийский союз якобы нужен эстонской буржуазии в качестве гарантии от различных случайностей, в том числе и от белогвардейской угрозы.[28] Поэтому в разных проектах военного договора, составленных организаторами Балтийского союза, обычно имелось примечание, указывающее на то, что данный союз направлен против России, причем под Россией подразумевалась любая военно-политическая организация, могущая возникнуть на ее территории.

Не следует забывать и о том, что вначале эстонское правительство считало необходимым направить острие Балтийского союза против Германии. Это объяснялось захватническими устремлениями германских империалистов в отношении прибалтийских государств (особенно в 1918 году, в период немецкой оккупации, и во время авантюр ландесвера в следующем году). Кроме того, с помощью Балтийского союза эстонское правительство стремилось поднять свой довольно-таки ничтожный престиж на мировой арене посредством заключения взаимного союза прибалтийских стран. Так, эстонский министр иностранных дел А. Пийп подчеркивал 15 декабря 1921 года в Государственном собрании: «Всегда и всегда наша

[27] Ю. Ювеналий. Борьба классов в Финляндии. М., 1922, стр. 50.
[28] ЦГАОР ЭССР.

важнейшая задача будет заключаться в укреплении связей с соседями, с так называемыми прибалтийскими государствами, чтобы создать звено в мировой политике, чтобы заставить о себе заговорить там, где это возможно».[29] К. Р. Пуста находил, что участие прежде всего Польши в Балтийском союзе создало бы условия для различных комбинаций в Лиге наций и т. д.

Исходя из всех этих соображений, эстонское правительство было заинтересовано в том, чтобы Балтийский союз был более широким и охватывал, кроме Эстонии, Латвии и Литвы, также Финляндию и Польшу. При этом прежде всего имелась в виду военная мощь Польши.

ПРОТИВОРЕЧИВАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРИАЛИСТОВ

Как уже указывалось, в заключении Балтийского союза были заинтересованы и империалистические государства во главе с Англией и Францией. Но важно учитывать, что империалистические страны, стремясь создать Балтийский союз, преследовали различные цели. Их противоречивые интересы, их влияние на политику прибалтийских стран в итоге не способствовали, а даже служили помехой заключению Балтийского союза.

Взгляды правящих кругов прибалтийских стран и империалистических держав на задачи Балтийского союза тоже не всегда совпадали. Это особенно проявилось в 1920 году. Как известно, в начале 1920 года началась подготовка к третьему походу Антанты против Советской России. По планам империалистов и польского правительства, в нем должны были участвовать, кроме белогвардейской армии Врангеля и Польши, также и буржуазные страны, граничившие на западе с Советской Россией.[30] Поэтому реакционные круги как Англии, Соединенных Штатов Америки, так и Франции выразили крайнее недовольство тем, что эстонское правительство

[29] I Riigikogu protokollid, 4. istungjärk 1921. a. стр. 941.

[30] См. Ф. Зуев. Международный империализм — организатор нападения панской Польши на Советскую Россию (1919—1920 гг.). М., 1954, стр. 106 и сл.; Н. Ф. Кузьмин. Крушение последнего похода Антанты. М., 1958, стр. 29 и сл.; Б. Е. Штейн. «Русский вопрос» в 1920—1921 гг. М., 1958, стр. 24 и сл.

подписало мирный договор.[31] В. И. Ленин отмечал, что эстонское правительство заключило мир с Советской Россией вопреки воле Антанты.[32] Эстонское правительство получало многочисленные сообщения о недовольстве представителей империалистических стран, прежде всего французского правительства, по поводу заключения мира. Военный представитель Эстонии в Финляндии капитан Лаурсон сообщил, что местные русские белогвардейцы и представители Франции были крайне разгневаны, узнав о перемирии.[33] Дело дошло даже до того, что генерал Этьеван, после того, как мирный договор был подписан, перестал отвечать на приветствия Лаурсона.[34]

Французские представители в Риге также отрицательно отнеслись к заключению мира между Эстонией и Советской Россией.[35] Дипломатический представитель Эстонии в Берлине Э. Вильде сообщал о своей беседе с генералом Нисселем: «Его гнев по поводу заключения мира с большевиками был столь сильным, что он повторял довольно нелогичные вещи, а мои аргументы оставлял почти совершенно без внимания».[36] Премьер-министр Франции Мильеран отмечал, что в вопросе о заключении Эстонией мира Антанта, так сказать, умывает руки.[37]

Резкое недовольство французских правящих кругов подписанием мира вполне понятно — ведь французские империалисты с особой тщательностью готовили поход Польши на Советскую Россию, стремясь втянуть в него и прибалтийские страны. А когда Эстония все же вступила в переговоры с Советской Россией, империалисты пытались изолировать ее от соседей — Финляндии и Латвии, чтобы эти страны не последовали ее примеру. В буржуазной печати различных стран сознательно распространялись слухи, что, заключив мир с Советской Россией, Эстония, мол, оказалась на пороге крушения и большевизации.

В начале декабря 1919 года Мейеровиц сообщил эстонскому представителю в Риге, что из эгоистических по-

[31] См. P. Vihalem. Eesti kodanlus imperialistide teenistuses, стр. 658—659.
[32] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 282.
[33] ЦГАОР ЭССР.
[34] Там же.
[35] Б. Штейн. «Русский вопрос» в 1920—1921 гг., стр. 220.
[36] ЦГАОР ЭССР.
[37] Там же.

буждений «союзники» стремятся посеять между прибалтийскими странами вражду».[38] Эстонское правительство особенно раздражала антиэстонская деятельность французских представителей в Латвии и Финляндии. Так, член французской военной миссии дю Парке выступил перед одной латышской воинской частью с речью, в которой представил эстонцев врагами латышей. Подобные факты послужили для Я. Поска основанием пожаловаться, что «французы более всего против Балтийского союза».[39] В своей речи в Учредительном собрании Поска отметил, что все приверженцы лозунга «единой и неделимой России» делают все возможное для провала Балтийского союза.[40] Здесь Поска имел в виду не только русских белогвардейцев, но и французских империалистов. Эстонским зарубежным представителям было дано распоряжение повсюду разъяснять общественности, что французы стремятся «балканизировать» Прибалтику.[41]

Итак, в первой половине 1920 года политика империалистов даже в известной мере тормозила организацию Балтийского союза. С другой стороны, различные интересы и устремления буржуазных правительств стран — предполагаемых участниц Балтийского союза — Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и Польши — тоже способствовали образованию сложного клубка противоречий. После заключения мира между Эстонией и Советской Россией одним из важнейших препятствий к созданию Балтийского союза явилась агрессивная военная политика польского правительства.

В рамках подготовки третьего похода Антанты в марте 1920 года в Варшаве была проведена конференция представителей правительств Финляндии, Латвии, Польши и Румынии.[42] На этой конференции польское правительство стремилось запрячь в антисоветскую военную колесницу и другие пограничные государства. Так, для достижения военного сотрудничества с Латвией польское правительство прибегло даже к прямым угрозам.[43] Впо-

[38] ЦГАОР ЭССР.
[39] Там же.
[40] Asutava Kogu protokollid, 3. istungjärk 1920. a.
[41] ЦГАОР ЭССР.
[42] История Гражданской войны, т. V, стр. 40.
[43] Ф. Зуев. Международный империализм — организатор нападения панской Польши на Советскую Россию (1919—1920 гг.), стр. 107.

следствии заведующий информационным отделом министерства иностранных дел Эстонии Э. Лааман отмечал, что на Варшавской конференции Польша тщетно старалась привязать к себе Латвию.[44]

Представители эстонского правительства не участвовали в работе Варшавской конференции, так как соответствующее приглашение от польского правительства было получено тогда, когда работа конференции уже шла полным ходом. По-видимому, правительство Польши не было заинтересовано в участии Эстонии, поскольку не было надежды на то, что та начнет военные действия против Советской России. О разногласиях между Эстонией и Польшей говорили в тот период и сами буржуазные государственные деятели. Бывший премьер-министр О. Штрандман 15 июля 1920 года назвал отношения Эстонии с Польшей «очень сложными». Министр иностранных дел А. Бирк подчеркивал, что участие в Варшавской конференции могло бы стать роковым для Эстонии, так как «мы могли думать и предполагать, что на Варшавской конференции Польша попытается втянуть Эстонию в новый антисоветский поход, а то, что наши предположения были правильные и оправдались, уже показал ход событий».[45]

Великодержавные домогательства Польши явились причиной острого польско-литовского конфликта. Как известно, в планах польских правящих кругов по созданию «великой» федеративной Польши предусматривалось, помимо захвата территорий Белоруссии и Украины, также присоединение Литвы и подчинение Латвии и даже Эстонии влиянию Польши. И в 1920 году польское правительство предпринимало различные попытки присоединить к Польше Литву. Весной 1920 года польские войска намеревались захватить Литву, но английские империалисты были против усиления влияния Польши в Прибалтике и поэтому выступили в защиту «независимости» Литвы. Военный представитель Эстонии в Литве А. Шмидт сообщал 5 апреля, что едва не началась польско-литовская война, но ее предотвратило энергичное вмешательство военных представителей Англии, которые заставили польские войска отступить.[46] Однако часть

[44] ЦГАОР ЭССР.
[45] Asutava Kogu protokollid. 4. istungjärk 1920. a., стр. 1563.
[46] ЦГАОР ЭССР.

литовской территории была все же оккупирована польскими войсками.

Польское правительство стремилось присоединить Литву к Польше и другим путем: оно сделало ей ряд предложений о создании польско-литовской унии. Так, А. Шмидт сообщал в июле 1920 года, что Польша снова предложила Литве заключить унию. При этом поляки обещали освободить оккупированную ими территорию Литвы, но требовали, чтобы Литва сразу же начала активные военные действия против Советской России. На закрытом заседании Учредительного собрания Литвы это требование было отклонено.[47]

ЭСТОНСКО-ЛАТВИЙСКИЙ КОНФЛИКТ В 1920 ГОДУ

К польско-литовскому конфликту прибавились в 1920 году еще довольно острые разногласия между Эстонией и Латвией в вопросе об эстонско-латвийской границе. Пограничная проблема явилась причиной ссоры между Латвией и Эстонией уже в 1919 году, но особенно острой она стала в начале 1920 года.

Упорядочением границы между Эстонией и Латвией занялись уже в 1917 году в связи с присоединением к Эстляндской губернии северной части Лифляндской губернии. В августе 1917 года была создана комиссия для обсуждения пограничного вопроса. И уже в этой комиссии возникли разногласия в вопросе о принадлежности города Валга.

В 1919 году проблема судьбы города Валга обсуждалась неоднократно. Буржуазная Эстония была в то время в военном отношении сильнее Латвии и пыталась использовать это преимущество против нее. Нажимом и угрозами эстонские правители хотели добиться от латвийского правительства уступок в проведении границы. С другой стороны, они понимали, что неразрешенные спорные вопросы не в интересах правящих кругов обеих стран, и поэтому шли на переговоры.

В январе 1920 года в Таллине при участии премьер-министра Эстонии Я. Тыниссона, эстонского министра иностранных дел А. Бирка, министра иностранных дел Лат-

[47] ЦГАОР ЭССР.

вии З. Мейеровица и др. снова обсуждался вопрос о принадлежности города Валга. Латвийская сторона предложила разделить город.[48] Эстонские представители были против этого. В конце концов было решено урегулировать вопрос с помощью третейского суда под руководством представителя Англии и при участии равного количества представителей Эстонии и Латвии.

Весной 1920 года отношения между Латвией и Эстонией обострились еще больше. С целью нажима на эстонское правительство Латвия пыталась использовать даже военную демонстрацию. К эстонской границе были направлены войска и военное снаряжение. Чтобы вызвать антиэстонские настроения, одну дивизию заставили промаршировать через Ригу в северном направлении. Латышская печать заговорила о возможной войне между Эстонией и Латвией.

Эстонский военный представитель в Риге капитан Юргенсон передал сенсационное сообщение о том, что 10 марта вечером на секретном заседании латвийского правительства обсуждался вопрос о возможной войне с Эстонией.[49] По этим же данным между Латвией и Польшей было заключено военное соглашение, направленное против Эстонии. В это же самое время будто бы состоялись переговоры между Латвией и странами Антанты относительно блокирования флотом Антанты побережья Эстонии в случае войны Эстонии с Латвией.[50]

Хотя эстонское командование и не верило, что Латвия начнет войну, главнокомандующий генерал Лайдонер отдал армии приказ о полной готовности. В буржуазной печати Эстонии появился ряд резких статей, направленных против Латвии.[51]

Но несмотря на все это, правительства обеих стран были заинтересованы в достижении какой-либо договоренности. Пограничная неурядица между Эстонией и Латвией привлекла к себе внимание Западной Европы и была использована противниками признания прибалтийских стран. Поскольку вдобавок к эстонско-латвийскому пограничному конфликту обострились еще отноше-

[48] ЦГАОР ЭССР.
[49] Там же.
[50] Там же.
[51] «Postimees», 13. III 1920 и др.; «Päevaleht», 23. IV 1920 и др.

ния между Польшей и Литвой, то во многих местах поговаривали о новых «Балканах» в Прибалтике.

Правительства и Эстонии, и Латвии были заинтересованы в разрешении пограничного вопроса по одним и тем же внешнеполитическим мотивам. Предполагали, что разрешение пограничных проблем произведет на правящие круги Западной Европы хорошее впечатление как доказательство политической стабильности прибалтийских государств и будет содействовать признанию их со стороны империалистических держав. Так, министр иностранных дел А. Бирк указывал 12 марта в Учредительном собрании, что признание Эстонии де-юре зависит в известной мере от того, как Эстония организует свои отношения с соседями. И именно поэтому не нужно портить отношения со своим южным соседом — Латвией.[52]

По этим соображениям эстонское и латвийское правительства согласились с тем, чтобы пограничную линию между двумя государствами определил третейский суд во главе с английским представителем. В конце концов судьба города Валга была определена 1 июля 1920 года решением английского председателя пограничной комиссии полковника Таллентса, в котором отмечалось, что невозможно якобы найти совершенно правильное и удовлетворяющее обе стороны решение.[53] Невозможно также провести границу через центр города, так как это может парализовать жизнь всего города. Поэтому было решено, что основная часть города и станция Валга отойдут к Эстонии.

Как и следовало ожидать, правящие круги обеих стран не были согласны с решением Таллентса. Уже 1 июля представитель Латвии Самуэльс опротестовал в письменном виде решение третейского суда.[54] Также и в Эстонии не были довольны, так как Таллентс совершенно не посчитался с желаниями пограничного населения. Многие жители Валга эстонской национальности остались на территории Латвии и наоборот. В связи с этим эстонское правительство направило английскому правительству протест против деятельности Таллентса. В протесте отмечалось, что Таллентс не учел пожеланий населения и поэтому границей не довольны ни Латвия, ни Эстония.[55]

---

[52] Asutava Kogu protokollid. 3. istungjärk 1920. a., стр. 765.
[53] ЦГАОР ЭССР.
[54] «Päevaleht», 2. VII 1920.
[55] Там же, 21. VII 1920.

Но так называемая линия Таллентса все же была принята за основу эстонско-латвийской границы, хотя позднее она была несколько изменена. Эстонско-латвийский пограничный конфликт носил в себе зародыш противоречий многих лет, и его не могли полностью ликвидировать даже многочисленные переговоры.

Когда же на повестку дня вставал вопрос о необходимости совместными усилиями укрепить классовые позиции эстонской и латышской буржуазии, то обе стороны стремились забыть все разногласия и сообща трудились над созданием Балтийского союза. Ярким примером этого была конференция представителей прибалтийских стран, Финляндии и Польши в Риге (Булдури) в августе—сентябре 1920 года.

3. БУЛДУРСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

НАЧАЛО КОНФЕРЕНЦИИ. УЧАСТНИКИ

На конференции в Хельсинки в январе 1920 года было принято решение созвать следующую конференцию прибалтийских стран в Риге. По первоначальным планам, она должна была состояться в мае того же года, но по различным причинам ее несколько раз откладывали.[1]

Наконец, в начале августа 1920 года делегации Финляндии, Эстонии, Литвы и Польши собрались в Риге, и 6 августа там состоялось официальное открытие конференции.[2] Председателем конференции был избран премьер-министр Латвии К. Ульманис, помощником председателя — латвийский министр иностранных дел З. Мейеровиц.

Официально конференция работала целый месяц, до 6 сентября 1920 года, фактически же дольше. Важнейшей целью конференции было заключение антисоветского военно-политического союза. Участники конференции особенно и не стремились скрывать это. О разрабатываемых на конференции планах создания антисоветского блока открыто заявляла печать многих государств. В советских газетах сообщалось, что конференции, особенно в рижских периодических изданиях, уделяется большое внимание и что ее главная задача — создание коалиции против Советской России.[3]

Кроме вопросов военно-политического характера, на конференции обсуждались также экономические, юриди-

---

[1] См. «Päevaleht», 3. V 1920; 17. VII 1920.

[2] Открытие и закрытие конференции состоялось в Риге, а заседания проводились в Булдури на Рижском взморье. Конференция известна под названием «Булдурской», хотя иногда ее называют и «Рижской».

[3] «Правда», 7 VIII 1920.

ческие и многие другие проблемы. Для разработки обширной программы конференции был образован ряд комиссий, например, политическая и юридическая комиссии, экономическая комиссия, комиссии по обсуждению вопросов культуры, здравоохранения и др. Многие из них делились еще на несколько подкомиссий. Все эти комиссии выработали различные законопроекты, резолюции, рекомендации и многие другие документы. Ниже будут рассмотрены лишь наиболее существенные стороны работы этой конференции и наиболее важные из обсуждавшихся на ней вопросов военно-политического характера.

Остановимся прежде всего на вопросе об участниках конференции.

С самого начала в конференции принимали участие делегации Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и Польши.

Организаторы Балтийского союза пытались привлечь к создаваемому антисоветскому блоку и скандинавские страны. Так, представители финского правительства уже на конференции в Хельсинки в январе 1920 года были уполномочены вступить в переговоры с правительствами Швеции, Норвегии, Дании и уговорить их принять участие в следующей конференции прибалтийских стран.[4]

Скандинавским странам было послано соответствующее приглашение, но на конференции в Осло делегаты этих стран решили в Рижской конференции не участвовать.[5]

Делегаты контрреволюционных «правительств» Украины и Белоруссии, наоборот, упрашивали представителей пяти стран допустить их на конференцию.

Эстонское правительство считало, что конференция должна стать местом широкого объединения антисоветских сил.[6] Но, с другой стороны, в августе 1920 года нельзя было серьезно говорить о буржуазных «правительствах» Украины и Белоруссии. Наконец, эстонское правительство решило не допускать на конференцию представителей белорусской буржуазии, так как они никого не представляли, и вместе с тем поддержать просьбу делегатов украинского «правительства». Примерно той же позиции придерживались и некоторые другие де-

[4] ЦГАОР ЭССР.
[5] Там же.
[6] Там же.

легации. Таким образом, делегаты «правительства» Петлюры участвовали в Булдурской конференции.[7] Против этого выступили только литовские делегаты, которые подчеркивали неопределенность юридического положения украинского буржуазного «правительства», а также то обстоятельство, что Советское правительство рассматривает допущение украинской делегации на конференцию как вмешательство в свои внутренние дела.[8] Но в то же время литовцы заявили, что не покинут конференцию, если представители «правительства» Украины все же будут приглашены.

Делегаты украинских белогвардейцев добивались на конференции фактического признания украинского «правительства». На их просьбу эстонское министерство иностранных дел ответило уклончиво, в том смысле, что Эстония признает Украину постольку, поскольку украинский народ смог осуществить свое «самоопределение». Фактическое признание, таким образом, связывалось со свержением Советской власти на Украине, что и скрывалось за термином «самоопределение».

Каковы же были основные цели стран — участниц Булдурской конференции?

Уже в самом начале конференции выяснилось, что интересы представленных на ней государств далеко не совпадали. И более того, не составляло секрета, что на работу конференции оказывали давление империалисты, интересы которых не только сталкивались между собой, но и расходились в ряде вопросов с интересами того или иного государства — участника конференции.

КРУШЕНИЕ ПЛАНОВ ИМПЕРИАЛИСТОВ

Рассмотрим прежде всего политику империалистов в отношении стран Прибалтики в период Булдурской конференции. Общая международная обстановка в Европе была в то время очень напряженной. Авантюристское нападение польских контрреволюционных сил на Советское государство потерпело провал. В результате успешного наступления Красной Армии, начавшегося 5 июня 1920 года, оккупанты были

[7] «Известия», 27 VIII 1920.
[8] ЦГАОР ЭССР.

отброшены, и в августе того же года, т. е. в начальный период Булдурской конференции, столица Польши была уже под угрозой падения. Польское буржуазное государство стояло на пороге крушения. К тому же усилилась революционная борьба польского пролетариата за Советскую власть. 30 июля на освобожденной территории Польши был образован орган пролетарской власти — Временный революционный комитет, который призвал польских трудящихся строить социалистическую республику.[9]

Успехи Красной Армии находили отклик во всем мире. Пролетариат многих стран оказывал Советской России всемерную поддержку. В буржуазных кругах, напротив, росли беспокойство и страх. В первой половине августа 1920 года, когда советские войска находились уже на подступах к Варшаве, империалистический лагерь охватила сильная паника. Правительственные учреждения империалистических держав развили лихорадочную деятельность, пытаясь спасти польских белогвардейцев. Однако открытые военные действия против Советской России не предпринимались, ибо империалисты вынуждены были учитывать настроение масс. Отчеты эстонских дипломатических представителей, аккредитованных в то время в Западной Европе, единодушно говорят о том, что общественное мнение было против войны. А. Пийп, например, сообщал из Лондона, что мира жаждут не только рабочие, но также интеллигенция и другие слои населения.[10] Рабочие отказывались перевозить и разгружать военное снаряжение и требовали заключения мира с Советским государством.

В этой обстановке наиболее реальной помощью Польше империалисты считали, наряду с отправкой военного снаряжения и всяческими империалистическими маневрами, вовлечение других пограничных стран, в том числе и Эстонии, в войну против Советской России. Это предвидел В. И. Ленин. Еще на VII Всероссийском съезде Советов, 5 декабря 1919 года он говорил: «Я нисколько не сомневаюсь, что со стороны Антанты будут еще попытки натравливать на нас то одно, то другое маленькое государство, которое живет с нами по соседству».[11]

[9] История Польши, т. III. М., 1958, стр. 138.
[10] ЦГАОР ЭССР.
[11] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 398.

Позднее советские историки в ряде своих работ убедительно показали, что империалистические державы стремились летом 1920 года втянуть пограничные государства в войну против Советской России, чтобы спасти от краха диктатуру буржуазии и помещиков в Польше.[12]

Многочисленные факты говорят о том, что империалисты строили различные планы вовлечения Эстонии в войну против Советской России. 6 августа 1920 года в Лондоне один сотрудник министерства иностранных дел Англии задал эстонскому представителю А. Пийпу совершенно конкретный вопрос: примет ли Эстония участие в войне против России, если союзники объявят войну и призовут участвовать в ней пограничные с Россией страны.[13]

Известно, что летом 1920 года правящие круги Соединенных Штатов Америки и Франции особенно активно занимались организацией различных антисоветских авантюр. С целью обострения отношений между Прибалтикой и Советской Россией американские и французские империалисты шли даже на прямые провокации. Так, в августе 1920 года была организована широкая кампания клеветы в адрес Советского правительства, причем особенно интенсивно распространялись вымыслы о предстоящем «нападении» Советской России на Эстонию и Латвию. Воспользовавшись подобными провокационными сообщениями, американские власти решили отправить в Балтийское море военные суда.[14] Даже эстонское буржуазное правительство вынуждено было добиваться у представителей США разъяснений о цели отправки флота и обратить внимание на то, что прибытие военных судов может только подтвердить слухи о том, что Антанта собирается бросить Эстонию в войну против Советской России.[15]

Французские дипломаты во время проведения Булдурской конференции развили в прибалтийских странах

---

[12] См. Б. Е. Штейн. «Русский вопрос» в 1920—1921 гг. М., 1958, стр. 130 и др.; Н. Ф. Кузьмин. Крушение последнего похода Антанты. М., 1958, стр. 207 и др.

[13] ЦГАОР ЭССР.

[14] Б. Е. Штейн. «Русский вопрос» в 1920—1921 гг., стр. 130 и др.

[15] ЦГАОР ЭССР.

особенно активную деятельность. Между прочим, местные представители французского правительства предложили как Эстонии, так и Латвии принять участие в совещании с представителями генерала Врангеля в Париже. «Правительство» генерала Врангеля, со своей стороны, предложило Латвии вступить с ним в непосредственные переговоры через делегацию Красного Креста, при этом было высказано пожелание, чтобы были обсуждены и военные вопросы. Империалисты и русские белогвардейцы хотели использовать территорию Эстонии и Латвии для организации новых контингентов русских белогвардейских войск. Так, представители белорусского буржуазного «правительства» обратились к правительствам Эстонии и Латвии за разрешением использовать территории их стран для формирования своих войск и организации «правительства».[16] Таким образом, снова стали предприниматься попытки превратить Эстонию в антисоветский военный плацдарм. Эстонское правительство отказалось выполнить эту просьбу.

Советское правительство быстро распознало планы империалистов, направленные на вовлечение пограничных государств в войну против Советской России. Так, еще 10 июля 1920 года Центральный Комитет партии обратился к партийным организациям с письмом, в котором говорилось, что можно ожидать выступления Румынии, Латвии, Финляндии и новой открытой интервенции со стороны стран Антанты.[17] В связи с планами империалистов Военный совет Советского государства отдал 17 июля приказ привести резервы в готовность на случай нападения со стороны Румынии, Финляндии и Латвии.[18]

В своей листовке от 25 августа 1920 года Центральный Комитет Коммунистической партии Эстонии также указал на подстрекательские планы империалистов. В этой листовке, в частности, отмечалось, что до тех пор, пока в Польше идет война, пограничным странам грозит опас-

---

[16] ЦГАОР ЭССР.

[17] Н. Ф. Кузьмин. В. И. Ленин во главе обороны Советской страны (1918—1920 гг.). М., 1958, стр. 299.

[18] Там же, стр. 309.

ность быть втянутыми в кровавую игру, затеянную капиталистическими государствами.[19]

Естественно, что империалисты, прилагавшие все силы для расширения антисоветского фронта интервенции, в тех же целях стремились использовать и Рижскую конференцию. На одном из банкетов, состоявшемся в начале конференции, представитель Франции в Риге открыто заявил, что целью прибалтийских стран должна быть борьба против большевизма.[20]

Одной из важнейших задач польского правительства на этой конференции было добиться помощи от прибалтийских государств в борьбе с Советской Россией.

Так, в одной из своих деклараций польская делегация жаловалась, что ни одно прибалтийское государство не борется рядом с Польшей против большевиков и что Польше не предложили ни материальной, ни моральной помощи. Там же пугали угрозой со стороны Советской России и подчеркивали, что прибалтийские страны должны принести жертвы для достижения соглашения с Польшей. В итоге прибалтийским странам прямо угрожали, что если их «эгоистическая обособленность» провалит идею Балтийского союза, то Польша оставляет за собой свободу защищать свои интересы любыми средствами.[21]

Но несмотря на все старания, планы империалистических сил вовлечь прибалтийские страны в войну не увенчались успехом.

Поражение интервентов, явная жизнеспособность советского строя, воля народов к миру, некоторые экономические соображения и многие другие факторы заставили теперь правящие круги всех прибалтийских государств и Финляндии проводить в отношении Советской России мирную политику.

Нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин на заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 17 июня 1920 года подчеркнул, указывая на замыслы империалистов в отношении пограничных стран: «Если эти интриги не удаются, если вместо того, чтобы

---

[19] Eestimaa Kommunistliku Partei esimene kongress. Dokumente ja materjale, Tallinn, 1960, стр. 54—55.

[20] «Правда», 10 VIII 1920.

[21] ЦГАОР ЭССР.

снова натравить против нас 14 государств, вместо этого достигнуто лишь то, что Финляндия вступает с нами в переговоры, а Латвия и Литва продолжают переговоры с нами, и Эстония остается с нами в самых мирных, дружественных отношениях, то причина заключается в том, что широкие массы этих стран сознают, что у них нет мотивов для войны против нас, что все заставляет их быть в мире с нами».[22] Приведенные слова четко характеризуют позицию Эстонии и ее соседей в самом важном вопросе того времени — в вопросе войны и мира.

В передовой статье «Правды» от 14 августа 1920 года также анализировались отношения Советской России с малыми соседними странами и указывалось, что французское правительство предпринимало особенно яростные усилия, чтобы направить на помощь Польше целый ряд стран. Там же отмечалось, что малые пограничные государства отказались быть слепым орудием политики Антанты, так как увидели, что империалисты считаются только со своей выгодой, а не с интересами малых стран.

РАЗНОГЛАСИЯ МЕЖДУ УЧАСТНИКАМИ КОНФЕРЕНЦИИ

Рассмотрим теперь коротко основные цели участвующих в конференции стран в вопросе о Балтийском союзе. Несомненно, сильнейшим государством на конференции была Польша. Участник конференции, заведующий информационным отделом министерства иностранных дел Эстонии Э. Лааман впоследствии отмечал в одном обзоре о польской внешней политике, что в основе тактики поляков на конференции лежала идея Пилсудского о создании федерации пограничных с Советской Россией государств при гегемонии Польши.[23] Захватнические планы польских правящих кругов в отношении Украины, Белоруссии и Литвы были общеизвестны. Господствующая верхушка Польши, мечтавшая о руководящей роли в Восточной Европе, стремилась использовать и Булдурскую конференцию в целях подчинения Прибалтики Польше. В случае претворения в жизнь этих планов Эс-

[22] Документы внешней политики СССР, т. II, М., 1958, стр. 641.
[23] ЦГАОР ЭССР.

тония и Латвия, не говоря уже о Литве, могли бы стать вассалами Польши.

Однако в августе—сентябре 1920 года объективная обстановка крайне не благоприятствовала осуществлению честолюбивых замыслов польского правительства; положение Польши в период проведения конференции было очень тяжелым. Красная Армия приближалась к Варшаве, и в первые дни конференции у польской делегации не было никаких возможностей ни для того, чтобы оказать давление на прибалтийские государства, ни даже для того, чтобы играть ведущую роль на конференции. Польская делегация придерживалась на конференции позиции заключения политических, военных и других договоров между всеми участниками конференции.

На политическую линию литовской делегации на конференции в сильной мере влияли захватнические планы польского правительства. Литовская делегация, конечно, очень сдержанно относилась к программе заключения военно-политического союза с участием Польши. Уже на предварительных переговорах руководителей делегаций пяти стран, еще до официального открытия конференции выяснилось, что у литовской делегации не имелось достаточных полномочий для заключения военного договора. По предложению литовской делегации другие участники конференции вынуждены были согласиться не включать вопрос о заключении военного договора в повестку дня конференции.

Представители литовского правительства предложили Эстонии и Латвии заключить вместо союза пяти государств Балтийский союз трех стран. Литовское правительство старалось таким образом хоть немного укрепить свою позицию в отношениях с Польшей. Но переговоры литовских делегатов с З. Мейеровицем и главой эстонской делегации К. Р. Пуста не дали результатов. Оба стояли за «большой» Балтийский союз, от Финляндии до Польши. На совещаниях эстонской делегации Пуста подчеркивал, что военная конвенция между пятью государствами является для Эстонии кардинальным вопросом, поэтому не может быть и речи о союзе трех стран против одного участника конференции.[24]

Эстонская делегация явилась на конференцию с твер-

[24] ЦГАОР ЭССР.

дой целью — сделать все возможное для заключения военно-политического союза пяти государств. Эстонская буржуазная печать уже задолго до начала конференции пропагандировала идею заключения Балтийского союза. Буржуазные политики тоже не жалели красивых слов для провозглашения Балтийского союза. Так, К. Р. Пуста указывал журналистам: «Нет ничего более веского для признания и обеспечения нашей независимости, чем союз прибалтийских государств».[25] Пуста отмечал также, что Эстония якобы является инициатором создания Балтийского союза. Характерно, что и орган эстонских социал-демократов превозносил идею антисоветского Балтийского союза, пожелав конференции всяческого успеха.[26] В Булдури эстонская делегация всеми силами боролась за военно-политическое объединение пяти стран и стремилась обеспечить его путем заключения военного договора. На совещании эстонской делегации было единодушно решено, что тактика делегации в дальнейшем будет полностью зависеть от того, будет заключена военная конвенция или нет, так как делегация считает заключение военной конвенции важнейшим вопросом в программе работы конференции.[27]

Этой позиции эстонская делегация придерживалась, несмотря на то, что по инициативе литовской делегации вопрос о военном договоре был снят с повестки дня конференции. На различных переговорах с представителями других стран члены эстонской делегации стали проводить идею заключения военного союза. На совещании эстонской делегации 9 августа эстонский военный представитель П. Лилль получил задание убедить военных представителей других делегаций в важности заключения военного договора.[28] Несколько дней спустя, 11 августа, на совещании эстонской делегации было принято решение при поддержке польских и латышских представителей держать инициативу в своих руках и привлечь на свою сторону других участников.[29] 21 августа К. Р. Пуста выступил на пленарном заседании конференции с декларацией, в которой подчеркивалась большая важ-

[25] «Sotsiaaldemokraat», 27. VI 1920.
[26] Там же, 6. VIII 1920.
[27] ЦГАОР ЭССР.
[28] Там же.
[29] Там же.

ность заключения политического союзного договора и военного пакта.[30] Как выясняется из телеграммы, посланной эстонской делегацией в Таллин, в министерство иностранных дел, непосредственной целью декларации было добиться, чтобы конференция быстрее приступила к обсуждению военного договора.[31] Польские делегаты в своем заявлении от 23 августа полностью поддержали декларацию эстонской делегации.[32]

31 августа 1920 года на заседании эстонского правительства с отчетом о ходе Булдурской конференции выступил Р. Элиазер.

В принятом правительством секретном решении отмечалось, что главной задачей конференции должно быть заключение конвенции в целях «обороны».[33] В инструкции министерства иностранных дел, направленной эстонской делегации в Ригу, также подчеркивалась необходимость заключения военного соглашения.[34]

Что касается позиции латвийских представителей на конференции, то она в принципе не отличалась от позиции эстонской делегации. Последняя быстро нашла общий язык с министром иностранных дел Латвии З. Мейеровицем, хотя в период конференции еще давал себя знать эстонско-латвийский пограничный конфликт.

Финская делегация выступала на конференции по вопросу заключения военно-политического союза довольно сдержанно и нерешительно. Хотя представители Финляндии в принципе не возражали против этого союза, однако считали, что конференция может работать над военным договором лишь в порядке подготовки, а сам договор должен быть заключен и претворен в жизнь уже позднее.[35]

Таким образом, в вопросе заключения Балтийского союза на конференции выявились две линии. Литва боролась за Балтийский союз трех государств, а остальные участники стояли за «большой» Балтийский союз между всеми представленными на конференции странами. Примечательно, что аналогично на различных пози-

---

[30] ЦГАОР ЭССР.
[31] Там же.
[32] Там же.
[33] Там же.
[34] Там же.
[35] Там же.

циях стояли и империалистические державы — Англия и Франция. Руководитель эстонской делегации К. Р. Пуста сообщил о беседе с представителем английских империалистов полковником Таллентсом следующее: «Таллентс спросил, не боимся ли мы, что, объединившись с Польшей, будем втянуты в новую войну, которую Польша может спровоцировать и после заключения мира с Россией».[36] Пуста определил отношение английских империалистов к происходящей конференции следующим образом: «Кажется, им не доставляет удовольствия успех в деле заключения конвенции между нами. По-видимому, этим обусловлена и сдержанная позиция Литвы».

Сотрудник эстонской миссии в Лондоне Копвиллем обратился в начале сентября 1920 года (т. е. во время проведения Булдурской конференции) к руководящему сотруднику министерства иностранных дел Англии Грегори с вопросом: как английское правительство смотрит на заключение Балтийского союза? Грегори ответил, что этот вопрос обсуждался неоднократно, но окончательное решение по нему не принято. Английское правительство якобы не хочет ни советовать заключать Балтийский союз, ни препятствовать ему, а находит, что этот вопрос должны решить сами прибалтийские страны. Копвиллем подчеркивал, что Грегори выразил точку зрения министра иностранных дел Англии лорда Керзона и что аналогичные сведения имеет и финский посланник в Лондоне.[37]

Хотя английское министерство иностранных дел не дало тогда правительству буржуазной Эстонии прямых указаний по вопросу Балтийского союза,[38] но из поведения Таллентса явствовало, что английские империалисты не одобряли планов создания Балтийского союза с участием Польши. Известно, что польское правительство находилось в то время под сильным влиянием французских империалистов. В случае заключения военно-политического союза пяти стран Польша заняла бы в нем господствующее положение. А это означало, в свою оче-

---

[36] ЦГАОР ЭССР.

[37] Там же.

[38] Эстонские дипломаты неоднократно запрашивали ведущих английских государственных деятелей об их мнении относительно Балтийского союза и других важнейших проблем внешней политики, а те часто уклонялись от прямого ответа и отделывались косвенными намеками.

редь, усиление влияния французского империализма в Прибалтике, которую Англия считала сферой своего влияния.

РЕЗУЛЬТАТЫ БУЛДУРСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Из результатов Булдурской конференции нужно прежде всего отметить заключение политического договора и составление проекта антисоветского военного пакта.

Политический договор все участники конференции подписали 31 августа 1920 года. Договор состоит из 10 статей.[39] В первой статье говорится о том, что участвующие в конференции страны соглашаются признать друг друга де-юре, если это до сих пор еще не было сделано. В этой статье эстонское правительство было очень заинтересовано, так как придавало важное значение признанию со стороны Польши. Многие польские представители обещали признать Эстонию, однако империалистические державы всячески пытались воспрепятствовать этому.

Статья 2 политического договора обязывала стран — участниц договора разрешить все возникшие между ними пограничные или территориальные споры. В случае необходимости следовало обратиться к помощи третейского суда или в Лигу наций. В этом пункте больше всего была заинтересована, конечно, Литва.

Статья 3 договора запрещала использование территории одного участника конференции во враждебных другим участникам целях, например, в целях организации и переброски войск и т. п. Статьей 4 участникам конференции запрещалось заключать договоры, направленные против других участников союза.

В статье 5 подчеркивалось, что страны — участницы договора сразу же приступят к составлению проекта военного союзного договора между собой. Далее в договоре содержались положения о гарантии прав национальных меньшинств и о защите свободы транзита, а также фиксировались условия отказа от договора.

Статья 9 была посвящена ратификации договора. Обмен ратификационными грамотами должен был состояться не позднее 15 декабря 1920 года. В статье 10 было

---

[39] ЦГАОР ЭССР.

зафиксировано, что если к этому сроку один из участников не ратифицирует договор, он все равно вступит в силу и будет обязателен для других участвующих стран. Но указанное государство может ратифицировать договор позднее, если на это дадут согласие другие участники.

По предложению финской делегации текст договора решили до ратификации не публиковать.

Представители литовского правительства политический договор подписали, но при этом сделали несколько оговорок. Литовская делегация декларировала 31 августа 1920 года, что союз прибалтийских государств, включая Польшу, не возможен до тех пор, пока не будут урегулированы отношения между Литвой и Польшей. Литва отказалась также присоединиться к статье 5 договора, которая, как известно, предусматривала заключение военного пакта между участвующими в конференции странами.

Для эстонской делегации, напротив, заключение военного пакта являлось основной целью данной конференции. 30 августа на конференции было решено приступить к выработке проекта военной конвенции. С этой целью 31 августа собралась специальная военная комиссия. В разработке проекта военной конвенции представители Литвы не участвовали, но они заявили, что после разрешения польско-литовского конфликта и заключения мирного договора между Польшей и Советской Россией литовское правительство готово принять участие в Балтийском союзе.

Деятельность военной комиссии конференции держалась в полной тайне. Заседания ее, видимо, не протоколировались, поэтому за ее работой трудно детально проследить. Имеющиеся данные все же позволяют сделать вывод, что эстонская делегация в составлении проекта антисоветского военного договора играла видную роль и что некоторые наиболее существенные положения были в нем зафиксированы именно по предложению эстонских представителей. Одним из таких положений был, например, вопрос о дате вступления в силу военного договора. Малые страны не были заинтересованы в военном союзе с Польшей, прежде чем та не заключит мир с Советской Россией.

На совещании эстонской делегации 9 августа отмеча-

лось, что Польша нуждается в неотложной военной помощи соседних стран. В условиях того времени эстонское правительство не было заинтересовано в войне с Советской Россией, и эстонская делегация в Риге также считала, что военный договор можно заключать только между странами, находящимися в одинаковом положении.[40] На заседании военной комиссии 1 сентября эстонский делегат внес предложение, по которому военный договор должен был бы вступить в силу после ратификации его государствами, уже заключившими мир с Советской Россией, и автоматически распространиться на других участников договора, когда и те заключат мир.[41] Это предложение было принято.

В связи с обсуждением военного договора снова на повестку дня встал вопрос о том, следует ли зафиксировать в военном договоре, что он направлен также против Германии.

Как уже упоминалось, на конференции в Хельсинки в январе 1920 года эстонская делегация представила проект военного договора, направленный и против Германии. Тогда Финляндия энергично возражала против этого. И в Булдури позиция финской делегации не изменилась. Поэтому на совместном заседании политической и военной комиссий 1 сентября 1920 года было решено, что, помимо антисоветского военного пакта, следует заключить еще другой военный договор, направленный против Германии (но уже без участия Финляндии).[42] Пришли также к соглашению о том, что вырабатываемый на конференции военный договор должен содержать прежде всего основные принципы военного сотрудничества заинтересованных стран, а все детали, например, вопросы составления плана военных действий против России и Германии, формирования штаба главнокомандующего, снабжения и организации войск и т. д., будут разрабатываться специальной комиссией, состоящей из представителей генеральных штабов и других специалистов.[43]

Официально Булдурская конференция закончилась 6 сентября 1920 года. На последнем заседании было ре-

[40] ЦГАОР ЭССР.
[41] Там же.
[42] Там же.
[43] Там же.

шено создать Совет участвующих в конференции стран с местонахождением в Риге. В состав Совета должны были войти по 1—3 представителя от каждого государства, а в его задачи входила реализация тех пунктов, по которым была достигнута договоренность на конференции.

После официального окончания конференции военная комиссия продолжала тайно работать над завершением военного договора. К 6 сентября были готовы и в принципе приняты восемь статей военного договора.[44]

Проект военного договора, составленный на этой конференции, явился существенным дополнением к политическому союзному договору прибалтийских стран. Военный договор был направлен против Советской России, что фиксировалось статьей 2 указанного договора. Там же подчеркивалось, что под «Россией» подразумевается любая военно-политическая организация, которая возникла или возникнет на территории России. Хотя в договоре много говорилось о его оборонительном характере и о мирном разрешении с Советской Россией спорных вопросов, главное внимание все же уделялось военным обязательствам участников договора. В случае военного конфликта между одним или несколькими участниками договора и Россией остальные участники должны были объявить ей войну и начать против нее военные действия всеми своими вооруженными силами, кроме тех, которые необходимы для защиты внутреннего порядка и границ.

Статья 7 договора говорила о назначении общего главнокомандующего и начальника его штаба уже в мирное время. Кроме того, в целях информации предусматривалось создание в случае войны специального военно-политического совета, в который вошли бы дипломатический представитель и офицер генерального штаба от каждой заинтересованной страны. Для разработки общих военных планов и уточнения военно-технических деталей и дополнений к военному договору предусматривался созыв соответствующего совещания сразу же после подписания военного договора.

Договор запрещал участвующим в нем государствам заключать сепаратный мир в случае войны. Подчеркива-

---

[44] ЦГАОР ЭССР.

лось, что военная конвенция вступит в силу для стран, заключивших мир с Советской Россией, в день ратификации конвенции. А страны, еще не заключившие мира, автоматически присоединяются к военному договору в день ратификации мирного договора между ними и Советской Россией.

Важнейшие положения военного договора показывают, что на конференции была разработана детальная программа военно-политического союза, направленного против Советской России. Поэтому эстонские правящие круги были довольны результатами конференции. Руководитель эстонской делегации К. Р. Пуста в своем интервью журналистам придавал особо важное значение решению конференции о создании в Риге постоянного совета участников договора, который должен был стать связующим органом между членами Балтийского союза.[45]

Заправилы внешней политики Эстонии очень надеялись, что дальнейшие переговоры в Риге приведут к разрешению польско-литовского пограничного конфликта. Эстонское правительство видело в этом конфликте основное препятствие к созданию единого фронта прибалтийских стран. Поэтому Пуста много потрудился на Булдурской конференции в качестве посредника в поисках вариантов разрешения польско-литовского конфликта. А так как из-за войны с Советской Россией положение польского правительства было крайне трудным, то оно согласилось на переговоры с литовскими представителями с целью урегулирования пограничного конфликта.

ПРОВАЛ «БУЛДУРСКОЙ ПОЛИТИКИ»

Но очень скоро положение изменилось. Польское правительство снова заняло непримиримую позицию по отношению к Литве. Возникла реальная угроза польско-литовской войны. С целью ее предотвращения и под нажимом представителей империалистических держав 7 октября 1920 года в Сувалках был заключен договор, по которому Вильнюс должен

[45] «Päevaleht», 13. IX 1920.

был отойти к Литве. А через несколько дней, 9 октября, польские войска вступили в Вильнюс. Значительная часть территории Литвы была занята поляками.

Конфликт с Польшей существенно повлиял на дальнейшую внешнюю политику Литвы. Литовское правительство наотрез отказалось от всяких соглашений с Польшей и добивалось объединения Вильнюсского округа с Литвой. Таким образом, польско-литовский конфликт стал крупнейшим препятствием к заключению Балтийского союза. О сотрудничестве этих стран не могло быть и речи. Учитывая польско-литовский конфликт, ни одна страна не ратифицировала заключенный на Булдурской конференции политический договор. Вследствие этого нельзя было претворить в жизнь и военный договор, и инициаторы заключения Балтийского союза между прибалтийскими странами, Финляндией и Польшей потерпели очередной провал.[46]

Эстонское правительство хотя вскоре и потеряло веру в успех «булдурской политики» (т. е. в возможность заключения союза между всеми пятью государствами) и активно искало новые пути к созданию Балтийского союза, все же в течение некоторого времени стремилось осуществить Булдурские соглашения. Одним из таких мероприятий было неофициальное совещание представителей Финляндии, Эстонии, Латвии и Польши 25 февраля 1921 года в Таллине. До начала общего заседания премьер-министр Эстонии К. Пятс и министр иностранных дел А. Пийп совещались с министром иностранных дел Латвии З. Мейеровицем. Последний отметил, что военному договору, составленному на конференции в Булдури, нужно дать более общую редакцию, так как левые

---

[46] В конце 1920 года польское правительство сделало попытку вовлечь и Румынию в создаваемый антисоветский блок — Балтийский союз. В начале ноября 1920 года в Варшаве находился министр иностранных дел Румынии Таке Иоанеску, который был известен как проводник непримиримой антисоветской политики. Уже в 1918 году он выдвинул идею создания союза пяти стран — Польши, Чехословакии, Югославии, Румынии и Греции — и стремился претворить ее в жизнь. Находясь в Варшаве, он вел переговоры о заключении этого союза, так называемой Малой Антанты. Польское правительство отвергло указанный план, но, как сообщил эстонский военный представитель Юнкур из Варшавы, оно сделало Румынии контрпредложение объединиться с блоком прибалтийских государств. Однако Таке Иоанеску был против этого (ЦГАОР ЭССР).

элементы в Латвии якобы не согласны с тем, что в договоре прямо говорится о его направленности против Советской России. Эстонские государственные деятели были с этим согласны. Чтобы обмануть народ, буржуазные государственные деятели пытались замаскировать действительные цели этого договора. Обсуждался также вопрос о том, какого образца оружие должны применять прибалтийские страны в случае заключения союза. Мейеровиц заявил, что латвийская армия оснащена оружием преимущественно английского образца, а польская армия — французского.

В следующем общем совещании приняли участие также и министр иностранных дел Финляндии Р. Хольсти, польский посланник в Риге Каменецкий, литовский представитель Гилис и др. Министр иностранных дел Эстонии А. Пийп выдвинул на обсуждение два вопроса: 1) дальнейшая судьба Булдурских договоров и 2) созыв новой конференции представителей прибалтийских стран.

Каменецкий выразил точку зрения польского правительства, заявив, что Польша готова при известных условиях ратифицировать Булдурские договоры. Мейеровиц также сообщил о согласии латвийского правительства ратифицировать эти договоры. Хольсти же сказал, что финское правительство сразу ратифицировать договоры конференци не может, но работу в этом направлении следовало бы продолжить.

На вечернем заседании 25 февраля обсуждались различные точки зрения и пожелания, высказанные на предыдущем заседании. Выяснилось, что правительство Финляндии не желает связывать себя с прибалтийскими государствами, да и Польша не была серьезно заинтересована в ратификации Булдурских договоров. Несмотря на то, что на совещании было зафиксировано стремление по мере возможности провести в жизнь Булдурские соглашения, Таллинское совещание означало отказ от наиболее важных достижений Булдурской конференции, т. е. от политического договора и проекта военного соглашения. На этом совещании было решено созвать новую конференцию представителей прибалтийских стран.

4. ПОЛИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ЭСТОНИИ В ВОПРОСЕ СОЗДАНИЯ БАЛТИЙСКОГО СОЮЗА В 1921 ГОДУ

ИЗМЕНЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКЕ

В связи с провалом антисоветской вооруженной интервенции в конце 1920 года — начале 1921 года в общей международной обстановке произошли большие изменения.

В. И. Ленин, выступая 21 ноября 1920 года на партийной конференции Московской губернии, отметил, что в международном положении Советского государства достигнуты большие успехи, что Советская Россия добилась не только передышки, а гораздо большего: «...Мы отвоевали себе условия, при которых можем существовать рядом с капиталистическими державами, вынужденными теперь вступить в торговые отношения с нами. В процессе этой борьбы мы отвоевали себе право на самостоятельное существование».[1]

Коммунистическая партия и Советское правительство смогли теперь направить все свои усилия на восстановление народного хозяйства.

Но и в данной обстановке Советскому правительству нужно было всеми силами бороться за укрепление мира и мирное сосуществование стран с различным общественно-политическим строем. Нужно было также позаботиться об установлении контактов с зарубежными странами, чтобы этим, с одной стороны, содействовать восстановлению народного хозяйства, а с другой — укрепить международное положение Советского государства.

Хотя мирная политика Советской России создавала максимальные предпосылки для хороших взаимоотношений со всеми капиталистическими государствами — и с малыми и с большими, реакционные элементы всего мира стремились использовать все возможности для про-

[1] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 22.

ведения антисоветской политики. Правящие круги империалистических держав и русские белогвардейцы все еще лелеяли надежды на новую военную интервенцию. В. И. Ленин постоянно предостерегал: «Поддерживать нашу боевую готовность нам необходимо»[2] и подчеркивал, что капиталистические страны еще не отказались от намерения начать новый поход против Советской России.[3] Помимо угрозы вооруженной интервенции, империалистический лагерь использовал и другие формы антисоветской борьбы: экономический и дипломатический нажим, организацию заговоров и мятежей и т. д.

Поскольку империалисты Антанты признали свое поражение в антисоветской вооруженной борьбе, им пришлось также изменить в некоторой степени свою политику и в отношении стран Прибалтики. Так на повестку дня встал вопрос о юридическом признании прибалтийских стран.

Известно, что первой признала Эстонию де-юре Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика на основе заключенного 31 декабря 1919 года договора о перемирии и подписанного 2 февраля 1920 года Тартуского мирного договора.[4] Длительное время эстонское правительство добивалось юридического признания и у империалистических государств. Эстонские дипломаты неоднократно обращались к государственным деятелям многих стран с соответствующим ходатайством, добивались обсуждения этого вопроса на конференциях стран Антанты, ставили вопрос о принятии Эстонии в Лигу наций и т. д., но империалисты и не собирались признавать Эстонию. Только после разгрома в ноябре 1920 года в Крыму армии Врангеля французское правительство предложило в конце декабря того же года Англии, Италии, Бельгии и Соединенным Штатам Америки признать Эстонию и Латвию.[5] Правительство США ответило на это отрицательно. Отрицательный ответ дал и английский министр иностранных дел Керзон.

Вопрос о признании Эстонии и Латвии был окончательно решен 21 января 1921 года в Париже на вечер-

[2] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 22.
[3] Там же, стр. 95.
[4] P. Vihalem, Eesti kodanlus imperialistide teenistuses. Tallinn, 1960, стр. 663.
[5] ЦГАОР ЭССР.

нем заседании верховного совета Антанты. Правда, в начале заседания с пространной речью против признания стран Прибалтики выступил министр иностранных дел Англии Керзон. Видный чиновник министерства иностранных дел Франции Бертело, напротив, в своем докладе обосновал необходимость признания Эстонии и Латвии.[6] Представитель Италии министр иностранных дел граф Сфорца сказал, что если Эстония и Латвия на этот раз не будут признаны, то Италия оставляет за собой право действовать в дальнейшем по своему усмотрению. В этих условиях Ллойд Джорджу ничего не оставалось, как, делая хорошую мину при плохой игре, заявить, что, мол, никто и не был против признания прибалтийских государств, что Англия всегда стояла за их признание и т. д.

Таким образом, страны Антанты решили признать Эстонию и Латвию де-юре. Решение верховного совета стран Антанты означало коллективное признание со стороны Англии, Франции, Италии, Японии и Бельгии. Однако независимость Литвы еще не была признана под предлогом польско-литовского пограничного конфликта. В дальнейшем государства Прибалтики получили признание и со стороны других капиталистических стран. Лишь Соединенные Штаты Америки затянули признание вплоть до 28 июля 1922 года. Но и тогда правительство США признало буржуазную Эстонию лишь временно, на тот период, пока не удастся свергнуть Советскую власть в России.[7]

В правящих кругах Франции признание прибалтийских стран тоже расценивалось как временный тактический прием. Позже, 24 февраля 1925 года, французский посланник в Таллине де Вьенн откровенно заявил министрам иностранных дел Эстонии и Латвии К. Р. Пуста и З. Мейеровицу: «Политика Пуанкаре и Мильерана была политикой поддержки Прибалтики. Но при этом на последнюю смотрели как на санитарный кордон, который после политико-экономического восстановления России сам объединится с ней, придерживаясь своей внутренней автономии».[8]

И только спустя несколько лет, когда все надежды на скорое крушение советского строя рухнули, изменилось

[6] ЦГАОР ЭССР.
[7] P. Vihlem, Eesti kodanlus imperialistide teenistuses, стр. 676.
[8] ЦГАОР ЭССР.

и отношение французских империалистов к вопросу о «независимости» прибалтийских стран. Де Вьенн отмечал, что пришедшее в 1924 году к власти либерально-радикальное правительство Франции смотрит, мол, на прибалтийские страны иначе: «Их рассматривают как здоровые части, которые сами отделились от больной России».[9]

Эстонская буржуазия, а также западные империалисты расценивали признание государствами Антанты буржуазных прибалтийских стран как важный антисоветский шаг. Эстонская буржуазная печать писала: «До сих пор мы зависели непосредственно от России и ее развития. Теперь мы зависим от нее лишь косвенно, а непосредственно — только от западного мира и его отношений с Россией».[10]

Инициативу французского правительства в вопросе признания независимости Эстонии и Латвии следует объяснить в первую очередь антисоветскими целями. На это указывал и Нарком иностранных дел Советской России Г. В. Чичерин.[11] В обстановке, когда вооруженная интервенция потерпела крах, Франция хотела в интересах антисоветской политики использовать граничащие на западе с Советской Россией страны и создать Балтийский союз. Но так как Франции приходилось для утверждения своего влияния в Прибалтике бороться с английским империализмом, то французское правительство стремилось играть в отношении Эстонии и Латвии роль «опекуна» и добивалось, чтобы эти страны придерживались французской ориентации.

Признание Эстонии странами Антанты в январе 1921 года существенно повлияло на дальнейший ход создания Балтийского союза. С одной стороны, эстонские буржуазные деятели напрягали еще бо́льшие усилия для того, чтобы заключить Балтийский союз. Эстонский представитель в Риге А. Хеллат отмечал: «После юридического признания считаю необходимым направить все усилия на заключение Балтийского союза и действовать здесь в этом направлении».[12] К. Р. Пуста выразил ту же точку зрения: «Теперь у меня не остается иного более

[9] ЦГАОР ЭССР.
[10] «Vaba Maa», 28. I 1921.
[11] Документы внешней политики СССР, т. III, М., 1959, стр. 463.
[12] ЦГАОР ЭССР.

сильного желания, чем то, чтобы наш Балтийский союз в скором времени осуществился».[13] И. Лайдонер, А. Пийп, К. Р. Пуста, А. Хеллат и другие деятели не уставали твердить о необходимости заключения Балтийского союза. Так, К. Р. Пуста называл Балтийский союз единственной серьезной гарантией сохранения «независимости» эстонской буржуазии. Он хорошо понимал, что этот союз направлен против эстонских трудящихся, и отмечал, что союз поможет утвердить «внутренний порядок».

ФРАНЦУЗСКАЯ ИЛИ АНГЛИЙСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ?

С другой стороны, после поражения антисоветской военной интервенции империалистические державы тоже стали проявлять к Балтийскому союзу бóльший интерес. То обстоятельство, что инициатором признания Эстонии и Латвии в конце 1920 года явилось французское правительство, наглядно свидетельствовало о возрастании роли буржуазных стран Прибалтики в глазах французских империалистов. Правительство Франции надеялось, что Балтийский союз под главенством Польши станет средством осуществления французской политики в Восточной Европе.

В начале 1920-х годов во Франции у власти находилось реакционное правительство во главе с известными врагами рабочего класса и Советской России А. Мильераном, А. Брианом и Р. Пуанкаре. Французское правительство, прочно опиравшееся на правое большинство парламента, на так называемый национальный блок, проводило активную внешнюю политику, стремясь обеспечить гегемонию французских империалистов в Европе. В связи с этим французская дипломатия уделяла большое внимание заключению различных союзов военно-политического характера. Правительство Франции стояло за спиной созданной в 1920—1921 годах так называемой Малой Антанты — союза Чехословакии, Румынии и Югославии, тесные союзные связи объединяли французских империалистов и с Польшей.

Блоки, организуемые при активном участии французской дипломатии, должны были служить целям антисо-

[13] ЦГАОР ЭССР.

ветской политики, держать в узде побежденную Германию и создать политический противовес Англии и США. По этим причинам в первой половине 1920-х годов из всех империалистических правительств именно французское было наиболее активным вдохновителем и организатором Балтийского союза. Посланник Эстонии в Париже К. Р. Пуста всеми силами помогал осуществлению этого плана французского империализма. Он пропагандировал во французских политических кругах идею создания Балтийского союза и подчеркивал, что Эстонии должно принадлежать первое место в пропаганде идеи Балтийского союза.[14] Как сообщал из Парижа редактор газеты «Пяэвалехт» Ребане, лейтмотивом пропаганды, осуществляемой эстонской миссией, является стремление Эстонии объединить все пограничные государства с целью создания барьера против «анархии» Восточной Европы.[15]

Ведущие политические деятели во Франции были прекрасно осведомлены о том, что эстонское правительство являлось последовательным сторонником Балтийского союза и активным его организатором. Так, в январе 1921 года французский президент Мильеран сказал Пуста: «Мы всегда с симпатией отмечали Ваши усилия по созданию твердого государственного порядка и желали, чтобы исполнились Ваши стремления создать вместе с соседями большую силу против крайних течений, идущих с Востока».[16]

В осуществлении антисоветской политики эстонское правительство легко нашло общий язык с французскими империалистами. В беседе с французскими государственными деятелями К. Р. Пуста настойчиво проводил мысль о том, что для эстонского государства соседство с Советской Россией опасно и поэтому ему должна быть обеспечена политическая и военная поддержка со стороны французского правительства. Известно также, что Пуста однажды прямо спросил у заведующего политическим отделом министерства иностранных дел Франции Перетти де ла Рокка, окажет ли Франция Эстонии военную помощь в случае «нападения» Советской России. Перетти ответил положительно. Кроме того, он посовето-

[14] ЦГАОР ЭССР.
[15] «Päevaleht», 18. VII 1921.
[16] ЦГАОР ЭССР.

вал, чтобы Пуста предложил французскому министру иностранных дел установить более тесные связи между эстонским и французским генеральными штабами и послать для этого в Париж эстонского военного представителя.

Целью К. Р. Пуста было заключить политический союзный договор между Эстонией и Францией. Пуста сообщал министру иностранных дел, что беседа с заведующим отделом административных и технических вопросов французского министерства иностранных дел Эрбеттом шла вокруг возможного франко-эстонского договора, подобного тому, который Франция заключила с Польшей и Чехословакией.[17] Но план заключения франко-эстонского политического союза не нашел поддержки у правительств обоих государств.

Экономические связи Эстонии с Францией были довольно слабыми, и все же один из первых торговых договоров Эстония заключила с Францией. Соответствующие переговоры начались осенью 1921 года, а договор был подписан 7 января следующего года. По этому договору Эстония предоставила для импортируемых французских товаров крупные таможенные льготы.[18] Эстонско-французский торговый договор имел некоторые секретные дополнительные статьи, которые давали эстонским дельцам возможность переправлять во Францию получаемое из Советской России сырье — лен, пеньку, кожу и т. д. при условии, чтобы у этих товаров не было советских товарных знаков. В случае установления экономических отношений между Францией и Советской Россией французское правительство обязывалось рассматривать Эстонию как первую транзитную страну.

Но, несмотря на торговый договор, эстонско-французские экономические связи оставались довольно слабыми. Договор преследовал главным образом политическую цель. Это ясно подчеркивали и некоторые буржуазные деятели, например О. Крузенштерн, который на правах эксперта входил в состав делегации, заключившей договор.[19]

Стремления эстонских правящих кругов завязать тесные связи с французскими империалистами противоречили национальным интересам эстонского народа.

---

[17] ЦГАОР ЭССР.
[18] «Riigi Teataja», 1922, Nr. 99/100, стр. 477 и сл.
[19] ЦГАОР ЭССР.

Известно, что в начале 1920-х годов правое французское правительство занимало по отношению к Советской России крайне враждебную позицию и вело подготовку новой интервенции. В этом антисоветском походе роль послушных исполнителей планов французских империалистов предназначалась Польше и другим граничащим с Советской Россией странам. Политика эстонской буржуазии, нацеленная на сближение с Польшей и Францией, грозила вовлечь Эстонию в войну с Советским государством.

Нужно, однако, отметить, что хотя в вопросе заключения Балтийского союза внешняя политика Эстонии вдохновлялась Францией, эстонские правящие круги пытались в то же время придерживаться английской ориентации. Известный буржуазный деятель и председатель иностранной комиссии Государственного собрания генерал И. Лайдонер указывал в июле 1921 года с трибуны Государственного собрания: «Одной такой державой, при помощи которой мы могли бороться, является Англия. Таким образом, в политических и военных целях нам очень важно сохранить с этой страной хорошие отношения».[20] Лайдонер подчеркивал и важность экономических связей с Англией. На совместном совещании члены правительства, председатель Государственного собрания и председатель иностранной комиссии Государственного собрания придерживались той же позиции и договорились при любых условиях ориентироваться в своей внешней политике на Англию.[21]

Эстонское правительство хотело обеспечить себе военную поддержку на тот случай, если власть эстонской буржуазии пошатнется. Страх перед революционным движением трудящихся буржуазные круги старались замаскировать различными антисоветскими вымыслами. Эстонские дипломатические представители распространяли лживые версии о том, что Советская Россия якобы враждебно относится к «независимости» Эстонии, что в близком или далеком будущем неизбежен конфликт с Советским государством. Отсюда доказывалась необходимость того, чтобы эстонской буржуазии была обеспечена военная поддержка со стороны империалистиче-

[20] Riigikogu protokollid. 3. istungjärk 1921. a., стр. 951.
[21] ЦГАОР ЭССР.

ских держав. Всю внешнюю политику эстонских правящих кругов в отношени империалистических держав характеризуют поиски политического противовеса Советскому государству.

Эстонское правительство придавало большое значение регулярным визитам кораблей английского флота в порты Прибалтики, главным образом в Таллин. Визиты английского флота были задуманы прежде всего как антисоветские демонстрации. Того же мнения придерживалось и правительство Финляндии. Эстонский посланник сообщал из Хельсинки слова министра иностранных дел Финляндии: «Цель визита английского флота — показать, что против России мы не одни».[22] Эстонское правительство неоднократно приглашало английский флот «посетить» Таллин и хотело создать из Русско-Балтийских судостроительных мастерских ремонтную базу для английских военных судов. Об этом говорилось и в буржуазной печати.[23]

Эстонское правительство уже со времен гражданской войны стремилось придерживаться английской ориентации и в экономической жизни, пытаясь вызвать у английских торговых и финансовых кругов интерес к Эстонии, соблазняя их возможностью размещения капиталов и получения концессий на разработку месторождений сланца.

Эстонские государственные деятели не делали тайны из своей экономической ориентации. Так, министр торговли и промышленности Ю. Кукк в ноябре 1921 года в Государственном собрании говорил: «Правительство стоит на той точке зрения, что нам придется связать себя экономически со странами, в политическом отношении приемлемыми для нашего государства, а таковой несомненно является Англия».[24] Эта линия проводилась в жизнь, хотя, как известно, зависимость эстонской экономической жизни от мировой капиталистической экономики привела к разорению многих крупных промышленных предприятий и к упадку всего народного хозяйства. Правящая верхушка буржуазной Эстонии даже была заинтересована в том, чтобы народное хозяйство страны находилось в возможно бо́льшей зависимости от Англии,

[22] ЦГАОР ЭССР.
[23] «Postimees», 8. XII 1921.
[24] I Riigikogu protokollid. 4. istungjärk 1921. a., стр. 548.

полагая, что чем больше будут привлечены экономические интересы английских правящих кругов к Эстонии, тем эффективнее будет экономическая и политическая помощь английских империалистов эстонской буржуазии. Поэтому руководители эстонской политики и старались привлечь в промышленность английский капитал, а сотрудникам эстонского дипломатического представительства в Лондоне неоднократно указывали на необходимость пропагандировать в Англии возможность получения сланцевых концессий в Эстонии.

Конечно, английские деловые круги со своей стороны тоже стремились вовлечь прибалтийские страны в сферу влияния Англии. Эстонские сланцы, Нарвский водопад, крупные заводы, железные дороги, Таллинский порт и другие объекты привлекали внимание некоторых английских финансовых кругов, а английские промышленники были заинтересованы в расширении рынка для сбыта своих товаров. В 1920-е годы заметно увеличился удельный вес английского капитала в хозяйстве Эстонии. Зависимость эстонской экономической жизни от Англии все более возрастала.[25]

Поддержка английскими империалистами эстонской буржуазии помогала укреплять существующий в Эстонии режим. Английские руководящие деятели неоднократно заявляли, что английское правительство заинтересовано в «независимости» Эстонии, т. е. в сохранении эстонского буржуазного государства. «В случае необходимости» они обещали оказать эстонской буржуазии военную помощь.[26] Министр иностранных дел Англии лорд Керзон в октябре 1921 года в беседе с эстонским представителем Копвиллемом сказал: «Эстония сумела поставить себя на более твердую основу, чем другие прибалтийские государства. Эстония независима, Эстония может быть независимой, Эстония должна остаться независимой».[27]

Слова Керзона выражают, конечно, отношение английского правительства к прибалтийским странам в тот момент. Но, как показал ход событий, в 1930-е годы английские правящие круги были готовы очень легко отка-

[25] О. Сепре. Зависимость буржуазной Эстонии от империалистических стран. Таллин, 1960.

[26] ЦГАОР ЭССР.

[27] Там же.

заться от поддержки прибалтийских стран, когда этого требовали интересы «большой политики» империалистов.

Политика английского правительства в вопросе Балтийского союза была продиктована эгоистическими интересами английских империалистов. Английское правительство было заинтересовано в заключении Балтийского союза, направленного против Советской страны, оно хотело, чтобы опору его составила Англия, а не Франция, и поэтому добивалось прежде всего союза между Эстонией, Латвией и Литвой, к которым позднее, при соответствующих условиях, могли бы присоединиться Польша и Финляндия.

Эстонские представители в Лондоне неоднократно указывали на то, что целью министерства иностранных дел Англии является создание союза Эстонии, Латвии и Литвы даже в виде федерации. Так, Копвиллем сообщал в апреле 1921 года о беседе с назначенным в Прибалтику английским дипломатическим представителем Уилтоном следующее: «Уилтон часто говорит о федерации прибалтийских государств», и далее: «Можно полагать, что Уилтон сделал своей целью создание прибалтийской федерации. Его в этом полностью поддерживает нынешнее министерство иностранных дел... От этого зависит и будущая карьера Уилтона».[28] Министр иностранных дел Англии лорд Керзон также указывал Копвиллему, что Эстонии необходимо объединиться со своими соседями.[29]

Англо-французские противоречия в вопросе о Прибалтике четко проявились в польско-литовском конфликте. В то время как французские правительственные круги одобряли политику Польши и оказывали прямое давление на Литву, английское правительство поддерживало последнюю. Эстонский военный атташе в Литве А. Шмидт сообщал, что английские военные представители в Прибалтике — полковник Таллентс в Риге и полковник Уорд в Каунасе — были очень недовольны захватом поляками Вильнюса и что никто из сотрудников английского посольства в Варшаве тоже не одобряет политику Польши. Поэтому переговоры между прибалтийскими странами и Польшей без участия Литвы якобы не найдут поддержки у английских представителей.[30]

[28] ЦГАОР ЭССР.
[29] Там же.
[30] Там же.

В создании Балтийского союза были заинтересованы и американские империалисты. Так, военно-морской атташе США в Париже сказал К. Р. Пуста, что признание прибалтийских стран со стороны США может наступить быстрее, если будет организован Балтийский союз. «Последний вопрос, кажется, очень интересует его и американские военные круги» — утверждал Пуста.[31]

Таким образом, все важнейшие империалистические державы были заинтересованы в создании Балтийского союза как орудия в борьбе против Советской России. Стремление империалистов создать антисоветский «санитарный кордон» отвечало целям внешней политики эстонского правительства. Но в то же время различная позиция Англии и Франции в отношении Балтийского союза являлась причиной особых забот эстонских правящих кругов. Когда в 1920 году в связи с польско-литовским конфликтом выяснилось, что создать Балтийский союз с участием пяти государств невозможно, перед правящими кругами Эстонии неизбежно встал вопрос: кого предпочесть — Литву или Польшу?

СОЮЗ С ПОЛЬШЕЙ ИЛИ С ЛИТВОЙ?

В начале 1921 года в буржуазных кругах Эстонии слышались голоса сомнения относительно возможности заключения Балтийского союза с участием Польши, так как военно-политический союз с Польшей увел бы Эстонию в русло французской политики, а в эстонских буржуазных кругах предпочитали английскую ориентацию. Кроме того, всем были известны авантюристская политика и великодержавные устремления польского правительства, которые в некоторых польских кругах характеризовались фразой: «Да будет Великая Польша, или пусть ее не будет вовсе!» Авантюристская внешняя политика Польши могла привести и к военным авантюрам, опасным для ее малых партнеров по союзу. Помимо всего прочего, далеко не все политические круги Польши были заинтересованы в союзе с прибалтийскими государствами.

Подобные сомнения и соображения и вытекающие из

---

[31] ЦГАОР ЭССР.

них выводы прямо или косвенно отразились и в буржуазной печати. Газета «Кая», например, писала, что «если будет создан блок прибалтийских стран, где будет представлена и Польша, то Франция через свой союз с Польшей уже заранее гарантирует себе соответствующее влияние в нем».[32] Газета «Пяэвалехт» находила, что союз во главе с Польшей явился бы для Франции средством осуществления своей гегемонии на материке.[33] Польскую политику осуждали в то же время «Постимээс» и «Пяэвалехт». В статье «Польская политика» подчеркивалось, что авантюристская политика Польши ставит под вопрос дальнейшую судьбу польского государства независимо от того, будет ли польская захватническая политика успешной или нет.[34] Некоторые газеты советовали заключить союз трех стран — Эстонии, Латвии и Литвы.

Но, с другой стороны, Польша была в военном отношении самым сильным буржуазным государством в Восточной Европе. Военная мощь Польши и ее антисоветская политика были приманкой для эстонской буржуазии. Эстонские политики стали все более последовательно добиваться сотрудничества с Польшей. Так, эстонский представитель в Риге А. Хеллат подчеркивал в докладе министру иностранных дел Эстонии от 21 февраля, что Балтийский союз может быть заключен только с Польшей. Поэтому нужно было направить все усилия на то, чтобы Польша не охладела к прибалтийским странам, и избегать всего, что могло бы оттолкнуть ее.[35] И вскоре со страниц буржуазной печати исчезли сомнения относительно политики Польши.

Эстонское правительство приняло окончательное решение добиваться создания «большого» Балтийского союза, который включал бы Финляндию и Польшу, но в то же время оно считало, что для достижения этой цели можно заключить сначала малый союз.

Позицию министерства иностранных дел выражал в тот период орган партии трудовиков газета «Ваба Маа». В феврале 1921 года на ее страницах была опубликована статья «Об одной ближайшей задаче», в которой указывалось, что Балтийский союз должен быть создан, и об

[32] «Kaja», 2. III 1921.
[33] «Päevaleht», 10. II 1921.
[34] Там же, 11. V 1921.
[35] ЦГАОР ЭССР.

этом не должны забывать и правительства соседних стран.[36] Газета подчеркивала, что Эстония является одним из первых проводников идеи Балтийского союза и борцов за его осуществление, и указывала на необходимость присоединения к этому союзу Польши, а также требовала направить в Варшаву полномочного представителя с целью ускорения организации союза.

«Ваба Маа» постоянно предостерегала от излишнего сближения с Литвой, которое могло затруднить объединение с Финляндией и Польшей. Гораздо более приемлемым она считала союз Финляндии, Эстонии и Латвии.[37] Конечная цель Эстонии — союз пяти государств — обязывает заключать только такие договоры, которые не препятствуют достижению этой цели.[38] Также и другие газеты, например, «Постимээс», предостерегали от союза трех стран, опасаясь, что в этом случае из-за польско-литовского конфликта придется поддерживать Литву.[39]

Министр иностранных дел А. Пийп выразил точку зрения правительства следующим образом: «Наше правительство стоит за союз пяти стран; достижение подобного союза является основой нашей политики, но мы не будем, сложа руки, ждать его заключения, а примем участие и в более мелких группировках прибалтийских государств».[40] Этим министр иностранных дел подтвердил, что эстонское правительство стремится к созданию «большого» Балтийского союза с участием Польши. Но именно это придавало политике Эстонии в вопросе о Балтийском союзе особенно острый антисоветский характер.

В конце 1920 года в кругах, оказывающих влияние на внешнюю политику польского правительства, проявилось известное охлаждение к прибалтийским странам в результате подписания 12 октября 1920 года договора о перемирии между Польшей и Советской Россией, обострения польско-литовского конфликта и т. д.

Правда, так называемые левые партии Польши во главе с польской социалистической партией, тесно связанные с ней круги Пилсудского и некоторые другие политические деятели считали целью польской внешней по-

[36] «Vaba Maa», 10. II 1921.
[37] Там же, 18. VI 1921.
[38] Там же, 7. VIII 1921.
[39] «Postimees», 10. VI 1921.
[40] «Päevaleht», 22. VII 1921.

литики сотрудничество с прибалтийскими странами. Известно, что для этих кругов был характерен, помимо лютой ненависти к Советской власти, и крайний антирусский национализм.

Правые политические партии польской буржуазии были против сотрудничества с прибалтийскими странами. Для деятелей этих партий, особенно национал-демократической (эндеки), было характерно сотрудничество с русскими белогвардейцами. Они возлагали свои надежды на крушение советского строя в России и стремились избегать всего, что могло явиться причиной противоречий с «будущей» Россией. Правая буржуазная печать Польши боролась против идеи Балтийского союза, опасаясь, что союз Польши с прибалтийскими странами может послужить причиной конфликта с «будущей» Россией.[41] Правые элементы польской буржуазии считали прибалтийские страны временными государственными образованиями, существование которых допустимо только до свержения советского строя в России. А после этого Эстония и Латвия должны будут войти в состав России, в то время как большая часть территории Литвы отойдет к Польше.

Таким образом, на политику польского правительства в вопросе о Балтийском союзе оказывали сильное влияние борьба между правым и так называемым левым крылом польской буржуазии, а также нажим империалистических держав, особенно Франции.

В начале 1920 года велись франко-польские переговоры о заключении военно-политического союза. По этому случаю в Париже находились президент Польши Пилсудский и польский министр иностранных дел Сапега. В феврале Сапега несколько раз вел с К. Р. Пуста переговоры о создании Балтийского союза. Пуста говорил, что Сапега заинтересован в заключении Балтийского союза[42], что, по мнению польского министра, ввиду сдержанности Финляндии, нужно заключить союз между Эстонией, Латвией и Польшей. Позиция Сапеги в вопросе о Балтийском союзе выражала в то время не столько интересы правящих кругов Польши, сколько заинтересованность французского правительства в этом

---

[41] См., например, «Päevaleht», 30. XI 1920.
[42] ЦГАОР ЭССР.

союзе. Сапега даже сказал Пуста, что именно французское правительство с удовольствием увидело бы сотрудничество Польши с прибалтийскими государствами.[43] По указанию министра иностранных дел А. Пийпа весной 1921 года эстонский дипломатический представитель в Риге А. Хеллат пробыл три недели в Варшаве, чтобы ознакомиться с позицией польских правящих кругов в вопросе о Балтийском союзе. На основании полученных впечатлений он сетовал, что именно правые элементы, выступающие против сотрудничества Польши с Прибалтикой, оказывают большое влияние на внешнюю политику страны. А балтийским вопросом, наоборот, занимаются только «мелкие люди», не имеющие ни влияния, ни положения, усилия которых не дают результатов. Помимо того, польское правительство имеет дело и с другими внешнеполитическими проблемами, которым уделяет больше внимания, чем Балтийскому союзу.[44]

До министерства иностранных дел Эстонии дошли слухи о многочисленных фактах отрицательного отношения польских правых элементов к сотрудничеству с Прибалтикой. Так, представитель Польши в Хельсинки Сокольницкий заявил в январе 1921 года местному латвийскому посланнику, что сильная группа польских политиков, да и он сам, против Балтийского союза. Эта группа хотела бы сотрудничать с русскими белогвардейцами в целях свержения Советского правительства, после чего Эстония, Латвия и часть Литвы отошли бы к России.[45]

Хотя лидерам эстонской внешней политики хорошо были известны планы польских правых политиков относительно Прибалтики, они все же считали нужным установить с Польшей возможно более тесные связи. И только потому, что польское правительство в конце 1920 — начале 1921 года не проявило активности в создании Балтийского союза, эстонское правительство приступило к организации союза с ближайшими своими соседями — Финляндией и Латвией, чтобы таким путем приблизиться к заключению «большого» Балтийского союза.

---

[43] ЦГАОР ЭССР.
[44] Там же.
[45] Там же.

КОЛЕБАНИЯ В ФИНЛЯНДИИ

В связи с этим эстонские буржуазные правители снова ухватились за идею эстонско-финляндского союза, которую буржуазная печать старалась всячески обосновать. Газета «Кая» находила, что союз с Финляндией необходим для укрепления позиции Эстонии (т. е. эстонской буржуазии). Кроме того, этот союз якобы легко заключить из-за наличия известных культурных и родственных связей, а также из-за отсутствия антагонистических интересов.[46] Эту пропаганду вели и другие газеты. У бывшего премьер-министра Я. Тыниссона идея эстонско-финляндского союза стала прямо-таки навязчивой и он высказывал ее при каждом удобном и неудобном случае.

Но эстонскому правительству пришлось очень скоро убедиться в том, что отношение буржуазных кругов Финляндии к идее эстонско-финляндского военно-политического союза далеко не столь благоприятно, как это предполагали в Эстонии. В декабре 1920 года полковник генерального штаба Эстонии П. Лилль был послан в Хельсинки с заданием начать переговоры о заключении военного союза между Эстонией и Финляндией. Он ознакомил многих ведущих финских государственных и военных деятелей с проектом военного договора, составленным эстонскими властями. Этот документ был сокращенным вариантом проекта военного договора, выработанного на Булдурской конференции.

В проекте эстонско-финляндского военного договора[47] отмечалось, что цель его — защищать независимость, суверенность и территориальную целостность стран—участниц договора. Далее прямо подчеркивалось, что договор заключается против нападения со стороны России, причем под «Россией» подразумеваются любые военно-политические организации, которые возникли или возникнут на территории России. Статьи 5 и 6 военного договора говорили об объявлении войны России участниками договора в случае, если не будет достигнуто мирное разрешение конфликта или же если Россия нападет на одного из участников договора. Если нападение спровоцирует один из участников договора, то военная помощь не предусматривалась.

[46] «Kaja», 3. XII 1920.
[47] ЦГАОР ЭССР.

Полковник П. Лилль много потрудился над тем, чтобы протащить в финляндских правительственных кругах военный проект. Он старался «убедить» ведущих государственных деятелей в том, что в будущем военный конфликт между Советской Россией и смежными с ней странами неотвратим.[48] В прошлом, утверждал он, можно было успешно бороться благодаря поддержке империалистических стран, однако в будущем вряд ли можно рассчитывать на активную военную помощь империалистов. Полковник Лилль зашел так далеко, что даже заявил, будто Советская власть, чтобы устоять, рано или поздно пойдет на войну! С помощью подобной антисоветской клеветы он стремился добиться претворения в жизнь эстонско-финляндского военного союза. Но начальник финляндского генерального штаба Энкель был против этого, а военный министр Яландер отнесся к идее эстонско-финляндского военного союза равнодушно.

Министр иностранных дел Р. Хольсти, с которым П. Лилль беседовал о заключении военного союза семь раз, заявил, что он готов подписать этот договор и что президент и правительство также за договор,[49] но в парламенте он может не пройти, так как, кроме правых, против участия Финляндии в военном союзе с прибалтийскими странами выступали и социал-демократы.

Нерешительность финского правительства в вопросе заключения военного соглашения вытекала из различных позиций буржуазных партий Финляндии. За участие Финляндии в союзе прибалтийских государств стояли главным образом буржуазные центристские партии — национальная прогрессивная партия и аграрный союз. Центристские партии стремились в 1920-е годы придерживаться английской ориентации. Органы национальной прогрессивной партии — «Хельсингин Саномат», «Турун Саномат», аграрного союза — «Илкка», «Маакансa» и др. неустанно пропагандировали идею создания Балтийского союза.

Правые же партии, шведская народная и национальная коалиционная, напротив, придерживались шведско-

[48] ЦГАОР ЭССР.

[49] Премьер-министр Финляндии Веннола заявил в мае 1921 г. министру иностранных дел А. Пийпу, что лично он и правительство стоят за заключение военного союза с прибалтийскими странами (ЦГАОР ЭССР).

германской ориентации и относились в начале 1920-х годов к Прибалтике очень холодно. Правые элементы Финляндии не верили, что в будущем прибалтийские страны сохранят самостоятельное существование, и предполагали, что после крушения Советской власти они войдут в состав России. Один из лидеров коалиционной партии — Лаури Ингман сказал министру иностранных дел Пийпу, что его партия поддержала бы эстонско-финляндский союз против большевиков, но боится этим навлечь на себя гнев «будущей» России.[50] Правые элементы Финляндии находили, что русские белогвардейцы занимают несколько иную позицию по отношению к независимости Финляндии, чем в вопросе о независимости прибалтийских стран.

Противники Балтийского союза в Финляндии считали также, что малые прибалтийские страны не смогут оказать Финляндии более или менее значительной военной помощи. Польша же, напротив, в военном отношении достаточно сильна, но ее политика в отношении Германии неприемлема для финской буржуазии. Правые финские газеты «Хувудстадсбладет», «Ууси Суоми» и др. последовательно выступали против участия Финляндии в Балтийском союзе.

Также и финские социал-демократы были против участия Финляндии в военно-политическом союзе с государствами Прибалтики. Лидеры социал-демократов, например, В. Таннер, Рюэмя и др., правда, были готовы заключить такой союз, но они вынуждены были считаться с желаниями народных масс, чтобы окончательно не утратить своего влияния. Финские трудящиеся же добивались мира и добрососедских отношений с Советской Россией. Рюэмя указывал в мае 1921 года, что социал-демократы (т. е. их лидеры) не против эстонско-финляндского союза, но, «учитывая коммунистическое движение среди финских рабочих, социал-демократы должны считаться с настроением масс, которые с недоверием смотрят на каждый шаг, даже косвенно направленный против Советской России...»[51] Очень откровенное признание! Рюэмя утверждал также, что со времени гражданской войны в Эстонии финские рабочие настроены очень вра-

[50] ЦГАОР ЭССР.
[51] Там же.

ждебно по отношению к эстонскому буржуазному государству.

Переговоры по вопросам эстонско-финляндского военно-политического сотрудничества и заключения союза велись в течение всего 1921 года, причем активной стороной оставалось все время эстонское правительство.

СБЛИЖЕНИЕ ЭСТОНИИ И ЛАТВИИ

В связи с проблемой Балтийского союза снова неизбежно должен был встать на повестку дня и вопрос об эстонско-латвийском союзе. Как отмечалось выше, между Эстонией и Латвией в 1920 году существовали острые противоречия, прежде всего в вопросе о границе. Но классовые интересы господствующей буржуазии как в Латвии, так и в Эстонии были одинаковыми. Правящие круги обеих стран старались укрепить диктатуру буржуазии, подавить революционное движение трудящихся, искали опору для упрочения своих классовых позиций у империалистов, проводили антисоветскую внешнюю политику и т. д. Понятно поэтому, что буржуазные политические круги Эстонии и Латвии в этих вопросах были солидарны и не придавали столь большого значения пограничному конфликту, а также другим разногласиям тогда, когда речь шла об общих политических интересах. Однако разногласия между двумя странами нельзя недооценивать.

Революционное движение пролетариата под руководством коммунистических партий пугало правящую верхушку и Латвии, и Эстонии. В 1920—1921 годах революционное движение развивалось в Латвии по восходящей линии. Особенно широкий размах приняла забастовочная борьба рабочих.[52] Также и эстонский рабочий класс ни на миг не отказывался от борьбы с буржуазией. Особое недовольство эстонских правящих кругов вызвало образование рабочей фракции в Государственном собрании Эстонии.[53]

---

[52] А. Дризул. Очерки истории рабочего движения в Латвии (1920—1940 гг.). М., 1959.

[53] H. Saarniit. Kommunistliku fraktsiooni tegevusest Eesti Riigikogus sõjajärgse revolutsioonilise kriisi aastail (1920—1924). Tallinn, 1961.

Революционное движение в Эстонии привлекало внимание и общественности Западной Европы. Эстонские дипломатические представители довольно часто жаловались на это. Так, К. Р. Пуста писал из Парижа: «Нельзя ли прогнать коммунистов из Государственного собрания? Поскольку же они там достаточно гадостей делают и антигосударственные речи держат, то, видно, не остается ничего другого, как позаботиться о разумном порядке. Когда эти люди будут изгнаны, то господин Эйнбунд позаботится, чтоб они и их митинги были искоренены».[54] Пуста также настаивал на создании Балтийского союза, направленного своим острием против революционного движения, полагая, что особенно сотрудничество с Польшей укрепило бы позицию эстонской буржуазии.

Министр иностранных дел А. Пийп в своем письме эстонскому посланнику в Риге А. Хеллату проанализировал необходимость заключения Балтийского союза и очень откровенно указал на его внутриполитическое значение.[55] Он писал: «С другой стороны, положение является не только опасным, но с внутриполитической точки зрения прямо угрожающим». Пийп особенно сетовал на то, что влияние коммунистов в Латвии растет. Если в Латвии победит советский строй, то, говорил он, это будет для Эстонии (т. е. для эстонской буржуазии) «началом конца». Он советовал выяснить у ведущих латвийских деятелей Ульманиса и Мейеровица, готовы ли они заключить договор о взаимной интервенции, если не с Польшей, то по крайней мере с Эстонией и Литвой. Пийп подчеркивал, что такой договор между Эстонией, Латвией, Польшей, а, по возможности, и Финляндией необходим и что подобное сотрудничество было начато с контакта между органами полиции, но оно может расшириться до поддержки вооруженными силами. А. Пийп указал на необходимость разузнать, готова ли Польша одна или вместе с Эстонией принять участие в возможной гражданской войне в Латвии, в случае если большевики вызовут там внутренний «взрыв». Он также ратовал за союз прибалтийских стран «в защиту демократии», т. е. буржуазного строя, подобно тому, как сто лет

[54] ЦГАОР ЭССР.
[55] Там же.

назад монархи заключили «священный союз» в защиту монархии. По его словам, подобный договор «очень важен и весьма необходим с точки зрения нашей безопасности и самостоятельности».

В буржуазной печати также ссылались на «общие внутренние интересы», которые якобы вынуждали к заключению Балтийского союза.[56]

На совещании представителей Финляндии, Эстонии, Латвии и Польши 25 февраля 1921 года в Таллине обсуждались вопросы сотрудничества органов полиции этих стран в борьбе против революционного движения. Министр иностранных дел Финляндии Р. Хольсти предлагал обсудить вопрос о «коммунистической пропаганде». Эстонский премьер-министр К. Пятс подчеркивал необходимость создания единого фронта прибалтийских стран в борьбе с большевизмом. А. Пийп внес предложение созвать специальную конференцию по вопросу «коммунистической пропаганды». Хольсти советовал провести конференцию в Таллине, где якобы находится центр «коммунистической пропаганды» и где у буржуазных деятелей имеется большой опыт борьбы с коммунистическим движением. На это эстонский дипломатический представитель в Риге А. Хеллат сообщил, что решение о созыве конференции представителей политической полиции прибалтийских стран уже принято.[57]

На состоявшейся в Риге конференции была достигнута договоренность о сотрудничестве прибалтийских стран в борьбе с «коммунистической опасностью».

Эстонскую буржуазию сильно встревожило восстановление Советской власти в Закавказье. Как известно, в ходе иностранной военной интервенции и гражданской войны в Грузии, Армении и Азербайджане местная националистическая буржуазия захватила при помощи интервентов власть. Но местное революционное движение переросло в вооруженное восстание (в Азербайджане в апреле 1920 года и в Армении в ноябре 1920 года), и при помощи Красной Армии в Азербайджане и в Армении утвердилась Советская власть.

В феврале 1921 года в Грузии вспыхнуло восстание, и 16 февраля Революционный комитет обратился за под-

---

[56] «Päevaleht», 24. II 1921.
[57] ЦГАОР ЭССР.

держкой к правительству Советской России.[58] 25 февраля Красная Армия и отряды восставших вошли в Тбилиси.

Эстонские государственные деятели и сами позднее признавали, что установление Советской власти в Закавказье явилось толчком к организации сотрудничества прибалтийских стран, особенно же к подписанию эстонско-латвийского военного соглашения 7 июля 1921 года.

Известный деятель социал-демократ К. Аст еще в сентябре 1920 года ратовал за союз между Эстонией и Латвией, утверждая, что объединение всех прибалтийских стран невозможно.[59] В конце 1920 — начале 1921 года эстонский дипломатический представитель в Риге А. Хеллат говорил рижским журналистам, что именно в официальных кругах двух государств существуют хорошие отношения и для заключения союза нет препятствий. Вскоре о том же заговорило и латвийское телеграфное агентство,[60] подчеркивая при этом, что поскольку Эстонию связывают тесные узы с Финляндией, то необходимо привлечь к этому союзу и Финляндию.

Подобные ссылки в печати выражали стремления правящей верхушки и Эстонии, и Латвии. А. Хеллат в своем докладе эстонскому министру иностранных дел от 15 января 1921 года указывал, что президент Эстонии обращал его внимание на необходимость заключения эстонско-латвийского военного союза.[61] И если эстонское правительство придерживается этой точки зрения, то военным представителям Эстонии следовало бы вменить в обязанность начать активные действия в этом направлении. Хеллат сообщил также, что ведущий сотрудник министерства иностранных дел Латвии Албатс считает, что военный союз необходимо заключить только между Эстонией и Латвией, так как еще неясно, когда все прибалтийские страны смогут принять участие в подобном договоре.

Внешняя политика буржуазной Латвии в начале 1920-х годов была нераздельно связана с именем З. А. Мейеровица. Последний в 1920—1925 гг. занимал в основном пост министра иностранных дел Латвии и одновременно

[58] История гражданской войны, т. V, М., 1960, стр. 247.
[59] «Sotsiaaldemokraat», 10. IX 1920.
[60] «Päevaleht», 6. I 1921.
[61] ЦГАОР ЭССР.

(с июня 1921 г. до января 1923 г. и с июня 1923 г. до января 1924 г.) премьер-министра. Мейеровиц играл большую роль в практическом проведении в жизнь внешней политики правящих кругов Латвии. Эстонские представители в Риге подчеркивали, что Мейеровиц почти не считается с мнением других государственных деятелей Латвии. В феврале 1921 года А. Хеллат, например, писал, что политика премьер-министра К. Ульманиса зависит от Мейеровица.[62] Эстонский посланник Ю. Сельямаа сообщал, что Мейеровиц, будучи министром иностранных дел, часто не считался с точкой зрения ни комиссии по иностранным делам сейма, ни отдельных членов правительства. Мейеровиц любил широко рекламировать внешнюю политику Латвии, часто давал интервью журналистам и т. д. Но, как неоднократно отмечали эстонские дипломаты, во многих внешнеполитических вопросах у него отсутствовала твердая линия и он часто менял свою точку зрения. Поэтому внешняя политика Латвии в некоторых вопросах не отличалась последовательностью. В министерстве иностранных дел Эстонии было также зафиксировано несколько случаев, когда Мейеровиц, например, польским представителям говорил одно, а литовским представителям — совершенно противоположное. Один иностранный дипломат в Риге так охарактеризовал его политику: «Мейеровиц целуется со всяким».

С Эстонией Мейеровиц старался поддерживать хорошие отношения и тесно сотрудничал с ее министерством иностранных дел. Можно даже утверждать, что в вопросе о Балтийском союзе последнее оказывало на Мейеровица известное влияние.

К сближению латвийского правительства с Эстонией и Литвой привело ухудшение отношений между Латвией и Польшей в конце 1920 года. Летом 1920 года на Латвию заметное влияние оказывала Польша. Но очень скоро положение изменилось. В эстонской буржуазной печати, да и в отчетах зарубежных представителей единодушно заговорили об обострении отношений между Польшей и Латвией.[63] Причиной этого послужил ряд факторов: 1) по закону о буржуазной земельной реформе,

---

[62] ЦГАОР ЭССР.

[63] См., например, «Päevaleht» 16. IX 1921; 30. XI 1921 и др.

принятому Учредительным собранием Латвии в сентябре 1920 года, были отчуждены земли и у помещиков польского происхождения, проживавших в Курляндии и Латгалии, и польское правительство потребовало для них денежного возмещения; 2) Польша предъявила Латвии территориальные претензии, например, хотела отобрать у нее участок территории в районе Даугавпилса; 3) Польша потребовала у Латвии предоставления некоторых привилегий в портах Лиепая и Вентспилс.

Ухудшение отношений между Польшей и Латвией способствовало улучшению латвийско-литовских отношений. Также и эстонское правительство стремилось сохранить с Литвой хорошие отношения. Представитель Эстонии в Литве А. Шмидт неоднократно вел переговоры с литовскими буржуазными государственными деятелями, особенно с министром иностранных дел Пурицкисом, об участии в Балтийском союзе и о возможностях разрешения польско-литовского конфликта. Пурицкис указывал Шмидту, что лично он стоит за договоренность с Польшей и высоко расценивает Балтийский союз.[64] Но в то же время часть государственных деятелей Литвы, например, А. Сметона, А. Вольдемарас и др., были против всякого соглашения с Польшей.

В мае 1921 года Пурицкис побывал в Таллине и Риге, где вел переговоры о заключении союза между тремя прибалтийскими странами. Его переговоры с ведущими государственными деятелями Латвии (2—7 мая) увенчались успехом. После визита Пурицкиса в Таллин он и Мейеровиц подписали 14 мая в Риге секретный протокол, который по существу был очень близок к договору о политическом союзе между двумя странами.[65] В протоколе подчеркивалось, что как Латвия, так и Литва заинтересованы в скорейшем политическом и экономическом сближении двух стран. Для достижения этого намечалось координирование торговой и внешней политики. Договаривающиеся стороны сочли абсолютно необходимым согласовывать действия обоих государств в отношении Советской России и с этой целью установить тесный контакт между представителями обеих стран в Москве. Такие же соглашения были достигнуты и в отношении

[64] ЦГАОР ЭССР.
[65] Там же.

Германии, причем указывалась и цель их — предотвратить слишком широкое вторжение немецких товаров и капитала в Латвию и Литву.

В протоколе отмечалось, что расширение латвийско-литовского союза (т. е. включение в него, кроме Эстонии, также Финляндии и Польши) желательно, но в данный момент возможно сближение только между тремя государствами. Декларировалось, что обе страны считают присоединение Эстонии к зафиксированной в латвийско-литовском протоколе программе необходимым, но что эта программа будет реализована и в том случае, если эстонское правительство не сочтет возможным к ней присоединиться.

Пурицкис предложил от имени литовского правительства заключить военный союз между Латвией и Литвой. По этому поводу латвийское правительство заявило, что Латвия не может вступить с Литвой в военный союз против Польши, но и военный союз с Польшей тоже невозможен.

Пурицкис во время пребывания в Таллине сказал журналистам, что на переговорах в Риге представители Латвии и Литвы пришли к полной договоренности по всем обсуждаемым вопросам и пунктам, в том числе и по вопросам «защиты независимости», т. е. по военным вопросам.[66] В повестку дня таллинских переговоров были включены также пункты, касающиеся координирования политики двух стран, в первую очередь по отношению к Советской России и Германии и другим странам, экономических вопросов и «обороны», т. е. военных вопросов. Министр иностранных дел Эстонии А. Пийп в своем письме одному из эстонских дипломатов отмечал, что целью Пурицкиса было заключить союз Эстонии, Латвии и Литвы против Советской России, Германии и др. (т. е. Польши).[67] Пийп сказал также, что эстонское правительство не присоединилось к предложению литовцев, хотя оно в принципе было и не против этого союза, если исключить его антипольскую направленность. Пийп снова подчеркнул, что цель Эстонии — союз между пятью странами и что перед всякой новой комбинацией должна быть выяснена позиция Финляндии.

---

[66] «Päevaleht», 11. V 1921

[67] ЦГАОР ЭССР.

В целях ознакомления с позицией финского правительства А. Пийп с 17 по 21 мая 1921 года находился в Финляндии, где вел переговоры с президентом К. Штольбергом, премьер-министром Веннола, министрами Хольсти, Ритавуори и другими и неустанно рекламировал идею создания Балтийского союза. Эстонский министр иностранных дел заявил премьер-министру Веннола, что в случае конфликта между Финляндией и Советской Россией Эстония может и даже должна поспешить на помощь Финляндии и создать угрозу Петрограду, в то время как от Швеции Финляндии ждать помощи не приходится. Сотрудничества с Польшей Финляндия не должна бояться, ибо политика Польши в отношении Германии является политикой Антанты, и Балтийский союз не направлен против Германии, как этого опасаются в Финляндии. Пийп сообщил также, что Эстония заключит союз с Латвией, и спросил, не желает ли финское правительство сразу присоединиться к этому союзу или хочет, чтобы в эстонско-латвийский договор был включен какой-нибудь параграф, который впоследствии облегчил бы присоединение Финляндии к блоку прибалтийских стран.[68] Хотя финские государственные деятели и говорили о необходимости сотрудничества с прибалтийскими странами, но они, однако, отказались присоединиться к соглашению между Эстонией и Латвией. Министр иностранных дел Финляндии Р. Хольсти находил, что для создания Балтийского союза следовало бы раньше заключить ряд двусторонних договоров между отдельными участниками союза. Премьер-министр Веннола подчеркивал, что прибалтийские страны должны заключить между собой военный договор, а Финляндия может позднее присоединиться к этому соглашению.

Эстонское правительство также надеялось прийти к «большому» Балтийскому союзу постепенно, путем заключения ряда двусторонних соглашений. В решении, принятом на совещании членов правительства, председателя Государственного собрания и председателя комиссии по иностранным делам 26 мая 1921 года, намечалось: 1) заключить оборонительное (т. е. военное) соглашение с Латвией, 2) распространить это соглашение на Литву, но так, чтобы оно не было направлено против Польши и

[68] ЦГАОР ЭССР.

не привело бы к ухудшению отношений между Эстонией и Польшей, 3) добиться присоединения Финляндии к военному соглашению, 4) наладить политическое и экономическое сотрудничество с прибалтийскими государствами и создать конференцию указанных государств с целью решения вопросов, касающихся их отношений с Советской Россией (к «прибалтийским государствам» эстонское правительство относило также Польшу и Финляндию.)[69]

ПОДПИСАНИЕ ЭСТОНСКО-ЛАТВИЙСКОГО ВОЕННОГО СОГЛАШЕНИЯ

С заключением союза между Эстонией и Латвией был сделан первый шаг в реализации этой программы. В июне—июле 1921 года между Таллином и Ригой велись интенсивные переговоры. Через курьеров обменивались проектами договоров, министры иностранных дел Эстонии и Латвии проводили совещания в Валга для разработки различных деталей намеченной программы и согласования других вопросов. На этих переговорах инициатива принадлежала эстонскому правительству. Так, министр иностранных дел Пийп в своем письме эстонскому посланнику в Риге 28 июня 1921 года подчеркивал, что эстонско-латвийский договор должен быть на этот раз заключен, так как латыши уже поняли, что они не смогуть жить изолированно, и поэтому они должны содействовать претворению в жизнь «тихой и реальной» политики Эстонии. Пийп отмечал, что, по мнению латышей, прежде всего социал-демократов, «не следует в соглашении указывать пальцем на русских, против которых заключается договор, а это нужно как-то замаскировать...».[70] Он сообщил также, что на совещании руководящих политических деятелей (Кукк, Соотс, Штрандман, Лайдонер, Пийп) было принято решение о том, что сам эстонско-латвийский договор должен быть кратким, а дополнительно к нему необходимо заключить временное соглашение между представителями генеральных штабов. Детальные соглашения между генеральными штабами предполагалось заключить позднее.

---

[69] ЦГАОР ЭССР.
[70] Там же.

2 июля 1921 года министры иностранных дел Эстонии и Латвии Пийп и Мейеровиц договорились в Валга, что союзный договор должен состоять из двух частей — принципиальной и технической. После переговоров между представителями эстонского и латвийского правительств и высшими военными чинами 7 июля в Таллине были подписаны оба документа. «Эстонско-латвийское соглашение о взаимной обороне»[71] состояло из пяти параграфов. Наиболее важное значение из них имели первый и второй. В первом параграфе подчеркивалось, что Эстония и Латвия обязались взаимно защищать независимость, суверенность и территориальную неприкосновенность договаривающихся сторон. Во втором параграфе указывалось, что генеральные штабы Эстонии и Латвии или заменяющие их учреждения договорятся при одобрении своих правительств об оказании взаимной вооруженной помощи как в мирное, так и в военное время в случае, если один из участников соглашения окажется жертвой нападения со стороны третьего государства. Кроме того, военный договор предусматривал возможность присоединения к нему других стран, а также включал пункт, касающийся ратификации договора.

В соответствии с положениями второго параграфа указанного договора и было подписано приложение к эстонско-латвийскому военному договору под названием «Временное соглашение между генеральными штабами Эстонии и Латвии». В этом документе указывалось, что договор направлен против военно-политических организаций, действующих от имени России. Оказание военной помощи партнеру по союзу предусматривалось при совершении нападения на одного из участников договора, в случае если разрешить конфликт между Россией и Эстонией или Латвией с помощью предусмотренных в договоре средств не представится возможным, а также в случае, если у границ Эстонии или Латвии будут концентрироваться советские войска. В договоре предусматривалась разработка подробного совместного плана военных действий специальной смешанной комиссией, назначение уже в мирное время общего главнокомандующего и т. д.

Однако эстонско-латвийский военный договор не разрешил всех спорных вопросов и противоречий между

---

[71] ЦГАОР ЭССР.

двумя государствами. Остались известные взаимные притязания в отношении эстонско-латвийской границы, а также требования эстонского правительства об уплате за помощь, оказанную латышской буржуазии во время гражданской войны. Этот военный договор не стал основой Балтийского союза, так как Финляндия отказалась к нему присоединиться. Таким образом, эстонско-латвийский договор как бы «повис в воздухе» и не был представлен Государственному собранию на ратификацию. Окончательно эстонско-латвийский военный союз был оформлен лишь в 1923 году.

После заключения эстонско-латвийского договора следующим шагом к созданию Балтийского союза должно было быть присоединение к указанному договору Финляндии и Литвы. Эстонский посланник в Хельсинки О. Каллас снова вел переговоры о присоединении Финляндии к этому договору. Так, 9 июля 1921 года, т. е. спустя два дня после подписания эстонско-латвийского договора, он беседовал об этом с премьер-министром Веннола. Веннола заявил, что в данный момент правительство Финляндии не может заключить союз с прибалтийскими странами. Но тут же добавил, что можно периодически проводить конференции министров иностранных дел и наладить сотрудничество руководящих военных органов, что при благоприятных условиях может привести к заключению письменных договоров.

Совершенно иначе относилась к «Балтийскому вопросу» Литва. Литовское правительство хотело присоединиться к эстонско-латвийскому договору, но встретило сдержанность со стороны Эстонии.

Эстонское правительство считало, что союз с Литвой возможен лишь в случае согласия Польши. Но Польша стремилась изолировать Литву, чтобы сделать ее «сговорчивее» и заставить примириться с захватом Вильнюса и Вильнюсского округа. В этом признавались эстонским представителям сами польские государственные деятели. В подобных условиях эстонское правительство не могло, конечно, получить одобрения Польши на заключение союза с Литвой.

Руководящие польские деятели не хотели, чтобы Эстония вела переговоры с Литвой, и часто справлялись у эстонских представителей относительно эстонско-литовских отношений. Так, в июле 1921 года в Варшаве к

эстонскому военному представителю Юнкуру обратился заведующий восточным отделом министерства иностранных дел Польши и просил дать сведения о заключении союза между Эстонией, Латвией и Литвой, ибо если этот союз заключен, то Польша вынуждена будет изменить свою политику в отношении Эстонии.[72] Эстонские представители на это ответили, что эстонское правительство не сделает ничего такого, что нанесло бы ущерб Польше.

Министерство иностранных дел Польши стремилось оказать через Эстонию давление и на латвийское правительство, чтобы последнее не слишком сблизилось с Литвой.

Хотя эстонское правительство и не связало себя с литовским правительством союзным договором, чтобы не оттолкнуть Польшу, оно сохранило с ним, несмотря на предостережение польского министерства иностранных дел, довольно тесный контакт. Так, 11 июля 1921 года в Риге началась конференция министров иностранных дел Эстонии, Латвии и Литвы, где обсуждались различные вопросы, касающиеся сотрудничества стран Прибалтики. На конференции было решено согласование внешней политики трех прибалтийских стран возложить на министерства иностранных дел и дипломатических представителей этих стран. Решено было также периодически устраивать совещания дипломатических представителей прибалтийских стран, аккредитованных за границей.

На конференции обсуждались также и военные вопросы и было признано весьма желательным военное сотрудничество трех стран. Организацию военного сотрудничества решено было поручить генеральным штабам.

Были подписаны и некоторые соглашения, например, соглашение о выдаче политических преступников, почтовое и телеграфное соглашение, консульское соглашение и соглашение по международному частному праву и по некоторым другим вопросам.[73]

Конференция представителей Эстонии, Латвии и Литвы в Риге несомненно означала известный шаг в области укрепления военного сотрудничества стран Прибалтики. Была налажена связь и между генеральными штабами

---

[72] ЦГАОР ЭССР.

[73] «Päevaleht», 14. VII 1921.

Эстонии и Литвы. Представитель Эстонии в Каунасе А. Шмидт работал в тесном контакте с военными властями Литвы, добывал у них различную информацию для эстонского штаба и т. д.

На Рижской конференции обсуждались также возможности экономического сотрудничества прибалтийских стран. Обсуждение экономических вопросов было продолжено 21 июля на экономической конференции трех прибалтийских государств в Таллине. В числе участников конференции были министр иностранных дел Эстонии А. Пийп, министр финансов Г. Вестель, министр промышленности и торговли Ю. Кукк, министр финансов Латвии Калнин, министр экономики Литвы Гальванаускас и др.[74]

Помимо вопросов торговли, на Таллинской экономической конференции обсуждались также возможности координации таможенной политики трех стран. В резолюциях конференции было зафиксировано, что Эстония и Латвия согласны отменить таможенную границу между двумя государствами и унифицировать с этой целью пошлины на товары других государств. Литва в принципе тоже была готова присоединиться к таможенной унии, но сначала только по отдельным пунктам.[75] Было принято также решение о согласовании денежной системы трех стран и об экономических переговорах и соглашениях с другими государствами.

В эстонских правящих кругах экономическому сотрудничеству прибалтийских стран придавали большое политическое значение. Неоднократно подчеркивалось, что для укрепления политического союза прибалтийских стран крайне необходимо возможно более широкое экономическое сотрудничество. В качестве формы такого сотрудничества выдвигали таможенную унию, которая охватила бы прежде всего Эстонию и Латвию, а при первом удобном случае — Финляндию и Литву и, может быть, даже Польшу, хотя участие последней многим эстонским буржуазным политикам казалось нереальным.

Несмотря на то, что по политическим соображениям делались довольно большие усилия для создания таможенной унии между Эстонией и Латвией, это мероприя-

[74] «Päevaleht», 22. VII 1921.
[75] ЦГАОР ЭССР.

тие не увенчалось заметным успехом. В обеих странах против заключения таможенной унии выступили в первую очередь промышленные круги. Отрицательное отношение промышленников к таможенной унии отражала и буржуазная печать.[76]

В сентябре 1921 года в Риге состоялась экономическая конференция представителей Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы, на которой обсуждались возможности унификации таможенных тарифов и другие вопросы.[77] Вследствие различных экономических противоречий результаты этой конференции были ничтожными. А по оценке немецкой печати, конференция потерпела полное фиаско.[78]

КОНФЕРЕНЦИЯ В ХЕЛЬСИНКИ В ИЮЛЕ 1921 ГОДА

Основная цель эстонской внешней политики в вопросе о Балтийском союзе — заключить военный союз с участием Польши — ярко проявилась на конференции министров иностранных дел Финляндии, Эстонии, Латвии и Польши, состоявшейся 25—29 июля 1921 года. В это время в империалистических странах вновь усилились интервенционистские антисоветские тенденции. Правящие круги империалистических государств, русские белогвардейцы и другие реакционные элементы стремились использовать то обстоятельство, что летом и осенью 1921 года в связи с засухой, охватившей 34 губернии с населением около 30 миллионов человек, положение Советского государства ухудшилось.[79]

В США была создана Американская администрация помощи голодающим (АРА), во главе которой стоял один из злейших врагов Советского государства Г. Гувер. Деятельность организации была направлена не столько на помощь голодающим, сколько на осуществление антисоветских планов.[80]

---

[76] См., например, «Kaja», 15. IX 1921 и сл.

[77] «Päevaleht», 14. IX 1921.

[78] «Berliner Börsenzeitung», 30. IX 1921.

[79] История Коммунистической партии Советского Союза, стр. 352.

[80] А. Н. Коган, Антисоветские действия Американской администрации помощи (АРА) в Советской России в 1921—1922 гг. «Исторические записки», т. 29, М., 1949.

В связи с голодом в Советской России активизировалась и внутренняя контрреволюция. Прибегая к различным средствам, реакционные силы стремились вызвать обострение отношений между Советской Россией и западными странами. Одним из типичнейших приемов при этом было распространение провокационных слухов. В печати различных стран появились сообщения о том, что Советская Россия предполагает напасть на своих западных соседей. С другой стороны, возникли слухи, будто прибалтийские страны сами хотят напасть на Советское государство. Сотрудник эстонской миссии в Москве сообщал в мае 1921 года, что там повсюду говорят о Прибалтике и о войне.[81] Спустя несколько дней этот же сотрудник говорил: «У меня лично остается впечатление, что все эти слухи спровоцированы реакционными элементами, которые стараются разжечь интервенцию».[82]

И эстонская буржуазия также включилась в антисоветскую кампанию империалистических кругов. Правая эстонская печать цинично заявляла, что лучшая помощь голодающим Советской России — свержение Советской власти!

Эстонскому правительству хорошо были известны планы империалистов и контрреволюционных элементов использовать голод в целях антисоветской борьбы. Так, неофициальный представитель Эстонии в США Н. Кестнер сообщил в августе 1921 года, что в американской помощи известную роль играют контрреволюционные комбинации, которые не чужды и Г. Гуверу.[83] Гувер, между прочим, сам сказал Кестнеру, что если бы в Москве, «в комитете помощи голодающим», были сильные буржуазные деятели, то государственная власть могла бы перейти в руки этого комитета. Эстонский представитель в Берлине К. Меннинг сообщал в начале августа, что всякие реакционеры надеются использовать голод в России в качестве воды для своей мельницы[84] и т. д.

Эстонское правительство и само принимало посильное участие в дипломатическом походе против Советской России. Конференция министров иностранных дел Фин-

[81] ЦГАОР ЭССР.
[82] Там же.
[83] Там же.
[84] Там же.

ляндии, Эстонии, Латвии и Польши в Хельсинки являлась также ярко выраженным антисоветским мероприятием.

Представление о ходе конференции дают записи заведующего информационным отделом министерства иностранных дел Эстонии Э. Лаамана о заседаниях конференции.[85] На этих заседаниях переговоры велись главным образом по двум основным вопросам: 1) взаимоотношения между странами, представленными на конференции, и возможности создания Балтийского союза и 2) координация политики указанных государств в отношении Советской России.

Министр иностранных дел Эстонии А. Пийп выступал на конференции последовательным борцом за создание Балтийского союза. За неделю до открытия конференции, 19 июля 1921 года, он в циркуляре эстонским посланникам за рубежом выразил надежду, что на конференции в Хельсинки будет заключен политический союз, по крайней мере таково его желание.[86]

Между тем из участников конференции никто, кроме членов эстонской делегации, не был сразу готов к заключению политического союзного договора. Польский представитель сказал, что речь о заключении военного договора может идти лишь на следующей конференции, но в данный момент этот вопрос не следует рассматривать из-за внешней политики Латвии, якобы слишком дружественной по отношению к Литве. Польский представитель требовал также уступок со стороны Латвии в отношении границы и порта Лиепая. Польские делегаты ссылались и на то, что для участия в Балтийском союзе польское правительство должно выяснить позицию Румынии.

Министр иностранных дел Латвии Мейеровиц сомневался относительно возможности создания Балтийского союза в случае, если Литва не будет в нем участвовать. Он, правда, утверждал, что Латвия не заключит с Литвой ни политического, ни военного договора, но и Балтийский союз без Литвы невозможен. Нужно покончить с дружественным отношением Литвы к Советской России и Германии.

---

[85] ЦГАОР ЭССР.
[86] Там же.

«Литовский вопрос» снова и снова включался в повестку дня конференции. Польские представители настаивали на полной изоляции Литвы и даже слышать не хотели о ее участии в последующих конференциях министров иностранных дел Прибалтики. Мейеровиц, напротив, считал, что изоляция Литвы еще больше ориентирует ее на Советскую Россию и Германию. Поэтому нужно сделать выбор: или отстраниться от Литвы, пока она не «очистится», или же помочь ей «очиститься», т. е. отказаться от «дружбы» с Советской Россией. 26 июля на совещании трех министров иностранных дел Хольсти, Пийп и Мейеровиц решили предложить свое посредничество в разрешении вильнюсского конфликта, если это понадобится.

Также и финская делегация в вопросе заключения военно-политических договоров с прибалтийскими странами и Польшей проявляла сдержанность. Правда, министерство иностранных дел Финляндии пыталось перед началом конференции в Хельсинки распространять антисоветские вымыслы, чтобы в глазах общественного мнения подготовить почву для заключения Балтийского союза. Как показывают материалы министерства иностранных дел Эстонии, Финляндия распространяла в западноевропейской печати слухи о мобилизации в Советской России, будто бы направленной против Прибалтики и Финляндии. По поводу этих сообщений из министерства иностранных дел Эстонии была отправлена эстонской миссии в Лондоне 20 июля 1921 г. телеграмма следующего содержания: «Сообщения о русской мобилизации — вымысел Хельсинки. В России продолжается демобилизация».[87]

На официальных заседаниях конференции в Хельсинки вопрос о заключении военного соглашения не сдвинулся с места. Поэтому Пийп провел ряд частных переговоров с представителями других делегаций. Так, он совещался с Мейеровицем и Хольсти относительно участия Финляндии в эстонско-латвийском военном соглашении. Было решено воздействовать прежде всего на финских социал-демократов, чтобы те дали согласие на заключение Балтийского союза.

На следующий день, 28 июля, Пийп совещался с польскими представителями и сказал им: «Мы... стоим за

[87] ЦГАОР ЭССР.

военный союз с Польшей, хотя наши соседи считают, что из этого ничего не выйдет». Польский представитель снова уклончиво ответил, что сейчас об этом нельзя говорить, так как Польша должна прежде выяснить позицию Румынии.

Таким образом, министр иностранных дел Эстонии Пийп выступил на конференции инициатором создания антисоветского военного союза. Польская делегация отрицательно отнеслась к заключению военного союза с прибалтийскими странами. Латвия же не соглашалась заключать союз с Польшей без участия Литвы. Позиция финского правительства по отношению к союзу была по-прежнему отрицательной, хотя многие финские государственные деятели и говорили о необходимости сотрудничества с Эстонией. Министр иностранных дел Пийп предпринимал различные попытки для достижения этого сотрудничества с Финляндией. Так, чтобы наладить связь между генеральными штабами двух стран, он пригласил в Таллин командующего генеральным штабом Финляндии Энкеля для организации армии и разработки планов «обороны».

На конференции в Хельсинки не удалось заключить ни военного, ни политического союзного договора между ее участниками. Но в заключительном протоколе конференции, подписанном представителями четырех стран, отмечалось, что Финляндия, Эстония, Латвия и Польша, опираясь на единство экономических и политических интересов, поддерживают друг друга во всем, что обеспечивает их независимость. С целью развития сотрудничества между участвующими в конференции странами и координации их внешней политики было решено периодически созывать конференции министров иностранных дел. Следующая конференция должна была состояться в Варшаве.

УХУДШЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЭСТОНИЕЙ И СОВЕТСКОЙ РОССИЕЙ

В Хельсинки большое внимание было уделено обсуждению положения в Советской России. Выступавшие на конференции придерживались в основном той позиции, что в обстановке новой экономической политики в России происходит «развитие» в сторону капи-

тализма. А. Пийп утверждал, что там якобы уже нет коммунизма, а посланник Финляндии в Москве Гилленбёгель находил, что «московское правительство вынуждено повернуть обратно к капитализму». С целью укрепления единого антисоветского фронта Финляндии, Эстонии, Латвии и Польши в заключительном протоколе было зафиксировано, что указанные страны проводят по отношению к Советской России единую политику. С этой целью дипломатические представители указанных стран обязывались обмениваться информацией об обстановке в Советской России и о ее политике, а также договариваться о дипломатических шагах, предпринимаемых в отношении последней. Первым наиболее крупным совместным мероприятием четырех стран должно было быть направление Советской России вербальной ноты 25 августа 1921 г. Одновременное вручение Советскому правительству ноты должно было явиться демонстрацией единства политического фронта прибалтийских государств. Подобным дипломатическим нажимом стремились разрешить в интересах прибалтийских стран различные вопросы, стоящие на повестке дня, например, оптацию, реэвакуацию имущества и т. д. В целях антисоветской пропаганды на конференции было решено как можно более широко осветить в печати содержание этих нот.

В ноте министра иностранных дел Эстонии действительно содержался целый ряд обвинений в адрес Советского правительства. А. Пийп пытался показать, что Советское правительство не выполняет условий мирного договора в вопросе оптации и реэвакуации эстонских граждан, что эстонским комиссиям чинят в Советской России различные препятствия, а эстонских граждан арестовывают и т. п.[88] Этим министр иностранных дел взял, по существу, под свою защиту эстонских спекулянтов и шпионов, деятельности которых советские власти действительно чинили препятствия. Ноты примерно такого же содержания направили Советскому правительству также правительства Финляндии, Польши и Латвии.[89] Буржуазная печать Прибалтики поддержала предпринятую кампанию многочисленными антисоветскими выступлениями.

[88] «Päevaleht», 30. VIII 1921.
[89] «Kaja», 30. VIII 1921.

Антисоветская деятельность эстонского правительства привела к ухудшению отношений с Советской Россией. Но, несмотря на это, Нарком иностранных дел Советской России Г. В. Чичерин направил ответную ноту, составленную в благожелательном и миролюбивом тоне.[90] Чичерин обратил внимание на то, что Советское правительство могло бы выдвинуть ряд обвинений в адрес эстонского правительства, но оно не сделает этого в интересах дружбы обеих стран. В ноте подчеркивалось, что ни советское дипломатическое представительство в Эстонии, ни советские официальные лица не занимаются свержением существующего эстонского правительства, что подобные обвинения имеют своей целью бросить тень на Советское правительство. В ноте указывалось, что преследование коммунистов, деятелей профсоюзного и рабочего движения в Эстонии оставляет плохое впечатление у широких кругов населения Советской России. Что касается различных обвинений в невыполнении мирного договора, то в этих недоразумениях повинна позиция эстонского правительства. Нота Советского правительства содержала конкретные предложения по разрешению спорных вопросов и в ней выражалась надежда, что вскоре между двумя странами будут установлены такие же добрососедские отношения, как и раньше.

Несмотря на доброжелательный тон ответной ноты Советского правительства, буржуазная печать реагировала на нее очередной антисоветской вылазкой.

Советское правительство тщательно следило за антисоветскими планами империалистических стран и буржуазных пограничных стран по созданию Балтийского союза. Достаточно внимания посвятило оно и конференции в Хельсинки. Советская печать разоблачала организаторов Балтийского союза. Газета «Известия» отмечала, что план заключения Балтийского союза с участием Польши является победой французской дипломатии и что в случае участия Польши в Балтийском союзе последний обретет агрессивный характер, в то время как о союзе только малых стран можно говорить, как об оборонительном.[91]

Эстонскому правительству хорошо было известно об

---

[90] ЦГАОР ЭССР.

[91] «Известия», 29 VII 1921.

отрицательном отношении Советского правительства к созданию Балтийского союза с участием Польши. А. Пийп указывал в беседе с журналистами: «Союзы малых пограничных стран Советское государство воспринимает не так серьезно, как союз пяти стран, особенно если учесть, что к нему присоединится Польша, а с ней и Румыния, у которой с Польшей свой договор».[92]

Стремление эстонского буржуазного правительства заключить военно-политический союз с участием Польши грозило втянуть Эстонию в опасную авантюру. Осенью 1921 года империалисты стали готовиться к новой интервенции против Советской России. Французский маршал Фош обсуждал с военным командованием США возможности нового похода против Советского государства с участием стран Прибалтики, Польши, Финляндии и Румынии.[93] При этом именно на Польшу империалисты возлагали основные надежды в реализации своих планов. 3 сентября 1921 года французский посланник вручил польскому правительству ноту, в которой Польше предлагалось предъявить Советскому правительству в ультимативной форме различные требования с угрозой, что невыполнение их приведет к военным действиям против Советской России. Кроме того, французское правительство требовало прекратить демобилизацию польской армии, подчинить польский штаб генеральному штабу Франции и т. д.[94]

Политика правящих кругов Польши по отношению к Советскому государству была враждебна и провокационна. С территории Польши, а также Румынии в Советскую Россию засылались контрреволюционные банды Петлюры и Савинкова. В связи с этим в 1921 году Советское правительство неоднократно указывало на недопустимую деятельность польского правительства.[95] 18 сентября польское правительство предъявило Советскому правительству ультиматум с различными требованиями.[96] Благодаря уравновешенной и миролюбивой внешней политике Советского правительства конфликт удалось

---

[92] «Päevaleht», 22. VII 1921.

[93] История международных отношений. М., 1957, стр. 229.

[94] Документы внешней политики СССР, т. IV. М., 1960, стр. 334—335.

[95] Там же, док. №№ 45, 52, 69, 97, 138, 210, 223 и др.

[96] Там же, стр. 789.

разрешить, причем ультимативные требования Польши были отклонены.[97]

Нужно отметить, что эстонские социал-демократы одобряли антинародную и антисоветскую внешнюю политику буржуазии в вопросе создания Балтийского союза. Особенно ясно это проявилось на очередной конференции представителей социал-демократических партий Эстонии, Финляндии, Латвии и Литвы в октябре 1921 года в Риге. В прениях по вопросу внешнеполитических задач и внешнеполитической ориентации представители финских, латвийских и литовских социал-демократов указывали, что прибалтийские страны не должны придерживаться общего с Польшей внешнеполитического курса и что заключение военного союза с участием Польши недопустимо.[98] Но эстонский представитель К. Аст был другого мнения. Свои утверждения он пытался защищать, прибегая к демагогической клевете в адрес Советской России, ссылкам на «красный империализм» и т. д. Однако делегаты Финляндии, Латвии и Литвы приняли резолюцию о международном положении, в которой отмечалось, что социал-демократы против военного союза между Польшей и названными странами. В связи с этим К. Аст письменно изложил свое особое мнение.

Позднее К. Аст пытался «оправдать» этот шаг в статье «С Польшей или без Польши?».[99] Он утверждал, что социал-демократы якобы не могут быть против союза с Польшей, так как «нужно помнить, что Польша одна больше, чем остальные четыре страны, вместе взятые».

Подобными заявлениями лидеры эстонских социал-демократов одобрили антинародную и антисоветскую внешнюю политику эстонской буржуазии и более того — активно помогали претворять ее в жизнь. Газета «Коммунист», выходившая нелегально, опубликовала статью «Эстонские сотсы готовы служить Франции», в которой разоблачала позицию социал-демократов и разъясняла опасность внешнеполитического курса эстонского правительства.[100]

---

[97] Документы внешней политики СССР, т. IV, док. № 236.
[98] «Sotsiaaldemokraat», 21. X 1921.
[99] Там же, 25. X 1921.
[100] «Kommunist», 3. IX 1921.

В статьях газеты «Коммунист» Балтийский союз с полным правом назывался жандармским и отмечалась его антисоветская направленность. В этой газете было опубликовано воззвание коммунистических партий Эстонии, Латвии и Литвы «Единый фронт трудящихся против объединившихся палачей».[101] В воззвании указывалось, что планы буржуазных правительств по созданию Балтийского союза направлены против трудящихся и служат интересам белого террора. Коммунистические партии трех прибалтийских государств призывали пролетариат Эстонии, Латвии и Литвы обеспечить единство в борьбе против буржуазной диктатуры.

Эстонские трудящиеся оказывали Советскому государству и материальную помощь. Газета «Коммунист» и легальная рабочая печать неоднократно указывали, что эстонские трудящиеся готовы помочь голодающим в Советской России, и в связи с этим разоблачали политику буржуазного правительства, чинившего всяческие препятствия. Эстонский трудовой народ собрал при содействии профсоюзных организаций крупные суммы для оказания помощи голодающим, которые были переданы в Таллине дипломатическому представительству Советской России.

Кампания помощи голодающим в Советской России имела также большое агитационное значение для мобилизации эстонских трудящихся на защиту страны Советов. КПЭ последовательно боролась за то, чтобы трудящиеся знали правду о Советской России и были готовы в случае необходимости выступить в защиту первого социалистического государства.

Задачи Коммунистической партии Эстонии и эстонских трудящихся по защите Советской России, как первого социалистического государства, обсуждались на II съезде КПЭ в октябре 1921 года.

На этом съезде в докладе В. Кингисеппа «Политическая обстановка и ближайшие задачи КПЭ» подчеркивалось, что по приказу Парижа и Лондона Эстония может быть втянута в войну против Советской России. Та же мысль звучала и в докладе Я. Анвельта по вопросу «Положение Советской России». В одной из резолюций съезда отмечалось, что эстонские трудящиеся обязаны

---

[101] «Kommunist», 29. X 1921.

сделать все для того, чтобы предотвратить войну. Но если Эстония будет все же втянута в войну, то нужно предпринять все для того, чтобы советские войска победили. Решения съезда о безоговорочной защите Советской России в случае возможной интервенции были проникнуты духом подлинного пролетарского интернационализма.

5. «ВАРШАВСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ» И ЕГО СУДЬБА

АВАНТЮРА ФИНСКИХ РЕАКЦИОНЕРОВ В КАРЕЛИИ

Как указывалось выше, различные противоречия помешали в 1921 году созданию антисоветского Балтийского союза. Политика правящих кругов Финляндии и Польши была в этом вопросе особенно нерешительной и противоречивой. Но в начале 1922 года положение временно изменилось. Наряду с другими факторами на политику Финляндии и Польши оказывали теперь большое влияние два обстоятельства: во-первых, антисоветская авантюра финских белогвардейцев в Карелии и, во-вторых, проходящая по всей Европе широкая подготовка к Генуэзской конференции.

Уже в период военной интервенции и гражданской войны финские правящие круги предпринимали шаги для захвата Карелии.[1]

Осенью 1921 года в Советской Карелии при активном участии финских белогвардейцев был спровоцирован контрреволюционный мятеж. Деятельности белофиннов благоприятствовало крайне тяжелое продовольственное положение, сложившееся в Карелии в послевоенные годы.[2]

Правые элементы Финляндии вели как внутри государства, так и на международной арене оголтелую антисоветскую пропаганду. Позднее эстонский посланник в Хельсинки Ф. Акель отмечал, что правые элементы требовали, чтобы финское правительство помогало

---

[1] См. И. Сюкияйнен. Карельский вопрос в советско-финляндских отношениях в 1918—1920 годах. Петрозаводск, 1948; Ф. Егоров. Разгром белофинской авантюры в Карелии в 1919 году. Петрозаводск, 1952.

[2] Е. С. Гардин. Советская Карелия в годы восстановительного периода (1921—1925 гг.). Петрозаводск, 1955, стр. 23.

карельским мятежникам, и заявляли, что они не отступили бы даже и перед угрозой войны с Советской Россией.[3]

Финское правительство пыталось замаскировать свою антисоветскую деятельность различными клеветническими выпадами в адрес Советского Союза. Так, министр иностранных дел Финляндии Р. Хольсти сообщил послам иностранных государств, что Советское правительство якобы сосредоточило у финляндской границы войска до 100 000 человек и поэтому можно ожидать нападения со стороны Красной Армии. Примечательно, что даже заведующий информационным отделом министерства иностранных дел Эстонии Э. Лааман говорил эстонским посланникам в Хельсинки и Москве, что сообщение Хольсти является не более чем вымыслом.[4]

В ряде нот, направленных правительству Финляндии, Советское правительство разоблачило спровоцированный характер карельского контрреволюционного мятежа.[5] Советская печать также неоднократно обращала внимание на это обстоятельство, приводя многочисленные конкретные факты о деятельности финских офицеров, о снабжении оружием финских белогвардейцев и т. д.[6] Сотрудники эстонского дипломатического представительства постоянно посылали из Хельсинки в Таллин информацию об участии финских белогвардейцев в организации и поддержке мятежа. Несмотря на это, в вопросе о карельском мятеже эстонское правительство поддерживало антисоветскую позицию. К. Р. Пуста выразил точку зрения эстонской буржуазии в отношении карельского мятежа так: «Нам было бы бесконечно приятно, если бы между Финляндией и Россией возникло одно буферное государство (état tampon), но, по-видимому, инициативу в этом деле нужно предоставить Финляндии...»[7]

Эстонское правительство поддержало мятеж в Карелии и материально, и дипломатически. 19 ноября 1921 года представители карельских мятежников обратились в

---

[3] ЦГАОР ЭССР.
[4] Там же.
[5] Документы внешней политики СССР, т. IV, док. №№ 306, 308, 313, 320, 329 и др.
[6] «Известия», 17 IX 1921; «Правда», 11 XII 1921 и др.
[7] ЦГАОР ЭССР.

Хельсинки к эстонскому посланнику О. Калласу с просьбой о помощи.[8] На вопрос, как они представляют себе помощь Эстонии, они ответили, что в Финляндии скоро будет создан соответствующий комитет и помощь от Эстонии могла бы осуществляться через эту организацию. О. Калласу было передано также письменное прошение карельских мятежников. В своих докладах министру Каллас неоднократно советовал оказать помощь мятежникам и обосновывал это следующим образом: «В результате ослабления России и укрепления мощи родственной Финляндии упрочится и положение Эстонии» [т. е. эстонской буржуазии — *Х. А.*][9]

Эстонское буржуазное правительство полностью поддержало позицию О. Калласа. Так, 5 декабря 1921 года министр иностранных дел Пийп в ответе на его доклады писал: «По карельскому вопросу Ваши письма получил. По существу мы согласны. Договоримся со своим Красным Крестом, чтоб он рассмотрел свои возможности. Но вмешиваться официально, по примеру Финляндии, наверное, нельзя, можно использовать финский Красный Крест».[10]

Через эстонскую буржуазную печать была организована очередная кампания антисоветской клеветы. Спровоцированный финскими белогвардейцами карельский мятеж изображали как «освободительную войну». Буржуазная печать опубликовала, конечно, и воззвания, и просьбы главарей карельского мятежа о помощи.

Эстонское правительство полностью поддерживало стремление финского правительства привлечь через Лигу наций для решения «карельского вопроса» империалистические державы. Оно считало, что Лига наций должна послать в Карелию соответствующую комиссию по расследованию, на основе отчета которой Лига наций могла бы принять какое-либо решение по карельскому вопросу. Советское правительство неоднократно предостерегало эстонское правительство от подобных антисоветских действий. Так, 18 декабря 1921 года посланнику Эстонии в Москве Т. Варесу было сообщено, что поддержка финского правительства в Лиге наций является шагом, на-

[8] ЦГАОР ЭССР.
[9] Там же.
[10] Там же.

правленным против Советской России, и может иметь серьезные последствия.[11] Эта же точка зрения подчеркивалась и в ноте представителя Советской России министру иностранных дел Эстонии 19 декабря 1921 года.[12] Эстонское буржуазное правительство не прислушалось к предостережениям Советского правительства и сознательно продолжало антисоветскую политику.

13 января 1922 года посланник Эстонии в Париже К. Р. Пуста выступил на заседании Совета Лиги наций и поддержал предложение Финляндии относительно обсуждения «карельского вопроса». 14 января Совет Лиги наций решил, что в случае если заинтересованные стороны (Финляндия и Советская Россия) согласятся с этим, Лига наций готова приступить к обсуждению «карельского вопроса».

Уполномоченное Советом Лиги наций эстонское правительство пыталось выступать в этом вопросе посредником между Лигой наций и Советской Россией. Эстонский посланник в Москве направил Советскому правительству ноту, в которой запрашивал о позиции последнего относительно обсуждения «карельского вопроса» в Лиге наций.[13]

В ответной ноте Советского правительства от 2 февраля 1922 года разоблачалась антисоветская политика эстонского правительства в «карельском вопросе». В ноте подчеркивалось, что Советское правительство не может не выразить крайнего удивления по поводу того, что правительство Эстонии взяло на себя роль посредника в вопросе, в котором оно не было беспристрастной стороной. Советское правительство отмечало, что эстонское правительство оказывало явную поддержку Финляндии, присоединяясь к ее заявлению в Лиге наций и разрешая на территории Эстонии действовать организациям, оказывавшим поддержку бесчинствующим в Карелии бандам. Этим правительство Эстонии заняло по отношению к Советской России враждебную позицию, которая дает последней достаточное основание для отклонения посредничества Эстонии. Одновременно Советское правительство указывало, что оно отказывается также и от посред-

[11] ЦГАОР ЭССР.

[12] Внешняя политика СССР. 1917—1944. Сборник документов, т. II. М., 1944, стр. 209—210.

[13] ЦГАОР ЭССР.

ничества любого государства в «карельском вопросе» и рассматривает его как свое внутреннее дело.[14]

Активно поддерживая антисоветскую авантюру финских белогвардейцев, эстонское правительство надеялось содействовать этим заключению военного союза между Финляндией и Эстонией. Эстонская дипломатия учитывала, что в связи с событиями в Карелии среди правых элементов Финляндии еще более усилились антисоветские настроения, которые делали их более сговорчивыми в отношении заключения Балтийского союза. Помимо того, ухудшилось также внутри- и внешнеполитическое положение правительства Финляндии.

Трудящиеся Финляндии решительно осудили антисоветский мятеж в Карелии. Коммунистическая партия Финляндии всячески разоблачала антисоветский характер карельского мятежа и боролась за сохранение мира.[15] Учитывая настроения народных масс, и социал-демократы отнеслись к карельской авантюре отрицательно.

Международное положение Финляндии было также тяжелым. Действия белогвардейцев, которых правительство всячески поддерживало, привели к серьезному конфликту с Советской Россией. Хотя империалистические державы и поддерживали Финляндию в ее антисоветских авантюрах, рабочий класс и демократическая общественность Западной Европы резко осудили белогвардейцев. В этой обстановке финское правительство решило более активно заняться вопросом создания Балтийского союза. Эстонский министр иностранных дел А. Пийп в своих инструкциях посланнику в Финляндии О. Калласу неоднократно указывал, что тот должен действовать именно в направлении создания военного союза между Эстонией и Финляндией. Пийп подчеркивал, что он вынужден серьезно требовать заключения оборонительного (т. е. военного) договора.[16]

В середине декабря 1921 года в Таллине состоялась конференция представителей правительств Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы. Эта конференция первоначально была задумана как экономическая конференция

---

[14] Внешняя политика СССР. 1917—1944. Сборник документов, т. II, стр. 249.

[15] Из истории коммунистической партии Финляндии. М., 1960, стр. 44—46.

[16] ЦГАОР ЭССР.

с участием Эстонии, Латвии и Литвы, но по предложению министра иностранных дел А. Пийпа правительства Латвии и Литвы согласились с тем, чтобы в Таллин был приглашен и представитель Финляндии. В связи с этим А. Пийп послал О. Калласу в Хельсинки следующую инструкцию: «Было бы хорошо, если бы Вы смогли уговорить Хольсти приехать в Таллин».[17] Министр иностранных дел Хольсти дал свое согласие.

На Таллинской конференции наряду с экономическими проблемами обсуждались также различные политические вопросы. В своих выступлениях эстонский и финский министры иностранных дел подчеркивали необходимость сотрудничества с Польшей, в то время как Мейеровиц и литовские представители были против этого.[18] Конференция одобрила предложение о совместном выступлении в Лиге наций по «карельскому вопросу». А. Пийп говорил одному эстонскому дипломату, что позиция Таллинской конференции в вопросе поддержки правительства Финляндии в Лиге наций очень важна, так как это якобы явится «реальной манифестацией Балтийского союза».[19] Он отметил также, что идея Балтийского союза в связи с карельским конфликтом стала намного реальнее и что особенно с представителем Латвии в Таллине была достигнута договоренность по многим вопросам, касающимся заключения этого союза.

Выполняя инструкцию правительства, эстонский посланник в Хельсинки О. Каллас энергично трудился над созданием военного союза между Финляндией и Эстонией. Он неустанно вел переговоры с руководящими государственными и военными деятелями Финляндии. Так, он предложил финскому президенту Штольбергу заключить «в целях обороны» договор между Финляндией и Эстонией. Была достигнута договоренность относительно поездки в Хельсинки военного представителя Эстонии. В то же время военного представителя Финляндии в прибалтийских государствах Хельзингиуса предполагалось перевести из Риги в Таллин. Военные представители должны были обсудить сложившееся положение и решить, какие договоры можно было бы заключить между Эстонией и Финляндией. О. Каллас 30 декабря

[17] ЦГАОР ЭССР.
[18] Там же.
[19] Там же.

1921 года в своем докладе министру иностранных дел сообщал, что президент Финляндии и часть членов правительства относятся положительно к военному договору с Эстонией, только в парламенте этот договор может не пройти. Провал договора оставил бы плохое впечатление и явился бы препятствием к его заключению на длительное время.[20]

О. Каллас как и члены эстонского правительства, находил, что нужно «ковать железо, пока горячо», т. е. пока есть предпосылки для участия в Балтийском союзе Финляндии. Они пытались оказывать прямое давление на финляндское правительство, с тем, чтобы вынудить его заключить военный договор, давая понять, что прибалтийские государства окажут Финляндии дипломатическую поддержку в Лиге наций в зависимости от того, заключит ли Финляндия с Эстонией договор или нет. Для оказания давления на Финляндию пытались прибегнуть к помощи английских империалистов. Так, министр иностранных дел А. Пийп заявил английскому представителю в Таллине Уилтону, что Эстония хочет заключить военный «оборонительный союз», который якобы уменьшит военную опасность. Затем Пийп спросил у Уилтона, не выскажет ли английское правительство государственным деятелям Финляндии свое мнение по этому вопросу.[21] Пийп хотел, чтобы Англия посоветовала Финляндии вступить в союз с Эстонией.

В начале января 1922 года в Хельсинки для заключения военного союза прибыл специальный уполномоченный, буржуазный деятель А. И. Ханко. А. Пийп отмечал, что если миссия Ханко окажется успешной, то в Хельсинки будет послан эстонский военный атташе.[22]

В 1919 году Ханко состоял уполномоченным эстонского военного министерства в Финляндии и поэтому ему было легко наладить связь в финских военных кругах. Теперь Каллас и Ханко и вместе, и в отдельности стали вести переговоры о заключении военного союза между Финляндией и Эстонией.[23] Многие руководящие государственные и военные деятели Финляндии — президент Штольберг, премьер-министр Веннола, генералы Мальм-

[20] ЦГАОР ЭССР.
[21] Там же.
[22] Там же.
[23] Там же.

берг, Кивекяс и другие — считали мысль о заключении военного союза между Эстонией и Финляндией правильной, но трудно осуществимой из-за прежнего отрицательного отношения к ней финских крайних правых и социал-демократов.

Другие же, например, начальник генерального штаба Энкель, считали, что союз только с Латвией и Эстонией невыгоден для Финляндии и может привести к различным осложнениям. В таком случае лучше не вступать ни в какие союзы. Иное дело — заключение военного союза между пятью государствами, включая Финляндию и Польшу, который мог бы оказать Финляндии эффективную помощь.

В связи с карельской авантюрой среди правых партий Финляндии все больше находила поддержку мысль о заключении союза с Польшей. Разногласия отмечались лишь в вопросе о том, заключать ли его с участием малых Прибалтийских государств или без них. Во всяком случае ясно, что в начале 1922 года позиция финских правых способствовала активизации политики правительства Финляндии в отношении Балтийского союза. И в советской печати, особенно в первой половине марта, были опубликованы материалы, говорящие о подготовке военного союза между Финляндией и Польшей.[24]

Однако Финляндия стремилась подойти к заключению союзного договора с участием Эстонии, Латвии и Польши постепенно, лишь после того, как будет заключен ряд двусторонних договоров. Так, сотрудник эстонской миссии в Хельсинки Э. Киротар получил от заведующего политическим отделом министерства иностранных дел Финляндии информацию, что комиссия по иностранным делам при правительстве (в составе министров Хольсти, Веннола, Каллио) решила заключить военные договоры с Польшей, Эстонией и Латвией при условии, что Польша заключит с последними подобные же договоры.[25] Такой путь частных договоров был предложен министром иностранных дел Р. Хольсти, в то время как премьер-министр Веннола стоял за общий договор. Хольсти и сам говорил, что финское правительство стоит за заключение общего договора между Финляндией, Латвией и Поль-

[24] «Известия», 2 III; 6 III; 7 III; 8 III; 9 III; 11 III; 14 III 1922 и др.

[25] ЦГАОР ЭССР.

шей, но по соображениям тактического характера придется встать на путь частных договоров. Причем договоры следует заключать не все сразу, а прежде всего между Финляндией и Польшей.[26]

Финское правительство было, конечно, больше всего заинтересовано в договоре с Польшей, как с сильным в военном отношении государством. Был даже выработан соответствующий проект договора. В проекте предусматривалась взаимная военная помощь в случае, если на одного из участников договора нападет третье государство. Договаривающимся сторонам запрещалось заключать сепаратные мирные договоры, они обязывались также не вести переговоры с третьим государством без ведома партнера по договору. Заключенные до этого договоры, например польско-французский и польско-румынский, не подлежали аннулированию. Проект договора предусматривал заключение между договаривающимися сторонами еще одной специальной военной конвенции в целях конкретизации видов оказываемой военной помощи. Этот договор был бы, конечно, направлен непосредственно против Советской России, что отразилось и в тексте проекта договора. Так, статья 2 договора предусматривала под предлогом «укрепления мира» координацию внешнеполитической линии двух государств по отношению к восточному соседу.[27]

У автора нет данных, которые говорили бы о том, что переговоры между Финляндией и Польшей не ограничились только составлением проектов и зондированием почвы, хотя в дипломатических кругах некоторых государств и говорили о подписании этого договора. Не был заключен на этот раз и военный союз между Эстонией и Финляндией. Но эстонские правящие круги надеялись, что на предстоящей Варшавской конференции представителей Финляндии, Эстонии, Латвии и Польши удастся наконец вдохнуть жизнь в Балтийский союз.

ПОДГОТОВКА К ГЕНУЭЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

На ход подготовки конференции в Варшаве существенно повлияла борьба различных интересов вокруг созыва Генуэзской конференции. Генуэзская конференция явилась фоном, на котором ярко

[26] ЦГАОР ЭССР.
[27] Там же.

проявились противоречия в политике Эстонии по отношению к Советской России.

Как известно, широкие массы в Западной Европе требовали установления экономических связей между капиталистическими государствами и Советской Россией. Того же добивались под давлением послевоенного экономического кризиса представители торгово-промышленных кругов, заинтересованные в сырье и рынках России. В то же время некоторые империалистические деятели стремились использовать экономические факторы для борьбы против Советской власти в России.

Наиболее известным сторонником установления экономических связей был английский премьер-министр Ллойд Джордж, боровшийся вместе со своими единомышленниками за организацию большой международной конференции в Генуе с участием как капиталистических государств, так и Советской России.

С другой стороны, в империалистическом лагере некоторые круги выступали против установления каких бы то ни было экономических и политических отношений с Советской Россией. Они пытались держаться тактики изоляции и блокады и мечтали о новой вооруженной интервенции с целью свержения Советской власти.

Между этими противоположными направлениями и происходила борьба на международной арене. В Англии, например, против созыва конференции выступали преимущественно консерваторы. Возникла даже опасность правительственного кризиса, которого сторонникам Ллойд Джоржда едва удалось избежать.[28]

Во Франции согласие А. Бриана на участие в Генуэзской конференции стоило ему кресла премьер-министра. Наиболее реакционные элементы приписывали ему «благосклонность» к Советской России, и в январе 1922 года премьер-министром стал известный реакционер Р. Пуанкаре. Но в конце концов и правительству Пуанкаре пришлось считаться с общей экономической и политической обстановкой и согласиться с программой конференции.

Советское правительство проявляло большой интерес к Генуэзской конференции. Во время подготовки конференции В. И. Ленин глубоко проанализировал отноше-

[28] В. Г. Трухановский. Новейшая история Англии. М., 1958, стр. 89.

ния между Советским государством и империалистическими державами[29] и ярко показал, что для капиталистических государств крайне необходимо расширение экономических связей с Советской Россией. В. И. Ленин заявлял, что Советская Россия приветствует Генуэзскую конференцию и готова принять в ней участие, чтобы наиболее правильно и выгодно обсудить политически подходящие условия торговли.[30]

Правящие круги Эстонии были также серьезно заинтересованы в Генуэзской конференции и считали необходимым внести соответствующие коррективы во внешнюю политику своего государства.

Как указывалось выше, эстонские государственные деятели предполагали, что под влиянием внутренних факторов Советская власть должна рано или поздно рухнуть. Как и капиталистические круги в других государствах, буржуазные деятели оценивали новую экономическую политику как постепенное возвращение к капитализму.

Мнения правящих кругов по этому вопросу ярко отразила буржуазная печать, много внимания уделявшая предполагаемому «перерождению» Советской России в духе капитализма. Так, главный редактор газеты «Пяэвалехт» Ребане в статье «Проблема России решается» писал, что в России революция пришла или по крайней мере приходит к концу и что большевизма в России в первоначальном виде уже нет.[31] В Советской России якобы происходит денационализация промышленности и возвращение к капитализму вообще. Из этого он делал вывод: «Мы должны позволить России спокойно идти по своему пути развития. Мы имеем дело уже не с русской революцией, а с русской эволюцией.» Он сообщал также о планах Ллойда Джорджа по установлению экономических связей с Советской Россией и подчеркивал: «Европа не может обойтись без России». В статье Ребане прямо предлагал наладить отношения с Советской Россией: «К эволюционирующей России надо подойти ближе, чем это было сделано до сих пор. Иначе нас опередит Европа, и мы опоздаем».

---

[29] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 1 и сл.; стр. 35 и сл.; стр. 69 и сл.

[30] Там же, стр. 2.

[31] «Päevaleht», 3. I 1922.

Обычно крайне антисоветски настроенный орган партии аграриев «Кая» опубликовал статью «Глаза, обращенные к России»,[32] в которой также говорилось, что в связи с новым курсом в Советской России развитие идет обратно к капитализму. В этой связи «Кая» говорила о Советской России, как о «новой Америке», открытой капиталистическим миром, и предполагала, что часть товаров, ввозимых в Россию или вывозимых из нее, неизбежно должна будет пройти через Эстонию. Чем ловчее Эстония при этом будет действовать, тем большей может оказаться доля, которую она получит при новом экономическом «открытии» России.

Газета «Ваба Маа» также возлагала большие надежды на Генуэзскую конференцию и писала в связи с этим, что «при экономическом возрождении России пограничные государства будут выполнять роль склада материалов и мастерской».[33]

«Тулевик», газета социал-демократов, не отставала от общего хора и приветствовала политику, направленную на «оздоровление» России. «При этом мы должны позаботиться, чтобы грандиозная задача восстановления России не была бы выполнена без нашего участия. Наш опыт и наше основательное знание России должны сыграть важную роль», — писала газета.[34]

В эстонской печати приводилась высказанная в некоторых западноевропейских политических кругах мысль о возможном признании империалистическими державами Советского правительства на Генуэзской конференции. Газета «Пяэвалехт», например, утверждала, что поскольку на повестку дня встал вопрос о признании Советской России, то уже самой постановкой он был решен положительно.[35] Об этом в газете говорилось и позднее. В начале марта «Пяэвалехт» писала, что хотя империалистические державы и отложили решение вопроса о признании Советской России, Эстония является первой страной, подавшей свой голос за признание Советского правительства. В случае признания Советского государства роль эстонской буржуазии как посредника между Советской Россией и Западной Европой будет якобы на-

[32] «Kaja», 14. I 1922.
[33] «Vaba Maa», 11. II 1922.
[34] «Tulevik», 11. III 1922.
[35] «Päevaleht», 3. I 1922.

много значительнее. Газета указывала: «Факт признания Советской России никакого чуда с Россией не сотворит. Превращение России будет происходить годами. Во время процесса этого превращения пограничные государства могут стать той базой, через которую будет осуществляться руководство этим превращением».[36]

Таким образом, в печати ясно и неоднократно говорилось о надеждах и ожиданиях, связанных с Советской Россией начала 1922 года. Эстонская буржуазия открыто предлагала свои услуги для осуществления антисоветской экономической агрессии.

Подобные рассуждения слышались также на совещании членов правительства и экспертов 1 апреля 1922 г., созванном в связи с Генуэзской конференцией.[37] Так, О. Штрандман говорил: «Мы считаем, что большевики продержатся в России еще года два. Что это мнение правильное, показывает способность большевиков эволюционировать». Премьер-министр К. Пятс подчеркивал, что в Генуе нужно твердо противостоять стремлениям начать военную интервенцию, так как последняя может принести Эстонии только ущерб.

В связи с обсуждением экономических вопросов эксперт Лютер указывал, что Эстония хочет быть только посредницей, не больше. Эстония не конкурент западных держав, а только их помощник.

На основании положений, высказанных на совещании членов правительства и экспертов, министр иностранных дел А. Пийп составил инструкцию для эстонской делегации на Генуэзской конференции. В инструкции подчеркивалось, что задача делегации — содействовать укреплению мира, являющегося единственной основой восстановления Восточной Европы. Указывалось, также, что главной экономической проблемой является «восстановление» России, под которым, конечно, мыслилось ее экономическое порабощение и восстановление капитализма. В инструкции предписывалось обратить особое внимание на роль Эстонии, как посредника в транзите, торговле и знатока русских условий.[38]

Таким образом, буржуазия Эстонии в полной мере

[36] «Päevaleht», 3. III 1922.
[37] ЦГАОР ЭССР.
[38] Там же.

разделяла надежды некоторых империалистических кругов на экономическое порабощение России и пыталась этому даже содействовать, надеясь, что и ей кое-что перепадет из добычи империалистов. Естественно, что эстонское правительство в отношении Советской России стремилось следовать политическому курсу Ллойда Джорджа и поэтому посланной на Генуэзскую конференцию эстонской делегации были даны указания придерживаться политической линии английского представителя. Проанглийскую политику эстонского правительства характеризуют инструкции, полученные О. Калласом в январе 1922 года при назначении его посланником в Лондон. Из устных инструкций министра иностранных дел А. Пийпа, которые О. Каллас записал в своем дневнике, выясняется, что эстонское правительство хотело получить от Англии прежде всего политическую и военную поддержку. На первое место был поставлен вопрос о «государственной обороне», для организации которой якобы была нужна помощь Англии. А. Пийп подчеркивал в беседе с Калласом, что в своей политике Эстония стремится опереться прежде всего на Англию, поскольку та заинтересована в установлении своего господства на Балтийском море и поэтому поддержит прибалтийские государства, когда это будет нужно.[39]

О. Калласу было дано задание выяснить возможности получения вооружения для эстонской армии. Устная инструкция А. Пийпа содержала и прямое распоряжение — позаботиться о привлечении английского капитала в Эстонию. Эта же мысль содержалась и в письменной инструкции министра иностранных дел.[40] Этим эстонский посланник в Лондоне получил как бы распоряжение содействовать наиболее полному подчинению Эстонии Англией. В зависимости от империалистических держав эстонская буржуазия видела тот спасательный круг, который обеспечил бы ей господство над «своим» рабочим классом. Буржуазное правительство прямо предлагало английским империалистам различные привилегии в Эстонии, чтобы гарантировать эстонской буржуазии «в случае необходимости» военную помощь. Министр иностранных дел Пийп указывал Калласу, что основная

---

[39] ЦГАОР ЭССР.
[40] Там же.

задача последнего — максимально обеспечить для эстонской буржуазии военную поддержку в случае «нападения» на Эстонию.

Пытаясь политически и экономически сблизиться с Англией, Эстония, однако, и накануне Генуэзской конференции в вопросах создания Балтийского союза следовала франко-польскому политическому курсу. Как уже говорилось, французское реакционное правительство было заинтересовано в создании антисоветского Балтийского союза во главе с Польшей. Этот интерес еще более возрос в период подготовки Генуэзской конференции. В начале 1922 года Франция пыталась обеспечить наиболее широкий антисоветский фронт и создать политический противовес Англии. В феврале 1922 года эстонский посланник в Париже К. Р. Пуста говорил журналистам, что французское правительство достаточно внимательно следит за ходом создания Балтийского союза, и ему было бы приятно видеть, чтобы в этом союзе приняла участие Польша.[41] Да и советские историки единодушно обращали внимание на большой интерес, проявленный перед Генуэзской конференцией к созданию Балтийского союза, в котором бы Польша выполняла роль орудия французского правительства.[42]

Эстонское правительство и в первой половине 1922 года стремилось как можно теснее сотрудничать с Польшей. В декабре 1921 года министр иностранных дел писал одному эстонскому дипломату, аккредитованному за границей: «Во всяком случае наши интересы в отношении Польши и сотрудничества с ней заметно расходятся с интересами Латвии, да и Финляндии. Из всех прибалтийских народов мы являемся больше всех полофилами и считаем это правильным...»[43] А. Пийп подчеркивал, что Польшу нужно связать с Эстонией настолько, насколько это можно без больших жертв.[44] Только что назначенный посланником в Хельсинки Ф. Акель 8 января 1922 года следующим образом обосновал необходимость сближения с Польшей: «Я считаю,

---

[41] «Vaba Maa», 6. II 1922.

[42] История дипломатии т. III, стр. 153: Н. Л. Рубинштейн. Внешняя политика Советского государства в 1921—1925 годах. М., 1953, стр. 246.

[43] ЦГАОР ЭССР.

[44] Там же.

что штыки Польши действительно чего-то стоят уже только потому, что их много.»[45]

В январе 1922 года эстонский посланник в Риге А. Хеллат был назначен посланником в Варшаву. Министр иностранных дел А. Пийп дал ему инструкции, которые ярко характеризуют политику эстонского правительства в отношении Балтийского союза. В инструкции подчеркивалось, что задачи А. Хеллата в Варшаве сложны и значительны. Как в настоящий момент, так и в будущем важнейшая цель эстонской внешней политики состоит в том, чтобы обеспечить «независимость» Эстонии и обезопасить (для буржуазии) «возможного врага» с помощью союзов и внешних сношений. В этом смысле особенно важным считалось укрепление связей с прибалтийскими государствами, в частности с Польшей. Сотрудничество всех прибалтийских государств оставалось идеалом, в настоящее время трудно осуществимым, поэтому решено было идти к этой цели по пути создания отдельных группировок. Решающее значение имел бы польско-эстонский союз, который мог в значительной мере повлиять на политику Эстонии по отношению к Советской России и сыграл бы даже определенную роль во всей политической жизни Средней и Западной Европы. А. Пийп подчеркивал, что соседние государства, т. е. прежде всего Советская Россия и Германия, смотрят на эстонско-польское сближение с известной тревогой, поэтому следует отказаться от ненужных демонстраций, но надо старательно работать для того, чтобы эстонско-польский союз был осуществлен. А. Пийп прибавил еще, что сильная политическая кооперация требует солидной экономической основы и возможно более тесных контактов во всех областях жизни.[46]

И А. Хеллат стал действовать в Варшаве в духе полученных инструкций. Позже он говорил, что его целью было втянуть Польшу в круг политических интересов Эстонии и что он стремился проникнуть всюду, где можно было надеяться хоть на малейшую поддержку.[47] Напомним, что отношение правящих кругов Польши к проблеме Балтийского союза было довольно противоречивым. Если круги Пилсудского и мелкобуржуазные

[45] ЦГАОР ЭССР.
[46] Там же.
[47] Там же.

партии были готовы принять участие в Балтийском союзе, то правые круги были против. Поэтому в период подготовки Варшавской конференции министерство иностранных дел Эстонии получало разноречивые сведения об отношении польского правительства к заключению Балтийского союза.

Так, 7 февраля 1922 года А. Хеллат в докладе эстонскому министру иностранных дел указывал, что министр иностранных дел Польши Скирмунт не проявляет никакого интереса к политике Прибалтики. С ним будто можно говорить обо всем, но только не об отношениях Польши с прибалтийскими государствами.[48] Действительно, Скирмунт был одним из руководящих деятелей национал-демократической партии, а эта партия выступала против союза с прибалтийскими государствами. Один из заведующих отделом Министерства иностранных дел Польши писал: «Будущее прибалтийских государств предопределено преждевременно — об этом нужно договориться еще с Россией» [т. е., конечно, с «будущей», белогвардейской Россией. — *Х. А.*].[49]

Естественно, что холодность правых кругов Польши, проявляемая в отношении прибалтийских государств, вызвала в правящих кругах Эстонии большую тревогу. В печати приводились слова польских государственных деятелей о том, что Польша вообще не может спорить с «будущей» Россией относительно судьбы Риги и Таллина.[50]

Но так как сторонники Пилсудского стояли за создание Балтийского союза, то в правящих кругах Польши шла отчаянная борьба вокруг этого вопроса, которая и окончилась весной 1922 года победой «левых».[51]

На конференции обсуждались в основном три проблемы:

ИТОГИ ВАРШАВСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Конференция министров иностранных дел Финляндии, Эстонии, Латвии и Польши состоялась в Варшаве 13—17 марта 1922 года. 1) взаимоотношения представленных на конференции

[48] ЦГАОР ЭССР.
[49] Там же.
[50] «Vaba Maa», 2. III 1922.
[51] См. статью польского журналиста К. Эренбурга «Польша и политика Прибалтики»; «Päevaleht», 11. IV 1922.

государств, т. е. вопрос о создании Балтийского союза; 2) отношения прибалтийских государств с соседями, прежде всего с Советской Россией; 3) предстоящая Генуэзская конференция.

На работу Варшавской конференции оказали определяющее влияние надежды империалистов Запада на экономическое порабощение Советской России. Правящие круги Польши и Прибалтики были готовы оказать поддержку этой политике, чтобы самим получить часть ожидаемой добычи. Министр иностранных дел Польши К. Скирмунт в своем выступлении на открытии конференции подчеркивал, что, по мнению его правительства, представленные на конференции государства должны принять участие в экономическом восстановлении Восточной Европы[52] (т. е. в экономическом порабощении Советской страны. — *Х. А.*). На последующих заседаниях конференции в этих целях и составлялись различные планы.

Так как польское правительство надеялось играть на Генуэзской конференции известную роль, то основной задачей министра иностранных дел Скирмунта было обеспечить во время Варшавской конференции поддержку для Польши прибалтийских государств и стран Малой Антанты. Скирмунт даже признался министру иностранных дел Эстонии, что основным пунктом работы конференции является именно объединение Прибалтийских государств с Малой Антантой. А по отношению к главной цели эстонского правительства — заключению военного союзного договора — Скирмунт занял отрицательную позицию. Министр иностранных дел Польши так объяснил отказ от заключения военного договора: «...Вряд ли было бы желательно предлагать Европе новую военную конвенцию накануне Генуэзской конференции». Поэтому министр иностранных дел Эстонии А. Пийп в своем докладе от 14 марта 1922 года жаловался главе правительства: «О перспективах нужно сказать, что они не самые радужные. Сейчас еще не ясно, сможем ли мы подписать так называемый политический договор, предусматривающий заключение оборонительного договора. Если сможем — хорошо, если нет, то делать нечего».[53]

[52] ЦГАОР ЭССР.
[53] ЦГАОР ЭССР.

Политическое соглашение (accord politique), подписанное 19 марта, не предусматривало заключения специальной военной конвенции. Все же в статье 7 (редактором которой был начальник генерального штаба Польши генерал Сикорский) было сказано: «Представленные на Варшавской конференции государства заявляют, что в случае неспровоцированного нападения на любого из них со стороны другого государства они будут соблюдать благожелательную позицию по отношению к государству, подвергшемуся нападению, и договорятся немедленно о мерах, которые необходимо принять».[54] Формулировка временного соглашения была осторожной, но руководящий сотрудник министерства иностранных дел Латвии В. Шуман так оценивал его значение: «...Статья 7 политического соглашения интерпретируется среди участников конференции в гораздо более широком и глубоком смысле, чем это вытекает из буквального текста ее. Эту статью следует понимать в качестве первого шага к заключению военной конвенции».[55]

На Варшавской конференции четыре государства договорились проводить по отношению к Советскому государству единую политику в вопросах, касающихся выполнения договоров между Советской Россией и указанными государствами.[56] Дипломатические представители Финляндии, Эстонии, Латвии и Польши в Москве должны были получить для этого от своих правительств соответствующие инструкции и по важнейшим вопросам выступать коллективно. Политику четырех государств было решено согласовать и на Генуэзской конференции, причем Польша заявила, что она будет сотрудничать также с Румынией, Чехословакией и Югославией. В целях согласования внешней политики Финляндии, Эстонии, Латвии и Польши было решено созывать конференции министров иностранных дел через каждые шесть месяцев.

На Варшавской конференции обсуждался и вопрос об отношениях между Польшей и Литвой. Польский министр иностранных дел заявил, что Польша готова

---

[54] «Riigi Teataja», 1922, стр. 229.
[55] Документы внешней политики СССР, т. VIII. М., 1963 стр. 765.
[56] ЦГАОР ЭССР.

нормализовать отношения с Литвой и признать ее де-юре сразу же как только Литва установит с Польшей прямые отношения. Конечно, польское правительство поставило условие, чтобы аннексированные части литовской территории остались Польше. Министры иностранных дел Финляндии, Эстонии и Латвии указывали, что они вместе с Польшей постараются добиться участия Литвы в сотрудничестве с государствами, представленными на Варшавской конференции.

Эстонские буржуазные круги приветствовали результаты Варшавской конференции, в особенности заключение политического договора. Газета «Постимээс» от 25 марта 1922 г. указывала, что хотя в Варшаве и не заключили военный договор, но политическое соглашение по существу означает то же самое.

Своим участием в Варшавском договоре Эстония вступила на путь франко-польской политики, хотя сама в то же время не вполне одобряла политику Франции в Восточной Европе. Французское правительство не признавало «законным» документом мирный договор с Советской Россией, заключенный буржуазной Эстонией. А. Пийп указывал, что французское правительство не признает этот договор потому, что в России якобы нет правительства, а только «советская организация».[57] В связи с этим французское правительство хотело, чтобы часть долгов бывшей царской России взяли на себя Эстония и другие государства, входившие в прошлом в состав России. Французские государственные деятели заявили эстонскому посланнику в Париже, что все части прежней России должны отвечать за ее долги. Французское правительство даже направило ноту с соответствующими требованиями. Подобные ноты были направлены также правительствам Латвии и Литвы.[58] Премьер-министр Франции направил французскому посланнику в Таллине телеграмму, в которой требовал признания долгов со стороны Эстонии и подчеркивал, что Францию не интересует мирный договор, заключенный Эстонией с Советской Россией.[59] Но, как известно, в этом договоре было ясно сказано, что ни эстонский народ, ни эстонское

---

[57] ЦГАОР ЭССР.
[58] «Päevaleht», 3. II 1922.
[59] ЦГАОР ЭССР.

государство не будут иметь никаких обязательств, связанных с их вхождением в прошлом в состав России.

Признание империалистическими державами Советской России лишило бы всякой почвы лиц, стремящихся не признавать мирный договор между Эстонией и Советской Россией. Нельзя забывать, что в некоторых империалистических кругах при активной поддержке русских белогвардейцев все еще бытовала идея «единой» России, поэтому отделение прибалтийских государств от России считалось временным явлением. Признание Советского правительства явилось бы очередным ударом и по таким взглядам.

Все эти соображения способствовали тому, что перед Генуэзской конференцией Советскому правительству представилась возможность заключить соглашение с Эстонией, Латвией и Польшей о совместных действиях на Генуэзской конференции.

29 и 30 марта 1922 года в Риге по инициативе Советского правительства состоялась конференция с участием представителей Эстонии, Латвии, Польши и Советской России. Обсуждались вопросы экономического восстановления Восточной Европы, возобновления торговых отношений и укрепления мира. Заключительный протокол подписали 30 марта советский нарком иностранных дел Г. В. Чичерин, министр иностранных дел Эстонии А. Пийп, министр иностранных дел Латвии З. Мейеровиц и посланник Польши В. Йодко. В соответствии с достигнутой договоренностью было решено согласовать деятельность четырех государств на Генуэзской конференции по вышеуказанным вопросам. Представители Эстонии, Латвии и Польши считали, что необходимо официально признать советское правительство. Заключительный протокол Рижской конференции предусматривал также ряд мер по установлению экономических отношений между указанными государствами. И, наконец, в протоколе указывалось, что представленные на конференции страны поддерживают принцип ограничения вооружения во всех государствах и считают необходимым сократить контингент войск в пограничной зоне в соответствии со специальными соглашениями.[60]

---

[60] Документы внешней политики СССР, т. V. М., 1961, док. № 96.

Рижское соглашение явилось выдающейся победой советской дипломатии, поколебавшей единый антисоветский фронт, созданный империалистами накануне Генуэзской конференции. Поэтому особенно французские империалисты были крайне обеспокоены итогами Рижской конференции. Так, в английской печати отмечалось, что подпись именно польского представителя поразила своей неожиданностью Францию, Малую Антанту и даже польские круги.[61] И эстонский посланник в Риге И. Сельямаа сообщил на основании данных, полученных из местного польского посольства, о большом беспокойстве в дипломатических кругах Франции по поводу того, что польский представитель Йодко подписал в Риге упомянутое соглашение.[62]

Таким образом, противоречия между интересами французского правительства и малых государств притупляли антисоветское острие «Варшавского договора».[63] Какова же была судьба самого соглашения?

ФИНЛЯНДИЯ ОТКАЗЫВАЕТСЯ РАТИФИЦИРОВАТЬ ВАРШАВСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

В парламенте Латвии вопрос о ратификации Варшавского соглашения обсуждался 31 марта 1922 года. Левые социал-демократы возражали против ратификации соглашения, подчеркивая, что оно подчинит внешнюю политику Латвии влиянию Польши и Франции и предопределит надолго курс латвийской внешней политики. Но все же соглашение было одобрено 78 голосами, против голосовали 54 депутата.[64]

На заседании Государственного собрания Эстонии 6 апреля 1922 года докладчик комиссии по иностранным делам И. Лайдонер всячески превозносил указанное соглашение, называя его первым большим шагом в установлении связей между новыми государствами. Но в то же время член коммунистической фракции Государственного собрания И. Ваня сделал запрос, обратив внимание на антисоветскую сущность Варшавского дого-

[61] «Daily Telegraph», 5. IV 1922.
[62] ЦГАОР ЭССР.
[63] История международных отношений, т. I, стр. 228.
[64] «Rigasche Rundschau», 1. IV 1922.

вора. Последнее обстоятельство вынужден был признать даже независимый социалист Э. Йоонас, который предлагал не ратифицировать это соглашение. В конце концов за ратификацию было подано 40 голосов, против 10 при 5 воздержавшихся.[65] 8 апреля Варшавское соглашение было принято Государственным собранием и во втором, и в третьем чтении.

Что касается отношения политических кругов Финляндии к Варшавскому соглашению, то там оппозиция противников соглашения была наиболее сильной.

Как упоминалось выше, центристское правительство Финляндии еще до Варшавской конференции получило от правых одобрение на заключение антисоветского военного договора. Когда же в Финляндии стало известно содержание Варшавского соглашения, правые в известной мере разочаровались. Они надеялись, что в Варшаве будет заключен прямой союз против Советской России. Но, как известно, Варшавское соглашение было сформулировано довольно неясно и осторожно. В соглашении прямо не указывалось, что он направлен т о л ь к о против Советской России, и поэтому правые круги Финляндии на основании статьи 7 соглашения сделали заключение о его направленности и против Германии. Отношения между Польшей и Германией были далеко не лучшими, и за спиной Польши стояло враждебное Германии французское правительство, возглавляемое Пуанкаре. Всякий даже косвенно направленный против Германии договор был для правых элементов Финляндии совершенно неприемлем.

Поэтому правые круги Финляндии начали ожесточенную кампанию против Варшавского соглашения и его «духовного отца» — министра иностранных дел Хольсти. Они уже длительное время добивались отставки Хольсти и не признавали правильным его внешнеполитический курс.

Конечно, и широкие народные массы Финляндии были против Варшавского соглашения. Вооруженная авантюра в Карелии довольно ясно показала, куда ведет антисоветская политика правящих кругов. Да и лидеры социал-демократов должны были учитывать настроения народных масс, тем более, что летом 1922 года предсто-

---

[65] I Riigikogu protokollid. 5. istungjärk 1922. a., стр. 1228.

яли выборы в финский парламент. Даже эстонская буржуазная газета «Пяэвалехт» отмечала, что, хотя финские социал-демократы не одобряют политики большевиков, однако в связи с предстоящими выборами им было бы трудно поддерживать союз буржуазных правительств против правительства трудящихся. Для коммунистов это был бы сильный козырь в борьбе против социал-демократов.[66]

В финском парламенте с запросом о Варшавском соглашении к правительству обратились как социал-демократы, так и правые партии еще до того как правительство представило его на ратификацию парламенту. Однако правительство не спешило с ответом и пыталось путем различных маневров протащить Варшавское соглашение. Во время проведения конференции в Генуе представители Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии подписали 29 апреля 1922 г. секретную декларацию, в которой было сказано: «Представители государств, подписавших Варшавское соглашение, заявляют, что в приведенных в статье 7 словах о «неспровоцированном нападении» имелось в виду нападение со стороны России».[67]

Эстонское правительство было, конечно, крайне заинтересовано судьбой Варшавского соглашения в Финляндии и пыталось всячески содействовать претворению его в жизнь. Прежде всего оно старалось рассеять сомнения правых партий в Финляндии относительно того, что это соглашение заключено и против Германии.

Эстонское правительство, стремясь повлиять на финские политические круги в отношении ратификации Варшавского соглашения, запланировало ряд ответственных визитов в Финляндию. Так, в конце апреля 1922 года в Хельсинки в связи с Варшавским соглашением побывал министр иностранных дел А. Пийп. Кроме того, в середине мая был предусмотрен и визит главы государства в Финляндию. К. Пятс в сопровождении министров и высших военных чинов прибыл в Финляндию 15 мая, но как раз за два дня до этого Варшавское соглашение было провалено в парламенте.

9 мая премьер-министр Веннола ответил на запросы по Варшавскому соглашению. Он просил ратифицировать

---

[66] «Päevaleht», 15. IV 1922.
[67] Документы внешней политики СССР, т. VIII, стр. 765.

соглашение, но без статьи 7, вопрос о которой должен был остаться пока открытым. За ратификацию выступили представители аграрного союза, Национальной прогрессивной партии, против — шведская народная, национальная коалиционная и социал-демократическая партии. В итоге вопрос был направлен на рассмотрение комиссии по иностранным делам.

На следующий день посланник Эстонии Ф. Акель посетил премьер-министра Веннола. Тот еще надеялся, что соглашение без статьи седьмой в комиссии по иностранным делам возможно пройдет.[68] Но в тот же вечер комиссия 11 голосами против четырех решила предложить парламенту выразить недоверие министру иностранных дел Р. Хольсти.

А 11 мая парламент решил снять с повестки дня данной сессии вопрос о ратификации Варшавского соглашения. Это решение означало выражение недоверия всему правительству. На следующий день премьер-министр Веннола подал в отставку. 13 мая парламент принял решение о том, что правительство останется у власти, за исключением министра иностранных дел Хольсти.

Временно (пока эту должность не занял бывший посланник Финляндии в Париже Энкель) обязанности министра иностранных дел стал исполнять премьер-министр.

Решение парламента Финляндии о снятии с повестки дня данной сессии вопроса о ратификации Варшавского соглашения означало, по существу, отказ от его ратификации. В ноте финского правительства от 8 августа 1922 года отмечалось, что Финляндия сейчас не может ратифицировать это соглашение, но правительство Финляндии выражает твердое убеждение, что, исходя из таких факторов, как географическое расположение государств Прибалтики, их политические, экономические и военные интересы, Финляндия и впредь будет сотрудничать с указанными государствами.[69] Лидеры внешней политики Эстонии, да и Польши, полагали, что поскольку финский парламент окончательно не отклонил Варшавское соглашение, ратификация его в будущем все же возможна.[70]

[68] ЦГАОР ЭССР.
[69] Там же.
[70] Там же.

Несмотря на все неудачи, эстонская дипломатия ни на миг не отказывалась от мысли укрепить союз прибалтийских стран.

После провала Варшавского соглашения было совершенно ясно, что Финляндия наряду с Литвой являлась вторым слабым звеном в подготовке «большого» Балтийского союза. В последующий период было затрачено много усилий, чтобы привлечь Финляндию к сотрудничеству с прибалтийскими государствами.

Летом 1922 года состоялись выборы в финский парламент. Эстонские правящие круги надеялись, что центристские партии, поддерживающие идею создания Балтийского союза, получат больше мест в парламенте, чем раньше. Эти надежды не оправдались. Прогрессивная партия получила даже меньше мест, в то время как правая, коалиционная — намного больше. Влияние коммунистов возросло за счет социал-демократов. Все это огорчало эстонские буржуазные круги. Газета «Постимээс» жаловалась, что выборы не дали ничего утешительного для будущего Балтийского союза.[71] «Ваба Маа» подсчитала, что противникам Балтийского союза — правому и левому крылу — принадлежало в парламенте примерно 140 мест, а сторонникам союза — около 60 мест.[72] Хотя Финляндия и отказалась от участия в Варшавском договоре, газета «Ваба Маа» все же находила, что идея Балтийского союза не похоронена окончательно, отодвинута лишь ее реализация. Эстонская буржуазная печать в едином хоре стремилась поучать финские правящие круги, утверждая, что Финляндия одна слишком слаба против «угрозы» с Востока, и поэтому должна непременно объединиться с прибалтийскими государствами.

Эстонский посланник в Хельсинки Ф. Акель 17 мая, вскоре после решения финского парламента об отклонении Варшавского соглашения, предложил финским властям созвать новую конференцию для обсуждения «русского вопроса».

26 мая Ф. Акель посетил министра иностранных дел Энкеля, чтобы ознакомиться с позицией Финляндии. Энкель заявил, что он против подобного совещания, и посоветовал обсудить эти вопросы обычным диплома-

---

[71] «Postimees», 13. VII 1922.
[72] «Vaba Maa», 21. VII 1922.

тическим путем.[73] Окончательный же ответ он обещал дать через несколько дней.

29 мая Ф. Акель вместе с польским посланником снова был у Энкеля, чтобы узнать ответ Финляндии на предложение Эстонии о созыве новой конференции. Польский посланник также поддержал идею созыва новой конференции, а латышский сделал это раньше. Энкель, наконец, ответил, что какое-нибудь совещание возможно, но лично он для этого в Таллин не поедет. По мнению Акеля, Энкель опасался остаться совершенно изолированным от Польши и прибалтийских государств.[74]

В начале июня 1922 года в Финляндии было сформировано новое правительство во главе с премьер-министром Каяндером. Некоторые министры бывшего правительства, в том числе и министр иностранных дел Энкель, были включены в состав нового правительства. 7 июня Акель прямо спросил премьер-министра Каяндера, считает ли новое правительство Финляндии вообще возможным сотрудничество с прибалтийскими государствами? Каяндер нерешительно ответил, что лично он стоит за сотрудничество, но нужно по этому вопросу посоветоваться с другими.[75]

16 июня Акель снова предложил Энкелю созвать конференцию представителей прибалтийских государств для обсуждения экономических вопросов. Ответ Энкеля был типичным: если будет время, то этот вопрос будет обсуждаться. Энкель, видимо, побаивался, что за открытое сотрудничество с прибалтийскими государствами его постигнет судьба Хольсти.

ЭСТОНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И МОСКОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ

Однако очень скоро финскому правительству пришлось в какой-то мере отказаться от этой нерешительной позиции в вопросе сотрудничества с прибалтийскими государствами и Польшей. 12 июня 1922 года Советское правительство направило Финляндии, Эстонии, Латвии и Польше приглашение на совместную конференцию по разоружению. Эстонское правительство ши-

[73] ЦГАОР ЭССР.
[74] Там же.
[75] Там же.

роко использовало это обстоятельство для укрепления единого антисоветского фронта Финляндии, прибалтийских государств и Польши.

Как известно, Советское правительство, исходя из принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем, все время активно боролось за мир и уделяло большое внимание разоружению, как важнейшей предпосылке сохранения мира.

Поскольку на Генуэзской конференции договориться с империалистическими державами о разоружении не удалось, Советское правительство решило начать соответствующие переговоры со своими западными соседями.

Но буржуазные государства стремились оттянуть созыв конференции по разоружению. Пойти на открытый отказ было нельзя, так как широкие народные массы стремились к укреплению мира и добрососедских отношений с Советским государством и требовали сокращения военных расходов в государственном бюджете. Советскому правительству пришлось вести долгую и упорную борьбу, пока, наконец, окончательно не было определено место проведения конференции — Москва и время открытия — 2 декабря 1922 г.[76]

Эстонская буржуазная печать даже из предложений Советского правительства по разоружению сумела сделать объект антисоветской клеветнической кампании. Так, газета «Кая» снова повторила избитый тезис о «красном империализме», пытаясь изобразить советское предложение как пропагандистский трюк, болтала о каких-то попытках раскола солидарности прибалтийских государств и т. д.[77] «Кая» откровенно выражала отношение буржуазных кругов к советским предложениям: «Первое, что каждый из нас при этом чувствует, — это недоверие».[78]

Близко стоящая к министерству иностранных дел газета «Ваба Маа» более «дипломатично» утверждала, что советское предложение содержит «правильные и симпатичные» мысли. Но тут же выражала сомнение в серьезности этих предложений и ссылалась на то, что в них,

[76] В. М. Хайцман. Из истории подготовки Московской конференции по разоружению 1922 г. В сб.: Международные отношения. Политика. Дипломатия XVI—XX веков. Сборник статей к 80-летию академика И. М. Майского. М., 1959, стр. 297—321.

[77] «Kaja», 22. VI 1922.

[78] Там же, 15. VII 1922.

возможно, заключается «лицемерие», скрывающее подлинные мысли и намерения.[79]

Социал-демократы, напротив, не осмеливались открыто выступать против советских предложений, и газета «Тулевик» считала, что предложения Советского правительства о разоружении задуманы серьезно.[80] Вынужденная считаться с мнением масс, газета «Тулевик» находила, что уменьшение военных расходов в государственном бюджете вполне реально, так как советские предложения создавали для этого необходимые предпосылки.

В то время как буржуазная печать подняла вокруг советских предложений о разоружении демагогическую шумиху, министерство иностранных дел и генеральный штаб активно содействовали провалу конференции в Москве. Эстонские представители в Хельсинки, Риге и Варшаве вели с местными правительственными учреждениями интенсивные переговоры, чтобы обеспечить единый фронт буржуазных государств на предстоящей конференции. Именно правительство Эстонии предлагало Финляндии, Латвии и Польше участвовать в конференции военных экспертов в Таллине, чтобы согласовать позиции своих правительств в отношении предложений Советского государства о разоружении.

11 июля Ф. Акель передал министерству иностранных дел Финляндии официальное предложение эстонского министра иностранных дел принять участие в совещании военных экспертов, которое по желанию польского правительства намечалось провести в Варшаве. Энкель не дал сразу ответа, сославшись на необходимость переговорить прежде с начальником генерального штаба. Между прочим, начальником генерального штаба Финляндии был в то время его брат. Акель 22 июля 1922 года записал в своем дневнике, что финны предполагают, будто приглашение на конференцию — ловушка,[81] т. е. что Финляндию хотят привлечь к участию в Варшавском соглашении.

Учитывая колебания финского правительства, министерство иностранных дел Эстонии делало попытки оказать на него давление через империалистические стра-

[79] «Vaba Maa», 21. VI 1922.
[80] «Tulevik», 22. VII 1922.
[81] ЦГАОР ЭССР.

ны. 18 июля финский министр иностранных дел Энкель с возмущением сказал Акелю, что к нему приходил посол Франции Рибо, который показал телеграмму от французского премьер-министра Пуанкаре. В телеграмме Рибо получил задание повлиять на правительство Финляндии с тем, чтобы оно все же приняло участие в предложенной Эстонией конференции, где после рассмотрения предложений Советского правительства о разоружении будут продолжены переговоры, начатые на Варшавской конференции. Так как телеграмма такого же содержания была отправлена и в Варшаву, то из этого Энкель сразу же заключил, что инициатором ее могло быть только эстонское правительство. Министр иностранных дел Финляндии заметил, что подобными методами нажима эстонское правительство ничего не добьется.[82]

И действительно, эта попытка оказать давление на правительство Финляндии исходила от министерства иностранных дел Эстонии. В своей записке премьер-министру по поводу этих событий министр иностранных дел А. Пийп сообщал, что он знал о действиях французского правительства, но надеялся, что они будут иметь «вежливую и разумную форму», которая даст хороший результат.[83]

С 1 по 3 августа 1922 года в Таллине по инициативе эстонского правительства состоялось совещание военных представителей Финляндии, Эстонии, Латвии и Польши. В конференции участвовали начальники генеральных штабов Финляндии, Латвии и Эстонии — Энкель, Пеникис и Тырванд, а также польский военный представитель Пискор. В принятом на совещании решении[84] был сформулирован твердый отрицательный ответ на советские предложения о пропорциональном разоружении. Военные представители придерживались мнения, что Советское правительство вынуждено уменьшать армию по соображениям экономического характера и поэтому выступило с предложениями о разоружении, с одной стороны, с целью агитации, с другой — для сохранения прежнего пропорционального соотношения между Красной армией и армиями пограничных государств. Клевеща

[82] ЦГАОР ЭССР.
[83] Там же.
[84] Там же.

таким образом на Советское правительство, представители генеральных штабов четырех государств решили, что всякие предложения Советской страны, ведущие к заметному уменьшению военных сил Эстонии, Латвии, Финляндии и Польши, заведомо «признаются неприемлемыми». Они подчеркивали также, что переговоры с Советской Россией военно-технического характера, т. е. переговоры о действительных возможностях и путях разоружения, наталкиваются якобы на «непреодолимые препятствия» и не позволяют принять «приемлемое» решение по этому вопросу. Действительное разоружение возможно только в общеевропейском масштабе, при наличии гарантии коллективной безопасности.

Популярность советских предложений среди народных масс очень беспокоила буржуазных военных деятелей. Поэтому и было решено выступить на конференции по разоружению с такими требованиями, которые не приведут к действительному разоружению, но дадут возможность провалить конференцию, свалив вину на советскую сторону. Предполагалось выдвинуть следующие требования: 1) дать двустороннюю декларацию о ненападении; 2) гарантировать рассмотрение вопроса о разоружении на основе принятых Лигой наций принципов; 3) взаимно уменьшить в пограничной зоне численность войск, но только не в Польше; 4) сократить военно-морские силы Советской России на Балтийском море до количества, необходимого для обороны ее морских границ.

Таким образом, на конференции расчитывали вообще не затрагивать вопроса о действительном сокращении вооружения, а только разглагольствовать о разоружении в духе Лиги наций. В то же время стремились добиться от Советской России односторонних уступок под видом демилитаризации пограничной зоны, причем Польша, основная антисоветская сила в Восточной Европе, добивалась еще и ослабления Советского флота на Балтийском море. Конечно, подобная позиция была совершенно неприемлема для Советского правительства.

26 и 27 августа в Таллине снова состоялось совещание военных представителей Финляндии, Эстонии и Польши. Один из эстонских представителей — И. Лайдонер обратил внимание на деятельность Лиги наций в области разоружения и утверждал, что она в этом вопросе играет

бо́льшую роль, чем намеченная в Москве конференция. На совещании и было решено дождаться результатов работы сессии пленума Лиги наций по разоружению и отложить на этот срок конференцию в Москве.

Во второй половине сентября в Варшаве состоялось очередное совещание начальников генеральных штабов прибалтийских стран, в котором принял участие также и представитель Румынии. 23 сентября было подписано заключительное решение всех участников по вопросу о предложениях Советского правительства по разоружению. Названный документ повторяет положения, зафиксированные на Таллинском совещании в начале августа 1922 года. Снова подчеркивалось, что действительное разоружение невозможно, и было решено выступить на конференции с неприемлемыми для Советского правительства предложениями.

Окончательно тактика буржуазных государств с целью провала предстоящей конференции была определена на конференции министров иностранных дел Финляндии, Эстонии, Латвии и Польши в Таллине 8—9 октября 1922 года. На этой конференции были одобрены предложения военных экспертов. В ответ на советские предложения был выработан проект договора о ненападении, принятие которого Советским правительством должно было явиться предварительным условием для всяких переговоров о действительном разоружении. Сам вопрос о разоружении должен был, по мнению министров иностранных дел, решаться позже на основе принципов Лиги наций. Таким образом, в результате действий капиталистических стран Московская конференция по разоружению была заранее обречена на провал. Чтобы замаскировать свой отказ от действительного разоружения, капиталистические страны решили выдвинуть на первый план Московской конференции бесплодные споры о «безопасности» пограничных государств.

Интересно, что даже в буржуазной печати некоторых государств появлялись довольно достоверные сообщения о Таллинской конференции. В немецкой печати отмечалось, что Польша и прибалтийские государства ничего не хотят знать о разоружении.[85] В печати распространялись также и слухи о тактике, которой буржуазные

[85] «Berliner Tageblatt», 14. X 1922.

государства предполагают придерживаться на Московской конференции.[86]

То обстоятельство, что Московская конференция по разоружению была с самого начала обречена на провал, отразилось и на работе совещания представителей эстонского правительства и военного руководства в министерстве иностранных дел 24 октября 1922 года. На этом совещании было решено, что в Москву надо направить «техническую комиссию», чтобы ознакомиться там с положением дел и держать контакт с соседями в целях информации, а в остальном действовать согласно прежней договоренности.[87] Примечателен и тот факт, что первоначально эстонское правительство намеревалось послать в Москву делегацию во главе с министром иностранных дел и председателем комиссии по иностранным делам Государственного собрания, но теперь было решено послать делегацию меньшего значения.

Позиция буржуазной печати накануне открытия конференции ясно показывает, что эстонское правительство ни в какой мере не было заинтересовано в успехе Московской конференции по разоружению. Газета «Ваба Маа» обвиняла Советскую Россию в стремлении «установить» в прибалтийских государствах советский строй, в связи с чем будто бы и нельзя конкретно обсуждать вопрос о разоружении.[88] Газета «Пяэвалехт» была столь же откровенна: «Сейчас везде господствует мнение, что это только пустое времяпровождение и что как проекты о ненападении, так и мысли о материальном и моральном разоружении не найдут в Москве никакой поддержки».[89] Подобными антисоветскими выпадами стремились подготовить почву для провала конференции. Особенно была заинтересована в срыве работы Московской конференции по разоружению Франция. Французская печать старалась запугать прибалтийские государства «угрозой» с Востока, рассказывая еще до начала конференции о модернизации советского военного флота[90] и т. п.

Московская конференция по разоружению приступила к работе 2 декабря 1922 года. На первом заседании с

---

[86] «Сегодня», 17. X 1922.
[87] ЦГАОР ЭССР.
[88] «Vaba Maa», 25. X 1922.
[89] «Päevaleht», 25. XI 1922.
[90] «Matin», 19. XI 1922.

программной речью выступил глава советской делегации М. М. Литвинов.[91] Он напомнил, что на Генуэзской конференции советское предложение о сокращении вооружения было отклонено представителями именно тех государств, население которых сильнее всего страдает от чрезмерной гонки вооружений. Затем он предложил уменьшить в течение ближайших 1,5—2 лет численность армий стран — участниц конференции на 75%. Все детали (например, соответствующие количества, сроки и т. д.) следовало определить после всестороннего обсуждения вопроса, исходя из принципа полной взаимности.

Но поскольку одно лишь уменьшение численности войск еще не разрешало проблемы вооружения в целом, то М. М. Литвинов огласил предложение Советского правительства о сокращении государственного бюджета стран — участниц конференции в части военных расходов. Это дало бы возможность избежать чрезмерного технического вооружения войск и гарантировало бы уменьшение соответствующих непроизводительных затрат.

Кроме того, программа Советского правительства по сокращению вооружения предусматривала еще ликвидацию войсковых соединений нерегулярного характера, а также программу взаимной нейтрализации пограничной зоны, так как во многих местах (например, на советско-финляндской и советско-польской границах) происходили пограничные конфликты. После заключения соответствующего советско-финляндского договора подобных инцидентов не наблюдалось.

В заключение М. М. Литвинов указал, что советские предложения имеют конкретный характер и их не смогут заменить никакие разговоры о «моральном разоружении», которые приходится часто слышать на международных конференциях, когда хотят отказаться от действительного разоружения.

Именно теперь представители буржуазных государств и ухватились за лозунг «морального разоружения». Так, руководитель эстонской делегации И. Сельямаа указывал, что, по убеждению многих «умных голов», материальному разоружению должно предшествовать и сопутствовать политическое разоружение.

---

[91] «Правда», 3. XII 1922.

Представители буржуазных государств выдвинули на первый план требование «морального» и «политического» разоружения для того, чтобы провалить действительное разоружение. Как известно, подобный же прием применяли противники Советского государства, например, правящие круги Франции, в течение ряда лет и в Лиге наций.

Защитники этих позиций пытались утверждать, что до действительного сокращения вооружения нужно добиться безопасности заинтересованных государств путем предпосылок политического характера, договоров о гарантии и ненападении и т. п. Только тогда, когда безопасность данного государства тем или иным путем будет обеспечена, когда не будет существовать недоверия между соседями и т. д., возможно якобы действительное разоружение. Однако всем ясно, что уменьшение вооружения является как раз тем фактором, который помог бы создать атмосферу взаимного доверия между государствами и этим содействовал бы «моральному разоружению».

В ходе Московской конференции по разоружению (4 декабря) представители буржуазных государств подчеркивали, что для обеспечения безопасности пограничных с Советской Россией стран нужно заключить договоры о ненападении и о третейском суде. Затем руководитель польской делегации князь Радзивилл представил проект соответствующего договора,[92] который был предварительно разработан на конференции министров иностранных дел четырех государств в Таллине.

Советские представители снова и снова подчеркивали, что главным условием морального разоружения является фактическое уменьшение вооружения, но в интересах дальнейшей работы конференции согласились обсуждать указанный проект при условии, что не будет упущена главная цель конференции — обсуждение проблем действительного разоружения.

Заседания конференции стали прежде всего ареной схватки между делегациями Советской России и Польши, причем представители Финляндии, Эстонии и Латвии всячески поддерживали Польшу. Литовская делегация

---

[92] См. В. И. Хайцман. СССР и проблема разоружения. М., 1959, стр. 66 и др.

из-за конфликта с Польшей занимала половинчатую позицию.

Несмотря на то, что роль эстонской делегации на конференции была скромной, за кулисами она достаточно активно добивалась укрепления совместных усилий Финляндии, Эстонии, Латвии и Польши. Так, эстонский военный эксперт генерал Лилль созвал 3 декабря совещание военных представителей четырех государств. На совещании другой эстонский военный эксперт полковник Рээк подчеркивал, что при осуществлении советского проекта сокращения вооружения военные кадры малых государств стали бы слишком малочисленными.

5 декабря в эстонской миссии в Москве состоялось совместное совещание делегаций Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии. Представители буржуазных государств были в затруднении, так как не могли противопоставить советским предложениям никакой положительной порграммы. Поэтому слышались даже голоса, что было вообще большой ошибкой принимать приглашение на конференцию, зная, что не может быть и речи о действительном разоружении. Руководитель эстонской делегации Сельямаа указывал также, что он не видит выхода из положения, если советская делегация пойдет навстречу предложению буржуазных государств и согласится с обсуждением договора о ненападении перед обсуждением вопроса о сокращении вооружения.[93]

Так как советская делегация ждала от конференции положительных результатов и согласилась с этим предложением, то буржуазным политикам ничего больше не оставалось, как еще некоторое время тянуть переговоры, чтобы не оставить слишком плохого впечатления у народных масс из-за преждевременного окончания конференции.

9 декабря в эстонской миссии на очередном собрании делегаций четырех государств Сельямаа прямо поставил вопрос: «Не закончить ли сразу переговоры?»[94] Но по некоторым соображениям это не сочли удобным. По вине буржуазных государств работа конференции закончилась уже 12 декабря 1922 года.

Материалы Московской конференции с предельной яс-

---

[93] ЦГАОР ЭССР.

[94] Там же.

ностью доказывают, что правящие круги Эстонии совместно с соседними буржуазными государствами ни в какой мере не хотели содействовать созданию добрососедских отношений с Советской страной.

Непроизводительные военные расходы в бюджетах государств, граничащих с Советским Союзом, оставались по-прежнему высокими и ложились тяжелым бременем на плечи налогоплательщиков. Так, военные расходы Польши в 1923 году составляли 42 процента от расходов всего бюджета.[95]

Чтобы скрыть от народа действительного виновника провала конференции по разоружению, буржуазная пропаганда сразу же после окончания Московской конференции по разоружению подняла очередную антисоветскую шумиху. Буржуазная печать делала прямо-таки «ошеломляющие открытия». Газета «Постимеэс», например, трубила: «Нынешняя Россия опять показала свое подлинное лицо и вынуждает думать о самозащите посредством создания Балтийского союза».[96] Газета «Кая» также стояла за создание Балтийского союза и советовала правительству не тратить зря деньги на всякие конференции, а принимать участие только в тех конференциях, которые принесут пользу народу. О «цели» конференции «Кая» писала так: «Выяснилось, что план большевиков был очень прост: вся организация конференции была задумана для того, чтобы скомпрометировать правительства соседних западных государств в глазах их народов» (!).[97]

Буржуазная печать западных государств также пыталась создать вокруг Московской конференции по разоружению демагогическую шумиху. «Нью-Йорк таймс» лицемерно жаловалась, что Советское правительство не желает морального разоружения.[98] «Таймс» открыто фальсифицировала ход конференции.[99] В немецкой печати, правда, разоблачалась подоплека польско-французского сотрудничества,[100] направленного против Гер-

---

[95] Советская Россия и капиталистический мир в 1917—1923 гг. М., 1957, стр. 263—264.
[96] «Postimees», 15. XII 1922.
[97] «Kaja», 20. XII 1922.
[98] «New York Times», 15. XII 1922.
[99] «Times», 14. XII 1922.
[100] «Berliner Tageblatt», 14. XII 1922.

мании, и даже подчеркивалось, что именно Польша и прибалтийские государства выступали против разоружения.[101]

В то время как буржуазные газеты пытались перещеголять друг друга в смехотворных обвинениях в адрес Советского Союза, как в Эстонии, так и за границей обратила на себя внимание статья бывшего министра иностранных дел А. Пийпа «Провалившаяся конференция».[102] Он назвал позицию Советского правительства на конференции естественной и осуществимой. Причиной неудачи Пийп считал то обстоятельство, что инициатива в балтийско-русской политике, которая раньше принадлежала Эстонии, теперь перешла к другим государствам (т. е. к Польше). Всей статьей Пийп указывал на то, что, мол, все было бы иначе, если б он по-прежнему был министром иностранных дел... Фактически же провал конференции был предуготован еще тогда, когда А. Пийп находился на посту министра.

Даже эстонский военный эксперт на Московской конференции генерал П. Лилль вынужден был косвенно признать, что Советское правительство было заинтересовано в разоружении.[103] Как известно, Советский Союз уменьшил численность своей армии с 800 тыс. до 600 тыс. человек.[104]

Эстонская рабочая печать — последовательная защитница интересов масс не могла оставаться равнодушной к антинародной политике, приведшей к срыву конференции по разоружению. Уже во время конференции газета «Тёэлине» разоблачала махинации буржуазных делегаций, направленные на срыв работы конференции.[105] После окончания конференции та же газета указывала, что судьба конференции была предрешена еще заранее и что генералы и дипломаты пограничных государств поехали в Москву лишь для того, чтобы при первом удобном случае вернуться обратно.[106] Конечно, рабочая печать обратила внимание на зависимое положение

---

[101] «Hannoverscher Kurier», 15. XII 1922.
[102] «Vaba Maa», 15. XII 1922.
[103] «Kaja», 23. XII 1922.
[104] И. Б. Берхин. Военная реформа в СССР (1924—1925 гг.). М., 1958, стр. 40.
[105] «Tööline», 7. XII 1922.
[106] Там же, 15. XII 1922.

Эстонии на Московской конференции: «Весь этот бумажный балтийский союз танцевал в Москве польку, музыку к которой, как известно, сочиняют в Париже».[102] Также газета эстонских рабочих в Америке «Уус Ильм» обвиняла эстонские правящие круги в провале конференции по разоружению.[108]

По достоинству оценила значение Московской конференции выходившая в Ленинграде газета «Эдази»: «Но дипломаты пограничных государств никак не смогут скрыть правду от рабочих всего мира. Все видят теперь, с какими милитаристами мы имели дело. И это прямой результат Московской конференции по сокращению вооружения».[109]

---

[107] «Tööline», 5. I 1923.
[108] «Uus Ilm», 19. I 1923.
[109] «Edasi», 14. XII 1922.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭСТОНСКО-ЛАТВИЙСКОГО ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЮЗА В 1923 ГОДУ

ПЛАНЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СОЮЗА МЕЖДУ ЭСТОНИЕЙ, ЛАТВИЕЙ И ЛИТВОЙ

В ноябре 1922 года в Эстонии сформировалось новое правительство во главе с премьер-министром Ю. Кукком. Пост министра иностранных дел 28 ноября 1922 г. занял бывший посланник в Варшаве А. Хеллат. В январе 1923 года на одном из заседаний Государственного собрания депутат коммунист И. Рээзен обратил внимание на изменение в составе министерства иностранных дел в связи с уходом министра А. Пийпа. Он отметил, что Хеллат пришел на этот пост из Польши и что он всегда добивался целей, близких Польше.[1]

Новый министр иностранных дел вначале действительно придерживался ранее установившейся позиции — стремления заключить Балтийский союз непременно с участием Польши. Так, в феврале 1923 года Хеллат в письме к эстонскому посланнику в Хельсинки Ф. Акелю указывал, что правящие круги Эстонии, учитывая существование Советского Союза, считают необходимым заключить военный союз с Польшей. «Так думают наше правительство, военные (т. е. военное командование. — *Х. А.*), комиссия по иностранным делам».[2] Только некоторые социал-демократы, отмечал Хеллат, придерживаются иного мнения.

В ответе на указанное письмо Ф. Акель подчеркивал, что он с самого начала считал своей важнейшей задачей привлечение Финляндии к участию в Балтийском союзе, хотя и столкнулся с большими трудностями.[3] Что касается Польши, то она проявляет известную активность в налаживании контакта с Эстонией и Латвией, однако

[1] I Riigikogu protokollid. 9. istungjärk 1923. a., стр. 291.
[2] ЦГАОР ЭССР.
[3] Там же.

финский министр иностранных дел дал ясно понять польскому посланнику Филиповичу, что тот должен оставить всякие попытки сблизить Польшу с Финляндией. Акель считал, что Польшу все же нельзя отталкивать, хотя и не совсем ясно, как далеко можно идти с ней вместе. В сложившейся обстановке Эстония должна прежде всего решить вопрос — союз с Финляндией без Польши или с Польшей без Финляндии, так как нельзя заключить союз сразу с обоими государствами.

Именно последнее обстоятельство, ставшее непреодолимым препятствием при заключении «большого» Балтийского союза между пятью или четырьмя государствами (Финляндия, Эстония, Латвия, Польша), заставило эстонское правительство искать новые пути сколачивания Балтийского союза. В этих поисках правящие круги Эстонии должны были серьезно учитывать и противоречивую политику империалистических держав в Прибалтике. Так, в конце 1922 года и в начале следующего в связи с германской проблемой резко обострились англо-французские отношения. Как известно, одним из существенных лейтмотивов французской внешней политики того времени было стремление ослабить Германию путем окружения ее кольцом враждебных государств и выжимания репараций. Когда же правительство Германии не выплатило очередных сумм репараций в январе 1923 года, французские и бельгийские войска захватили Рур. Этот односторонний шаг был сделан без согласия правительства Англии и явился причиной конфликта между Англией и Францией.

Англо-французский конфликт отразился, конечно, и на внешней политике Эстонии. Как английское, так и французское правительства более ревностно следили теперь за замыслами конкурирующей стороны в Прибалтике. Это обстоятельство заставляло эстонское правительство проявлять временами большую сдержанность в отношении Польши, чтобы не слишком рассердить английское правительство.

Руководящие деятели эстонского рабочего движения в 1923 году обращали внимание на эти колебания эстонского правительства в вопросе внешнеполитической ориентации. Так, депутат коммунист Х. Аллик говорил 20 ноября 1923 года в Государственном собрании: «... Находясь под влиянием империалистических держав, она

(Эстония. — *Х. А.*) неизбежно будет втянута в общую империалистическую политику. Это признает и буржуазия, которая обсуждает, какой империалистической группировки придерживаться — английской или французской».[4]

В декабре 1923 года Х. Аллик снова указывал в Государственном собрании, что международное положение эстонской буржуазии стало еще более сложным. Если раньше у нее был один хозяин — государства Антанты, то в 1923 году последние поссорились между собой, и эстонская буржуазия не знает, какую ориентацию выбрать — идти вместе с Лондоном или с Парижем.[5]

Эстонское правительство, лавируя в своей внешней политике между Лондоном и Парижем, стремилось при создании Балтийского союза учитывать интересы и английских, и французских империалистов. Так, в первой половине 1923 года возникла идея заключения тайного тройственного союза Эстонии, Латвии и Литвы. Но этот союз хотели реализовать так, чтобы он не только не был в противоречии с интересами Польши, а, напротив, помог бы улучшить литовско-польские отношения и этим ускорил создание «большого» Балтийского союза. Даже эстонский дипломат К. Р. Пуста, который последовательно боролся за сближение Эстонии с Польшей, поставил в докладе министру иностранных дел в мае 1923 года следующий вопрос: «Нужно, наверное, все же выбрать: или сразу договор между Польшей, Эстонией и Латвией, к которому под влиянием обстоятельств Литва и даже Финляндия могут присоединиться, или же опять политический, экономический и оборонительный союз между Эстонией, Латвией и Литвой, который мы осуществили бы с ведома Польши и, если возможно, с ее благословения?».[6] Здесь же Пуста жаловался, что польская дипломатия воздерживалась в Западной Европе от каждого шага там, где следовало бы пропагандировать идею Балтийского союза.

В 1922 году в отношениях между Эстонией и Литвой наметилось некоторое охлаждение в связи с дружественной по отношению к Польше внешней политикой эстонского правительства. Особенно после заключения

[4] II Riigikogu protokollid. 2. istungjärk 1923, стр. 1329.
[5] Там же, стр. 1860.
[6] ЦГАОР ЭССР.

Варшавского соглашения литовские государственные деятели сделали много упреков в адрес эстонского правительства. Литовский премьер-министр назвал Варшавское соглашение недружественным по отношению к Литве актом.[7] Дипломатический представитель Литвы в Лондоне заявил эстонскому посланнику, что решения в Варшаве плохо повлияли на Литву.[8] Литовский министр иностранных дел профессор Юргутис в беседе с эстонским дипломатическим представителем в Каунасе А. Шмидтом отмечал, что на Варшавской конференции Эстония предоставила Польше свободу действий в отношении Литвы и признала status quo Вильнюса.[9]

Однако, учитывая свое трудное внешнеполитическое положение, литовское правительство стремилось по возможности сохранить хорошие отношения с Эстонией. Характерен такой факт. Эстонский дипломатический представитель в Каунасе А. Шмидт порой пытался командовать официальными лицами Литвы. Так, он пригласил к себе заведующего отделом разведки генерального штаба Литвы Липсиуса и выразил недовольство тем, что сотрудничество литовского генерального штаба с эстонским оставляет желать лучшего. Этим, мол, недоволен эстонский генеральный штаб и он, Шмидт.[10] Липсиус, извиняясь, ответил, что, хотя Варшавский договор и создал своеобразную атмосферу, но он совершенно не намерен отказываться от сотрудничества и обещает предоставить Шмидту интересующие его сведения.

Для улучшения отношений с Литвой Эстония стремилась заполучить согласие Польши. 9 мая 1923 года эстонский посланник в Риге Ю. Сельямаа вел об этом переговоры с польским посланником В. Йодко. Сельямаа спросил, как польское правительство отнесется к тому, если Эстония и Латвия попытаются сблизить Литву с Польшей и проявят свою инициативу? Необходимость сближения с Литвой Сельямаа обосновывал тем, что Литву нужно вырвать из-под влияния Советской России и Германии. А это прежде всего должны сделать Эстония и Латвия.[11]

---

[7] «Postimees», 3. IV 1922.
[8] ЦГАОР ЭССР.
[9] Там же.
[10] Там же.
[11] Там же.

В. Йодко ответил на это, что правые политические деятели Польши обратили в последнее время свои взоры на Чехословакию и Югославию, которые в военном отношении сильнее Эстонии и Латвии. И если Эстония и Латвия станут вести по отношению к Литве более дружественную политику, то это будет расценено как охлаждение к Польше. Сельямаа пытался доказать Йодко, что Польша должна все-таки проявить интерес к Эстонии и Латвии. Он очень желал бы союза с Польшей, но ведь нельзя же игнорировать также Литву и Финляндию. Йодко на это ответил, что заигрывание с Литвой не спасет положения, так как с Финляндией все равно делать нечего. Йодко жаловался и на внешнюю политику Литвы, которая никогда не была прямолинейной. Дружественной к Польше политикой Эстонии он был очень доволен и хвалил «политическую зрелость» эстонской буржуазии. Йодко выразил также надежду, что на следующей конференции прибалтийских государств будет заключен военный союз между Эстонией, Латвией и Польшей. Следует, однако, учесть, что хотя Йодко и был сторонником Балтийского союза, его позиция далеко не отражала мнения всех польских политиков.

Несмотря на то, что правящие круги Польши были недовольны сближением Эстонии и Латвии с Литвой, министр иностранных дел Эстонии А. Хеллат в мае 1923 года все же посетил Литву и вел переговоры с литовскими руководящими деятелями. Хеллат говорил одному эстонскому дипломату, что услышанное в Каунасе очень его обрадовало.[12] Он узнал, что разговоры о дружбе литовского правительства с Советским Союзом совершенно безосновательны и что государственные деятели Литвы согласны урегулировать отношения с Польшей. Но для этого будто бы еще не настало время.

Планам сближения Эстонии, Латвии и Литвы способствовал приход в Польше 28 мая 1923 года к власти правого правительства во главе с В. Витосом. Советские историки расценили этот факт как шаг в направлении фашизации страны.[13] Военный представитель Эстонии в Варшаве Я. Юнкур подчеркивал, что декларация нового правительства не удовлетворила те партии, которые

[12] ЦГАОР ЭССР.

[13] Советская Россия и капиталистический мир в 1917—1923 гг. М., 1957, стр. 265.

стремились связать судьбу Польши с прибалтийскими государствами. О новом министре иностранных дел Сейде Я. Юнкур говорил, что правые элементы им восхищены, но у прибалтийских государств достаточно оснований, чтобы испытывать беспокойство в связи с его курсом внешней политики.[14]

Учитывая сложившуюся обстановку, эстонский министр иностранных дел А. Хеллат писал 1 июня 1923 года эстонскому посланнику в Париже: «Ближайшей задачей в политике Прибалтики является все же тройственный союз Эстонии, Латвии, Литвы. В данный момент это представляется самой выгодной комбинацией. Привлечь Польшу будет, по-видимому, очень трудно, особенно сейчас, когда там у руля встало новое правительство».[15] Одновременно Хеллат отмечал, что при осуществлении тройственного союза следует сохранять хорошие отношения и с Польшей. Польские государственные деятели не должны выступать против сближения Эстонии с Литвой, так как только таким путем можно в будущем сблизить Литву с Польшей. Большие надежды Хеллат возлагал в деле создания Балтийского союза и на мелкобуржуазные партии Польши, которые находились в оппозиции к новому правительству.

Итак, эстонское правительство, обсуждая планы союза с Литвой, в действительности имело в виду создание «большого» Балтийского союза с участием Польши. С Литвой оно стремилось сблизиться только для того, чтобы помирить ее с Польшей. При этом эстонское правительство и не думало хоть в какой-то степени защищать интересы Литвы. Типичной была, например, позиция эстонских правящих кругов в вопросе о принадлежности Вильнюсского округа. После того как Вильнюс в 1920 году был захвачен поляками, эстонское правительство неоднократно заявляло о своем нейтралитете в этом вопросе. Уже эта позиция означала известную поддержку Польши. Также и в 1923 году, в то самое время, когда эстонское правительство намеревалось заключить союз с Литвой, эстонские государственные деятели открыто встали на ту точку зрения, что Вильнюс должен остаться у Польши. Министр иностранных дел А. Хеллат

---

[14] ЦГАОР ЭССР.
[15] Там же.

подчеркивал, например, что вопрос о Вильнюсе нужно считать уже решенным.[16] Дипломатический представитель Эстонии в Риге Ю. Сельямаа сказал польскому посланнику В. Йодко: «Я верю, что вопрос о Вильно решен».[17]

РИЖСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ИЮЛЕ 1923 ГОДА

Как известно, с 1921 года Литва не принимала участия в тех конференциях министров иностранных дел прибалтийских государств, на которых была представлена Польша. Теперь же эстонское и латвийское правительства стали добиваться также участия и Литвы в очередной конференции министров иностранных дел прибалтийских государств, которая должна была состояться в июле 1923 года в Риге. Но в первой половине июня 1923 года министр иностранных дел Литвы Э. Гальванаускас находился в Париже. В связи с этим литовское правительство предложило перенести намеченную на 7 июля конференцию на 21 июля. Польское правительство не согласилось, так как было против участия литовского представителя в конференции. Правительства Эстонии и Латвии вынуждены были считаться с желанием польского правительства, и Рижская конференция министров иностранных дел Финляндии, Эстонии, Латвии и Польши открылась 9 июля 1923 года. Правда, польский министр иностранных дел Сейда лично на конференцию не явился, его представлял помощник министра Г. Страсбургер.

Уже за некоторое время до начала Рижской конференции в польской оппозиционной печати появились сообщения об изменении внешней политики Польши в отношении прибалтийских государств и о том, что министр иностранных дел Сейда вообще не собирается участвовать в Рижской конференции.[18] Официально об отказе министра иностранных дел Польши было сообщено только в последний момент. 7 июля 1923 года эстонского дипломатического представителя в Варшаве О. Эпика вместе с посланниками Латвии и Финляндии

[16] ЦРАОР ЭССР.
[17] Там же.
[18] «Päevaleht», 13. VII 1923.

пригласили в министерство иностранных дел и сообщили, что Сейда не может приехать в Ригу. В то же время сам Сейда говорил, что внешняя политика Польши не изменится, что Польша все еще имеет дело с двумя врагами — Советским Союзом и Германией и в Польше смотрят на Советский Союз так же, как в Финляндии, Эстонии и Латвии. Сейда даже цинично указывал: «Если в отношениях с Россией что-либо можно изменить, так это только тактику». Этим польский министр иностранных дел показал, что общая ненависть к Советскому Союзу является основой сотрудничества Польши с прибалтийскими государствами. Но при всем этом правое правительство Польши оставалось безразличным к заключению военно-политического союза с прибалтийскими государствами. Это обстоятельство уже заранее предрешало провал конференции в самом важном вопросе.

На Рижской конференции обсуждались три группы вопросов: 1) осуществление решений и программ прежних конференций; 2) вопросы, связанные с повесткой дня предстоящей IV сессии Лиги наций и 3) экономические и юридические вопросы.

Первый пункт повестки дня означал по существу обсуждение путей и возможностей укрепления Балтийского союза. Поскольку министр иностранных дел Польши отсутствовал, а Финляндия по-прежнему сдержанно относилась к более широкому сотрудничеству с прибалтийскими государствами, то обсуждение именно этого вопроса проходило в прохладной атмосфере. Латышский делегат Шуманс рассмотрел решения, принятые на прежних конференциях, и задал вопрос: что делать с теми решениями, которые при данных обстоятельствах осуществить нельзя. Результат обсуждений был зафиксирован в заключительном протоколе конференции: пусть заинтересованные государства обсудят этот вопрос, чтобы можно было представить конкретные предложения к следующей конференции министров иностранных дел.[19] В итоге Рижская конференция не дала ничего существенного для политического укрепления Балтийского союза.

На Рижской конференции представители Финляндии,

---

[19] ЦГАОР ЭССР.

Эстонии, Латвии и Польши обсуждали, кроме того, еще вопрос согласования политики своих государств в Лиге наций. Эстонское правительство уделяло много внимания деятельности Лиги наций и стремилось принимать активное участие в работе этой международной организации.

Как известно, создателями Лиги наций были государства Антанты, поэтому сначала она была прежде всего организацией победителей первой мировой войны. Хотя в Лигу наций и входило множество малых государств, главную роль там играли некоторые империалистические державы во главе с Англией и Францией. Это и определило истинные цели Лиги наций как орудия Антанты — укрепление позиции государств-победителей и Версальской системы в послевоенной Европе, проведение в жизнь антисоветской политики, поиски средств для подавления революционного движения в капиталистических странах, а также для удушения антиимпериалистического освободительного движения в колониях и т. д. По характеристике В. И. Ленина, Лига наций — это союз хищников, где каждый старался урвать что-нибудь у другого.[20] Но империалистические государственные деятели пытались скрыть подлинную сущность Лиги наций и в различных лживых декларациях и речах представляли ее как средство укрепления мира и орган сотрудничества народов.

Принадлежность к Лиге наций и участие в работе ее органов для эстонского правительства были связаны с большими затратами. Но эстонские буржуазные политики не считались ни с какими расходами, лишь бы хоть немного укрепить международное положение своего государства. И. Лайдонер открыто говорил в Государственном собрании, что правительству не следует обращать внимания на затраты, и оно должно участвовать в каждой конференции, все равно, где она состоится и будет ли от этого Эстонии польза или нет.[21] Участие Эстонии в различных конференциях заставит заговорить о ней в международном плане, так как ее будут знать настолько, насколько она сама сумеет себя показать. Лайдонер не скрывал, что такая политика необходима

---

[20] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 350.
[21] II Riigikogu protokollid. 8. istungjärk 1922. a., стр. 980.

«для защиты против угрозы с Востока», т. е. для осуществления антисоветской внешней политики.

В одном частном письме Лайдонер еще более откровенно подчеркивал эту мысль и утверждал, что Лига наций — единственная опора эстонской буржуазии, помимо ее небольших военных сил.[22]

Исходя из указанных соображений, эстонское правительство стремилось и через Лигу наций напомнить ведущим государственным деятелям империалистических держав, что существует такое государство, как Эстония, и что правящие круги его нуждаются в поддержке со стороны империалистов для сохранения буржуазного строя, подавления революционного движения в своей стране и осуществления антисоветской внешней политики. Но все эти цели оно маскировало различными антисоветскими измышлениями. Уже в сентябре 1921 года в докладе смешанной комиссии, временно созданной Лигой наций для обсуждения вопроса о разоружении, подчеркивалось, что прибалтийским государствам угрожает «коммунистическая опасность».[23]

Конечно, подобные лживые слухи распространялись не без участия представителей прибалтийских государств.

Эстонскому правительству хотелось видеть в лице Лиги наций по возможности сильную и влиятельную организацию, так как в таком случае она играла бы бо́льшую роль в деле обеспечения «независимости» буржуазных прибалтийских государств. Так, в составленной министром иностранных дел А. Пийпом в 1922 году и одобренной правительством инструкции для эстонской делегации на сессии Лиги наций отмечалось, что задача делегации — содействовать укреплению Лиги наций.[24]

Как известно, после окончания первой мировой войны лозунг о разоружении был очень популярен во всем мире. Повсюду народные массы устали от войны и связанных с ней лишений и хотели избежать ужасов новой войны. Поэтому народы были настроены прежде всего против милитаризма и гонки вооружений.

Правительства империалистических держав вынуж-

---

[22] ЦГАОР ЭССР.

[23] В. М. Хайцман. СССР и проблема разоружения, М., 1959, стр. 28.

[24] ЦГАОР ЭССР.

дены были считаться со стремлением народных масс к миру и поэтому их представители в Лиге наций очень много разглагольствовали о разоружении и безопасности. Но империалисты при этом не стремились к действительному сокращению вооружения.

Начиная с 1920 года вопрос о разоружении обсуждался в различных комиссиях Лиги наций. Составлялись различные проекты сокращения количества вооруженных сил. В 1922 году был разработан «проект безопасности» Сесиля—Рекэна, в котором были эклектически соединены разные проекты английского представителя Р. Сесиля и французского генерала Э. Рекэна. С одной стороны, по этому проекту все государства — члены Лиги наций должны были по решению Лиги оказывать военную, экономическую и финансовую помощь жертве агрессии. С другой стороны, в этом же проекте было зафиксировано положение генерала Рекэна о том, что для сохранения безопасности государств нужно заключить региональные гарантийные договоры между отдельными группами государств. Это отвечало интересам французских империалистов, которые путем создания различных военно-политических союзов стремились укрепить гегемонию Франции в Европе. Естественно, что подобная система блоков была направлена и против Советского Союза. По существу идея региональных гарантийных договоров означала создание военных группировок, что никак не могло служить делу укрепления мира и даже, напротив, могло способствовать возникновению различных конфликтов.

Эстонское правительство было особенно заинтересовано в том, чтобы «проекты безопасности» по возможности больше были направлены против Советского Союза. Таким путем надеялись добиться от Лиги наций помощи для защиты классовых интересов эстонской буржуазии.

На конференции министров иностранных дел Финляндии, Эстонии, Латвии и Польши, проходившей в Риге в июле 1923 года, обсуждалась деятельность Лиги наций в вопросе заключения гарантийных договоров. Было решено дать представителям своих государств в Лиге наций указание голосовать за такой гарантийный договор, который предоставил бы максимальные гарантии государствам — участникам Рижской конференции.

При этом подчеркивалось, что нужно сделать все для того, чтобы некоторые государства (т. е. великие державы) не могли уменьшить свои обязанности и ответственность за счет увеличения риска тех государств, которым грозит опасность и которые являются в известном смысле защитой для других стран. Представители Финляндии, Эстонии, Латвии и Польши должны были бороться в Лиге наций за такой гарантийный договор, который обеспечил бы обязательную и в военном отношении самую действенную помощь тем государствам, которым грозит особая опасность.[25]

За этими несколько туманными формулировками скрывалась антисоветская позиция государств — участников Рижской конференции в вопросе о гарантийном договоре. Эстония и другие граничащие с Советским Союзом государства пытались доказать всем остальным членам Лиги наций, что им якобы угрожает особая опасность со стороны Советского Союза и поэтому они нуждаются в особой защите со стороны Лиги наций. Для обеспечения сотрудничества делегатов четырех государств на IV сессии Лиги наций было решено дать им указание наладить между собой как можно более тесное сотрудничество и при выборах выдвигать и поддерживать общих кандидатов.

После Рижской конференции буржуазная печать Эстонии и Латвии упрекала Польшу в охлаждении к Балтийскому союзу. Газета «Пяэвалехт» сетовала, что до сих пор Польша и прибалтийские государства были единодушны, по крайней мере в вопросе о взаимоотношениях между Советским Союзом и пограничными государствами. Этим обеспечивалось единство их действий, хотя Польша и пыталась играть роль великой державы. Но в последнее время Польша стремится проводить в отношении Советского Союза более дружественную политику, что говорит о ее безразличии к прибалтийским государствам.[26]

В кругах, заинтересованных в создании Балтийского союза, обратили внимание на беседы А. Хеллата с журналистами о Рижской конференции. Хеллат отметил, что отсутствие польского министра иностранных дел

---

[25] ЦГАОР ЭССР.
[26] «Päevaleht», 16. VII 1923.

плохо отразилось на работе конференции и не позволило более подробно обсудить вопрос о создании Балтийского союза.[27] Обвинения А. Хеллата в адрес польского министра иностранных дел Сейды имели своей целью обратить внимание заинтересованных в создании Балтийского союза кругов Варшавы на политику польского правительства в этом вопросе. Польские правительственные круги, конечно, не были довольны выпадами Хеллата. Помощник министра иностранных дел Г. Страсбургер выразил эстонскому представителю О. Эпику свое недовольство по поводу интервью Хеллата.[28] Также и Сельямаа сообщал из Риги, что заявления Хеллата не нравятся дипломатическим кругам Польши.

Напротив, польские политические круги, находившиеся в оппозиции к правительству, ухватились за интервью Хеллата и подняли шум вокруг него. Эпик сообщил эстонскому министру иностранных дел, что его интервью имело последствия. В сейме и комиссии по иностранным делам оппозиция оказала давление на Сейду, и тот вынужден был выступить с заявлением, что политика Польши в отношении прибалтийских государств не изменилась и измениться не может.

СОВЕЩАНИЕ ВОЕННЫХ ЭКСПЕРТОВ В РИГЕ

На Рижской конференции было решено созвать совещание военных экспертов Финляндии, Эстонии, Латвии и Польши. В повестку дня этого совещания были включены следующие вопросы: 1) сокращение военно-морского флота на Балтийском море; 2) проект договора об использовании в войне подводных лодок и газов; 3) программа-минимум и программа-максимум военно-морских сил.

Указанная повестка дня была принята в связи с тем, что Эстония и другие заинтересованные государства готовились к конференции по сокращению военно-мор-

---

[27] «Päevaleht», 13. VII 1923.
[28] ЦГАОР ЭССР.

ских сил, которая состоялась в Риме в 1924 году.[29] В это же время был поставлен в международном масштабе вопрос о запрещении использования подводных лодок и химических газов в военных действиях.

Эстонский военный министр А. Андеркоп, начальник штаба вооруженных сил П. Лилль и начальник генерального штаба Ю. Тырванд в совместном письме министерству иностранных дел от 11 августа 1923 года подчеркивали, что в интересах «обороны» прибалтийских государств нельзя согласиться с запрещением пользоваться во время войны подводными лодками, а также и применять ядовитые газы. Напротив, прибалтийские государства, по их мнению, не должны оставлять неиспользованными в войне с мощным противником ни одного вида современной военной техники.

Совещание военных экспертов состоялось в Риге 18—20 августа 1923 года. Полномочными делегатами были представлены Эстония, Латвия и Польша. Финляндия принимала участие только с информационной целью. Эстонию на совещании представлял начальник генерального штаба Ю. Тырванд.

На совещании под прикрытием общих разговоров о разоружении в действительности обсуждались планы укрепления военно-морских сил государств — участников данного совещания. Представители всех этих государств утверждали, что их флоты якобы недостаточно сильны для того, чтобы обеспечить безопасность на море в случае возникновения войны. Под этим вымышленным предлогом отстаивались планы увеличения военно-морских сил.[30] Поистине фантастическим размахом отличался план Польши. Польское правительство намечало построить за ближайшие 10 лет

3 крейсера	общим водоизмещением	24 000 тонн
36 миноносцев	общим водоизмещением	72 000 тонн
86 подводных лодок	общим водоизмещением	22 000 тонн
	Всего . . .	118 000 тонн

Планировалось также построить новую военно-морскую базу в Гдыне.

Даже начальник генерального штаба Эстонии Тыр-

[29] См. В. М. Хайцман. СССР и проблема разоружения. стр. 116.

[30] ЦГАОР ЭССР.

ванд отмечал, что хотя Польша и стремится стать настолько сильной в военном отношении, насколько это возможно, но из-за экономических трудностей она в состоянии разве что мечтать об осуществлении этой программы. Кстати сказать, столь же нереальные планы были составлены в Латвии и Эстонии. Так, Латвия намеревалась приобрести

4 миноносца общим водоизмещением	6000 тонн
4 подводные лодки общим водоизмещением	1600 тонн
Всего . . .	7600 тонн

В планы эстонского военного командования входило увеличение флота в части миноносцев до общего водоизмещения в 6000 тонн и приобретение подводных лодок общим водоизмещением 5000 тонн. Планы эти остались на бумаге, так как экономические возможности не позволили их реализовать.

На совещании в Риге было также решено, что участвующие в нем государства должны расширить свои военные порты с целью размещения более мощного флота.

По вопросу об использовании в возможной войне с Советским Союзом химического оружия было решено, что «и разговора не может быть о том, чтобы прибалтийские государства отказывались от самого широкого применения тех средств ведения войны, которыми располагает современная техника».[31] Более того, было решено уделить особое внимание ядовитым газам и обмениваться информацией по этому вопросу, а также по вопросу развития средств ведения химической войны в странах, не входящих в Лигу наций.[32] При этом имелись в виду прежде всего Советский Союз, а также Германия.

В дополнительном протоколе совещания военных экспертов говорилось и о сотрудничестве существующих военно-морских флотов Финляндии, Эстонии, Латвии и Польши, а также о совместном претворении в жизнь плана развития морских сил, который, однако, не мог быть осуществлен до заключения политического договора между указанными государствами.

---

[31] ЦГАОР ЭССР.
[32] Там же.

ПОДГОТОВКА К ЗАКЛЮЧЕНИЮ ЭСТОНСКО-ЛАТВИЙСКОГО СОЮЗА

Летом 1923 года руководители эстонской внешней политики пришли к окончательному решению заключить с Латвией антисоветский военно-политический союз.

Как указывалось выше, первоначально эстонско-латвийский военный союз был заключен уже в июле 1921 года. Но это был «неофициальный» союз, который в какой-то мере облегчал сотрудничество правящих кругов, но не устранял существующих противоречий между двумя государствами. Поэтому этот договор не был ратифицирован и официально объявлен. И летом 1923 года во время Рижской конференции министры иностранных дел Эстонии и Латвии А. Хеллат и З. Мейеровиц договорились о созыве осенью того же года в Таллине эстонско-латвийской конференции.

Вскоре после Рижской конференции комиссия по иностранным делам Государственного собрания Эстонии обсудила результаты конференции, общее состояние вопроса о создании Балтийского союза и вопрос о заключении эстонско-латвийского договора. Министр иностранных дел Хеллат высказал сомнение относительно того, захочет ли Польша участвовать в Балтийском союзе. Он подчеркивал, что тактика Эстонии в отношении Польши должна быть проникнута «осторожной сдержанностью».[33] Польское правительство может выбирать между двумя возможностями — или сотрудничать с прибалтийскими государствами, или же укрепить отношения с Чехословакией и Югославией. Кроме того, румынский король предложил Польше вступить в Малую Антанту, но Польша отказалась. Так как Польша все еще оставалась в двух лагерях и было неясно, какое направление в ней победит, то в создавшейся обстановке было решено ликвидировать все недоразумения в отношениях с Латвией, чтобы заключить с ней союз.

Член комиссии по иностранным делам Я. Тыниссон был против эстонско-латвийского союза. Председатель комиссии И. Лайдонер, напротив, прямо изложил позицию эстонских буржуазных кругов в вопросе создания Балтийского союза: «Если у нас не будет Балтийского союза из пяти стран, заключим союз между четырьмя,

[33] ЦГАОР ЭССР.

если не с четырьмя, так с тремя, не с тремя, так с двумя странами».[34] Депутаты Я. Тыниссон и Я. Латтик советовали перед вступлением в союз с Латвией взвесить еще и другие возможности. Лайдонер подчеркивал, что в отношении Финляндии сделано все, что только можно: «Я не вижу, чтобы были совершены ошибки. Даже долги уплачены, и все равно дело дальше не идет». Лайдонер надеялся, что союз с Латвией явится основой для дальнейшего расширения Балтийского союза: «Мое мнение таково: если можно — объединиться с Латвией, тогда присоединятся и другие и наш вес на внешнеполитической арене возрастет».

Я. Латтик предложил заключить союз между Эстонией, Латвией и Литвой. Его поддержал министр иностранных дел Хеллат, подчеркнув, что Гальванаускас готов помириться с Польшей. Лайдонер же, напротив, находил, что для Литвы важнее ее вражда с Польшей, чем Балтийский союз, и примирение Литвы с Польшей невозможно. Кроме того, в военном отношении союз Эстонии, Латвии и Литвы не будет иметь никакой ценности. Этот союз может только разгневать Польшу.

Лайдонер утверждал даже, что оккупация Вильнюсского округа Польшей отвечает интересам Литвы. Он был бы несказанно рад, если бы Эстонию и Советский Союз разделял коридор шириной в 150 верст.

На заседании комиссии по иностранным делам одержала верх позиция Хеллата и Лайдонера: заключить прежде всего союз с Латвией, чтобы он послужил основой более широкого Балтийского союза. Затем были начаты приготовления к заключению эстонско-латвийского договора. С этой целью велись различные переговоры и соответственно подготавливалось общественное мнение. Большинство буржуазных газет (за исключением «Постимээс») энергично пропагандировало идею эстонско-латвийского союза. Вся буржуазная пропаганда пыталась убедить читателей, что союз с Латвией необходим для защиты «независимости» Эстонии, так как ей в близком или далеком будущем грозит нападение со стороны Советского Союза. Подобными вымыслами эстонская буржуазия пыталась замаскировать подлинные

[34] ЦГАОР ЭССР.

цели своей антинародной внешней политики и замыслы, направленные против Советского Союза.

Председатель комиссии по иностранным делам Государственного собрания И. Лайдонер в своем публичном выступлении 16 августа 1923 года в Таллине отметил, что в данный момент Эстонии легче всего объединить свои интересы именно с интересами Латвии. Но идеалом остается все же союз пяти государств, организацию которого можно начать с заключения эстонско-латвийского союза.[35]

В начале августа 1923 года было сформировано новое правительство во главе с премьер-министром К. Пятсом. Министром иностранных дел стал бывший посланник в Хельсинки Ф. Акель.

Взгляды Акеля на заключение Балтийского союза не отличались от взглядов его предшественника А. Хеллата. Акель говорил журналистам о Балтийском союзе: «Этому вопросу уделяется много внимания, и мне кажется, что именно Эстония постоянно держала инициативу в своих руках». Затем министр иностранных дел сказал: «Может быть — и это мое желание — удастся создать ядро Балтийского союза благодаря сближению Эстонии и Латвии, к которым позднее примкнули бы и другие заинтересованные страны».[36]

Буржуазная печать приветствовала внешнеполитическую программу Ф. Акеля. Газета «Пяэвалехт» называла ее политически реальной и отмечала, что эстонская буржуазия уже не надеется несколькими акциями привлечь соседние государства. Пусть Эстония и Латвия и, в лучшем случае, Литва составят ядро Балтийского союза, к которому присоединятся и другие.[37]

Позже из Латвии в министерство иностранных дел поступили сообщения, свидетельствовавшие о готовности латышей заключить союз с Эстонией. Так, эстонский посланник Ю. Сельямаа спросил у латвийского президента Я. Чаксте, как он смотрит на союз Эстонии и Латвии. Чаксте подчеркнул, что он и раньше придавал большое значение эстонско-латвийскому союзу и сделал все, чтобы латвийское правительство нашло общий язык

---

[35] «Päevaleht», 19. VIII 1923.
[36] «Vaba Maa», 26. VIII 1923.
[37] «Päevaleht», 28. VIII 1923.

с эстонским правительством.[38] При этом он указал, что некоторые круги Латвии требуют территориальных уступок со стороны Эстонии, например передачи Латвии острова Рухну и поселка Лаура.

Еще до оформления эстонско-латвийского союза определенный интерес к нему был проявлен английскими империалистами. В августе—сентябре 1923 года в Латвии, Эстонии и Литве побывал английский отставной генерал Бэрт. Его крайне активную деятельность в побуждении названных государств заключить между собой союз можно объяснить только соответствующими конкретными указаниями английского правительства.

Латышский генерал Болодис 29 августа 1923 года в беседе с эстонским посланником в Риге сообщил, что он и генерал Бэрт много говорили об эстонско-латвийском военном союзе, необходимость заключения которого последний усиленно подчеркивал. Бэрт советовал также привлечь к этому союзу и Литву.[39] Еще в Риге, в беседе с эстонским посланником Ю. Сельямаа, Бэрт заявил, что в английских военных кругах приветствуют идею заключения эстонско-латвийского союза.[40] При этом Бэрт доверительно сообщил, что у него имеются для эстонского командования некоторые предложения, в связи с чем он хочет встретиться в Таллине с И. Лайдонером, а также с военным министром А. Андеркопом и другими военными деятелями.

Прибыв в Таллин, Бэрт вел переговоры с членами эстонского правительства и высшими военными чинами. По возвращении в Ригу, он заявил Ю. Сельямаа, что его поездка в Эстонию была полезной и что Лайдонер и Андеркоп придерживаются такой же позиции, что и он сам.[41] Бэрт имел также продолжительную беседу с начальником штаба вооруженных сил Эстонии генералом П. Лиллем, из которой он заключил, что эстонские руководящие военные деятели убеждены в большом значении военного союза с Латвией. Судя по всему, Бэрт был хорошо информирован в вопросе создания Балтийского союза, он знал и о том, что Я. Тыниссон являлся противником эстонско-латвийского союза, но при этом не

[38] ЦГАОР ЭССР.
[39] Там же.
[40] Там же.
[41] Там же.

отказывался содействовать политике сближения между Эстонией и Латвией.

Из последующей поездки в Каунас Бэрт вынес впечатление, что и литовское правительство готово вступить в более близкие отношения с Латвией, Эстонией и Финляндией вплоть до заключения с ними военного союзного договора.[42]

Интерес английских империалистов к заключению Балтийского союза трех государств, который нашел выражение в миссии Бэрта, несомненно, оказал влияние на подписание (1 ноября 1923 года) эстонско-латвийского военно-политического договора. Но это не единственный фактор, ускоривший заключение данного союза. Сами правящие круги и Эстонии и Латвии были сильно заинтересованы в нем. Показательно, что эстонско-латвийскую конференцию было решено созвать еще задолго до упомянутой миссии генерала Бэрта.

ЭСТОНСКО-ЛАТВИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ТАЛЛИНЕ В ОКТЯБРЕ — НОЯБРЕ 1923 ГОДА

Эстонско-латвийская конференция открылась в Таллине 25 октября 1923 года. В ней участвовали от Латвии премьер и министр иностранных дел З. Мейеровиц, заместитель министра иностранных дел, министр юстиции, председатель сейма, два генерала и др.

На конференции предстояло решить следующие основные вопросы: 1) об эстонско-латвийской границе; 2) об урегулировании взаимных требований (особенно вопроса об оплате военной помощи, оказанной Эстонией латышской буржуазии в 1919 г.); 3) о заключении торгового договора между Эстонией и Латвией; 4) об экономическом и политическом сотрудничестве. Для обсуждения этих вопросов были созданы соответствующие комиссии — пограничная, взаимных требований, торгового соглашения.

Чтобы ускорить создание антисоветского военно-политического союза между Эстонией и Латвией, необходимо было разрешить все разногласия и нерешенные про-

[42] ЦГАОР ЭССР.

блемы, которые время от времени являлись причинами раздора между двумя государствами. Яблоком раздора, например, был вопрос о границе. Так называемая пограничная линия Таллентса, проведенная в 1920 году, не удовлетворяла обе стороны, и поэтому позже состоялись различные переговоры с целью исправления этой линии. Но даже в 1923 году на заседании соответствующей смешанной комиссии в этом вопросе не было достигнуто договоренности. Поэтому отчаянные споры о взаимных уступках шли и на заседаниях пограничной комиссии эстонско-латвийской конференции.

Латвийские представители выдвинули требование о передаче Латвии острова Рухну. Министр иностранных дел Эстонии Ф. Акель категорически заявил, что остров уступить невозможно, но эстонское правительство готово пойти навстречу и предоставить Латвии на этом острове известные привилегии.[43] Тогда Мейеровиц потребовал денежного вознаграждения. В конце концов остров Рухну остался все же за Эстонией. Был заключен также дополнительный эстонско-латвийский пограничный договор, о котором обе стороны говорили как о большой «уступке» соседу в интересах заключения союза.

Второй спорный вопрос касался требований, вытекавших из вооружения и снабжения латышских белогвардейских частей эстонским правительством и военных действий эстонских частей на территории Латвии в 1919 году. 21 июля 1919 года между буржуазными правительствами Эстонии и Латвии был заключен договор, по которому латвийское правительство обязывалось оплатить все расходы эстонского верховного командования на вооружение, обмундирование и снабжение латышских частей.

Но на состоявшихся в январе 1922 года переговорах эстонское правительство предъявило Латвии еще более высокие требования, чем это предусматривал указанный договор. Так, оно потребовало возместить еще ущерб, причиненный эстонским частям во время действия на территории Латвии, расходы, связанные с определением государственной границы на основании решения полковника Таллентса.[44] Латвийское же правительство

---

[43] ЦГАОР ЭССР.

[44] См. II Riigikogu protokollide lisad. 2. istungjärk 1923. a., стр. 128.

было готово возместить только расходы Эстонии на организацию латышских частей в 1919 году.

На Таллинской конференции в 1923 году Мейеровиц указывал: «Мы вполне признаем, что Эстония оказала Латвии помощь в борьбе как против большевиков, так и против ландесвера и Бермонта».[45] Он полагал, что существуют два пути решения вопроса: 1) представление подробных счетов в соответствии с договором 21 июля 1919 года и 2) погашение взаимных требований. Мейеровиц предлагал выбрать последний путь. Эстонские представители с этим сначала не соглашались. Тогда Мейеровиц предъявил требования латвийского правительства к эстонскому правительству о возмещении убытков, причиненных эстонскими войсками латвийскому государству и гражданскому населению в 1919 году. У Мейеровица имелись в запасе даже три цифры. Он сказал, что остановится на самой благоприятной для Эстонии сумме — 31.346.450 золотых франков. Максимальная сумма была будто бы гораздо больше, а компромиссная — 46 миллионов франков.

Генерал Пыддер представил счет эстонских военных властей, который был гораздо меньше — приблизительно 23 миллиона золотых франков и счет гражданских властей — около 3 миллионов эстонских марок. Оказалось, что минимальный счет латвийской стороны был в 1,5, а максимальный даже в 3 раза больше соответствующих эстонских счетов. Мейеровиц объяснял это тем, что эстонские войска увезли из Латвии много лесоматериалов, а также паровозы, вагоны, реквизированный скот и лошадей. После долгих споров согласились с предложением латышей. В соглашении по урегулированию взаимных требований отказались от уплаты военных убытков, но латвийское правительство выделило для поддержки семей погибших и инвалидов в Эстонии сумму в 30 миллионов эстонских марок.[46]

С целью устранения соперничества между Латвией и Эстонией при транзитных перевозках была заключена специальная конвенция о взимании портовых сборов с судов, плавающих между портами Эстонии или Латвии и зарубежных стран.

---

[45] ЦГАОР ЭССР.

[46] «Riigi Teataja», 1924, Nr. 8—9, стр. 119—120.

Кроме того, на Таллинской конференции было заключено предварительное соглашение об образовании эстонско-латвийской экономической и таможенной унии, которое расценивалось как первый шаг на пути к заключению таможенной унии. Как известно, и раньше проводились различные конференции и совещания с целью укрепления экономических связей между прибалтийскими государствами и упрощения их таможенной системы, но они не дали ощутимых результатов. Даже эстонское правительство подчеркивало, что политическое значение таможенной унии не вызывает сомнения, но представители отдельных отраслей промышленности, чьи интересы могут из-за этого пострадать, чинят препятствия к ее заключению.[47]

Статья 7 заключенного в Таллине соглашения об образовании экономической и таможенной унии предусматривала создание специальной смешанной комиссии, в задачу которой входили бы разработка общего таможенного тарифа и унификация таможенного законодательства обоих государств. Затем должно было последовать утверждение законодательными учреждениями обоих государств единого таможенного тарифа. Далее рассматривались разработка и введение в действие соглашения о беспошлинном ввозе эстонских товаров в Латвию и латышских — в Эстонию. Но это соглашение должно было касаться только товаров своей страны, а не полученных из третьего государства.

Этим предварительное соглашение об образовании эстонско-латвийской экономической и таможенной унии намечало только путь к заключению таможенной унии между двумя государствами. Несмотря на неоднократные попытки, предпринимаемые в последующие годы, эстонско-латвийскую таможенную унию так и не удалось заключить.

Важнейшим результатом эстонско-латвийской конференции был военно-политический договор, подписанный вместе с другими соглашениями 1 ноября 1923 года. Договор состоял из десяти статей. В статьях 1 и 2 говорилось, что участвующие в договоре стороны осуществляют мирную политику, действуют согласованно в интересующих обе международных вопросах и ока-

[47] II Riigikogu protokollide lisad. 2. istungjärk 1923. a., стр. 132.

зывают друг другу политическую и дипломатическую помощь.[48]

Следующие статьи, 3, 4, и 5, говорили о военных обязательствах партнера по союзу в случае военного нападения на одно из участвующих в договоре государств, не спровоцированного с его стороны. Из видов военной помощи было предусмотрено согласование позиций соответствующих технических органов (т. е. генеральных штабов). В случае войны один участник договора не мог заключить мира и вести соответствующие переговоры без согласия своего партнера по союзу.

Кроме того, в договоре было предусмотрено разрешение спорных вопросов мирным путем, а также обязательство заключать союзные договоры с третьими государствами только с согласия своего союзника и сообщать своему партнеру по союзу все тексты соглашений, заключенных с этими государствами.

Срок действия эстонско-латвийского союзного договора был определен в 10 лет. Денонсировать договор можно было только после окончания указанного срока, причем следовало предупредить об этом за один год.

Эстонско-латвийский договор от 1 ноября 1923 года преследовал цель ликвидировать противоречия между двумя государствами и обеспечить сотрудничество их правящих кругов, начавшееся уже в 1919 году, когда буржуазное правительство Эстонии помогло «правительству» Ульманиса свергнуть Советскую власть в Латвии. Следует все же отметить, что, несмотря на ряд договоров, и в дальнейшем между правительствами Эстонии и Латвии проявлялись противоречия по некоторым вопросам внешней политики.

Как эстонские, так и латвийские правящие круги высоко оценили создание антисоветского военно-политического союза. Министр иностранных дел Ф. Акель сказал: «Прежде всего я думаю, что наши усилия создать Балтийский союз не окончатся заключением настоящего союза между Эстонией и Латвией, а, наоборот, удвоятся».[49] Того же мнения придерживался министр иностранных дел Латвии З. Мейеровиц: «Здесь создано ядро Балтийского союза, которое должно расширяться к се-

[48] «Riigi Teataja», 1924, Nr. 8—9, стр. 119—120.
[49] «Päevaleht», 2. XI 1923.

веру и к югу».[50] Эстонский посланник в Париже К. Р. Пуста выразил надежду, что эстонско-латвийский договор явится прямым шагом к созданию Балтийского союза.[51]

Бывший военный министр генерал Я. Соотс высоко оценил военное значение договора. Он ссылался на то, что заключением союзных договоров прибалтийские государства завоюют расположение империалистических держав в Лиге наций, и если с прибалтийскими государствами «что-нибудь случится», то можно надеяться на поддержку в виде «сочувствия и расположения» к прибалтийским государствам. Особенно высоко Соотс оценил соглашение о создании общего руководства военными силами двух государств в случае войны.[52]

Главный редактор газеты «Пяэвалехт» Ребане считал, что после заключения Тартуского мира не было другого такого важного соглашения, как договор о союзе между Эстонией и Латвией. Он советовал этим не ограничиться, а урегулировать отношения также и с другими государствами, т. е. приступить к расширению Балтийского союза.[53]

Мы видим, что в оценках буржуазных кругов чувствуется единодушное желание, чтобы этот военно-политический союз не ограничился двумя государствами, а расширился бы до «большого» Балтийского союза.

Социал-демократы также приветствовали эстонско-латвийский союз. Газета «Юхендус» писала, что «социалисты» приветствуют закончившуюся конференцию и выражают надежду, что сердечная дружба между Эстонией и Латвией будет еще больше расти и углубляться.[54]

Только в близких к газете «Постимэес» кругах слышались сомнения по поводу заключения эстонско-латвийских договоров. К. А. Хиндрей, например, отмечал, что разрешение пограничного вопроса было якобы для Эстонии неудачным и что больше всего удивляет уступка в части военных расходов.[55] Но военно-политический договор газета также одобрила.

Одобрили заключение военно-политического союза ме-

---

[50] «Vaba Maa», 2. XI 1923.
[51] ЦГАОР ЭССР.
[52] «Kaja», 4. XI 1923.
[53] «Päevaleht», 9. XI 1923.
[54] «Ühendus», 3. XI 1923.
[55] «Postimees», 1. XI 1923.

жду Эстонией и Латвией и правящие круги империалистических держав — Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки. Ведущая английская газета «Таймс» отмечала, что заключенный 1 ноября 1923 г. союз является первым и чрезвычайно важным шагом к общему Балтийскому «оборонительному союзу», т. е. к военному союзу.[56]

С особой радостью приветствовали эстонско-латвийский военно-политический договор французские империалисты. Сразу же после того, как латвийский посланник в Париже ознакомил министерство иностранных дел с содержанием эстонско-латвийского договора, он получил приветственную телеграмму от премьер-министра Пуанкаре. Эстонский посланник в Париже К. Р. Пуста специально приехал из Женевы в Париж, чтобы принять участие в ужине, устроенном миссиями Эстонии и Латвии по случаю подписания союзного договора. Руководящий работник министерства иностранных дел Перетти получил от Пуанкаре указание приветствовать на ужине эстонско-латвийский союз и выразить надежду, что предстоящая конференция в Варшаве достроит Балтийский союз на основе, заложенной в Таллине.[57]

Как уже говорилось выше, латвийские правящие круги также одобрили заключение эстонско-латвийского военно-политического союза, но некоторые буржуазные деятели были недовольны результатами Таллинской конференции в вопросе об эстонско-латвийской границе. Поэтому эстонское правительство заявило, что оно ратифицирует таллинские договоры только после того, как латвийское правительство сообщит, что оно отказывается от всяких притязаний на остров Рухну.[58]

При обсуждении таллинских соглашений в сейме Мейеровица упрекали в том, что он недостаточно энергично боролся за более выгодную для Латвии границу.[59] Мейеровиц же утверждал, что если даже в Лауре и Рухну провести референдум, то эти местности все равно отошли бы к Эстонии.[60]

Мейеровиц грозил уйти в отставку, если сейм не рати-

---

[56] «Times», 4. XI 1923.
[57] ЦГАОР ЭССР.
[58] «Päevaleht», 5. XI 1923.
[59] Там же, 16. XII 1923.
[60] Там же, 17. XII 1923.

фицирует таллинские соглашения. При голосовании за соглашения было подано 64 голоса, воздержались 12 депутатов.

В Государственном собрании Эстонии первое чтение эстонско-латвийских соглашений состоялось 11 декабря 1923 года. Министр иностранных дел Ф. Акель рассказал о попытках создания Балтийского союза и указал: «Именно у государственных деятелей Эстонии идея Балтийского союза нашла живой отклик, инициативу, а также и энергичную поддержку».[61] Он отмечал, что, поскольку заключение Балтийского союза в угодном для эстонской буржуазии составе было неосуществимо по независящим от Эстонии причинам, нужно приступить к организации союза меньшего объема. Акель находил, что эстонско-латвийский союз имеет два хороших свойства: 1) у Эстонии и Латвии из-за географической общности имеются предпосылки для создания союза и 2) этот союз не раздражает соседей. При этом Акель указывал, что он имеет в виду не только восточного соседа. Конечно, не была оставлена и идея «большого» Балтийского союза, но эстонско-латвийский союз явился тем ядром, к которому могут присоединиться и другие.

Подлинный характер эстонско-латвийского военно-политического союза разоблачил в Государственной думе депутат коммунист Х. Аллик. Он заявил: «Этим договором Эстония и Латвия пытаются найти пути, как бороться против своего врага. Самым большим врагом буржуазии является рабочий класс, особенно его наиболее сознательная в классовом отношении часть. Таким же врагом для пограничных государств является пролетариат России, который стоит у государственной власти и составляет наиболее сильную и сознательную часть международного пролетариата. Задача буржуазии — бороться против рабочего класса как своей страны, так и других государств, с этой целью и заключен данный договор».[62] Х. Аллик обратил внимание и на то, что эстонская и латышская буржуазия учитывали при заключении союза также интересы империалистов. Он предложил отклонить договор. При голосовании за договор был подан 51 голос, против голосовали 7 депутатов.

---

[61] II Riigikogu protokollid. 2. istungjärk 1923. a., стр. 1873.
[62] Там же, стр. 1887.

7. ПРОБЛЕМА БАЛТИЙСКОГО СОЮЗА ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭСТОНСКО-ЛАТВИЙСКОГО ВОЕННОГО СОГЛАШЕНИЯ.

УКРЕПЛЕНИЕ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ЭСТОНИЕЙ И АНГЛИЕЙ

Заключение эстонско-латвийского антисоветского военно-политического союза привлекло внимание политических кругов многих государств. Причина этого интереса кроется не столько в самом факте заключения союза между двумя малыми государствами, сколько в вопросе: что будет дальше? В каком направлении будет развиваться Балтийский союз? Прежде всего, примкнет ли к эстонско-латвийскому союзу Литва, или Эстония и Латвия объединятся с Польшей?

Между сторонниками этих двух направлений в конце 1923 года и в дальнейшем велась сложная дипломатическая борьба, в которой скрещивались интересы как прибалтийских стран, так и противоречивые интересы западных империалистов. Буржуазная Эстония, как зависимое от империалистов государство, склонялась в этой борьбе то на одну, то на другую сторону. Точнее, эстонское правительство учло то обстоятельство, что в правящих кругах Англии в 1923—1924 гг. возрос интерес к Эстонии и другим прибалтийским странам. В эстонскую миссию поступали от английских финансовых деятелей многочисленные запросы о перспективах вложения капиталов в народное хозяйство Эстонии. Особенно большой интерес они проявляли к сланцу, а также к концессии на эксплуатацию энергии Нарвского водопада.

О возросшей заинтересованности английских буржуазных кругов в прибалтийских государствах свидетельствует и посещение в 1923 году этих стран группой членов английского парламента. В состав парламентской группы входили представители деловых кругов, по тем или иным причинам заинтересованных в прибалтийских странах — глава так называемой промышленной группы

парламента Хэннон, сэр Пэрк Гофф и др. Членов английского парламетна интересовали полезные ископаемые и промышленные предприятия Эстонии. Они посетили Нарву и Кохтла. В Кохтла Хэннон сказал журналистам, что английский капитал с радостью готов помочь «развитию» экономики Эстонии.[1]

Эстонская буржуазная печать уделяла большое внимание визиту представителей английской буржуазии.

Газета «Пяэвалехт» восхищалась колониальной политикой Англии: «Англия уже показала своей колониальной политикой, что она умеет уважать своеобразие каждого народа...».[2] Представители эстонской буржуазии дали понять, что они ничего не имели бы против того, чтобы и Эстония стала английской колонией.

Члены английского парламента остались очень довольны своим визитом в Эстонию. Они посетили также Латвию и Литву.

В латвийских буржуазных кругах этот визит был также в центре внимания. Известные латышские буржуазные деятели говорили эстонскому посланнику Ю. Сельямаа, что если бы они (латыши) заполучили себе таких друзей, как англичане, то на других можно махнуть рукой.[3]

После возвращения аглийской парламентской делегации в Лондон сотрудники эстонской миссии неоднократно сообщали о возрастающем интересе английских финансовых кругов к Эстонии. Это отразилось и в английской печати, где появился ряд статей о Прибалтике. Посетивший Эстонию член английского парламента Джон Р. Ремер писал в одном журнале, что народы (читай — буржуазия!) прибалтийских стран питают большие симпатии к Англии, взирают на нее с упованием и надеются получить поддержку и помощь.[4] В ряде газет были опубликованы материалы, свидетельствовавшие о заинтересованности английских торговых кругов в заключении сделок с Эстонией.[5] Эстонская миссия в Лондоне стремилась еще больше повысить их интерес к Эсто-

[1] «Vaba Maa», 2. IX 1923.
[2] «Päevaleht», 30. VIII 1923.
[3] ЦГАОР ЭССР.
[4] «Nineteenth Century & After», 1923, декабрь, стр. 891—892.
[5] «Times», 22. IX 1923; «Pall Mall Gazette», 15. IX 1923; «Yorkshire Post», 22. IX 1923 и др.

нии. Сотрудники миссии помещали в английских газетах статьи об экономике, полезных ископаемых Эстонии и т. п.

Эстонский посланник в Лондоне О. Каллас постоянно подчеркивал в своих докладах, что внешняя политика Англии в очень большой мере зависит от общественного мнения. Поэтому и эстонские дипломаты стремились показать обстановку в Эстонии в привлекательном для английских империалистов свете.

Эстонию знали в правящих кругах Англии довольно слабо, многие же известные политические деятели вообще почти ничего не знали о ней. Так, председатель нижней палаты О'Коннор спросил у Калласа, пишут ли эстонцы (которых он принимал за финнов) слева направо или наоборот?!

Чтобы повысить интерес английских правящих кругов к Эстонии, соответствующая пропаганда прежде всего велась среди английских торговых и политических деятелей. Эстонская миссия в Лондоне хорошо платила профессиональным ораторам, которые в клубах, на собраниях и в других местах читали лекции об Эстонии. Профессор Симпсон, бывший эксперт министерства иностранных дел Англии, прочел сотрудникам этого министерства цикл лекций о положении в Эстонии.

Цель этой пропаганды была предельно ясна — правительство стремилось обеспечить эстонской буржуазии «на всякий случай» помощь английских империалистов. Поэтому в материалах, речах и статьях посвященных Эстонии, проводилась одна идея — Эстония является маленьким, но полноценным членом «цивилизованного мира», и ее нужно защитить от «угрозы большевизма». А это должна сделать именно Англия, так как она имеет в Эстонии наибольшие экономические и политические интересы.

Эстонская миссия в Лондоне советовала своему правительству передавать все правительственные заказы непременно английским фирмам.[6] Английским империалистам совсем не нравилось, что Эстония делала в возрастающем объеме закупки в Германии. Например, в 1924 году в импорте Эстонии доля Германии составляла 36,6, а доля Англии — всего лишь 14 процентов.[7]

[6] ЦГАОР ЭССР.

[7] Eesti. Maa. Rahvas. Kultuur. Tartu, 1926, стр. 667.

Заправилы эстонской внешней политики постоянно добивались, чтобы как государственные органы, так и частные предприниматели закупали товары прежде всего в Англии. Но все же экономические соображения брали верх, и в импорте Эстонии по-прежнему первое место занимала Германия.

Эстонское правительство стремилось установить наиболее тесные связи с английским военным руководством. Визиты английских кораблей стали в эти годы традицией, причем эстонское правительство само неоднократно просило, чтобы английские корабли каждое лето посещали Таллин. Более того, английскому правительству дали понять, что буржуазное правительство Эстонии готово содействовать строительству английской военно-морской базы в Таллине. Так, О. Каллас передал в июле 1922 года английскому государственному деятелю Балфуру письмо с просьбой продать Эстонии в «случае надобности» английское военное снаряжение. В конце письма был завуалированный, но многозначительный намек на то, что эстонское правительство готово предоставить британской нации преимущества, будь то в торговле или в других областях, как на территории Эстонии, так и в эстонских территориальных водах. Балфура очень заинтересовала последняя фраза, и он спросил, как ее нужно понимать. О. Каллас ответил: это значит, что для английского флота можно создать в Эстонии склады горючего и что в эстонских портах и на судостроительных заводах, например, на Русско-Балтийском, пойдут навстречу желаниям английского флота.

Иными словами, О. Каллас дал понять английскому правительству, что правительство Эстонии поддерживает создание в Таллине базы английского флота. Соответствующее устное распоряжение министра иностранных дел А. Пийпа Каллasу передал в Лондоне военно-морской атташе С. Рийз. Эстонское военное командование предполагало перевооружить свою армию, снабдив ее английским оружием, которое хотели приобрести по льготным ценам у английского правительства, а не закупать его у частных фирм. И. Балфур обещал О. Каллasу оказать содействие в этом деле.

После длительных переговоров в Лондоне О. Каллас в декабре 1923 года сообщал министру иностранных дел, что английское правительство готово продать прибал-

тийским государствам военное снаряжение. Военному представителю Англии в Прибалтике майору Годдену было поручено выяснить, какое вооружение и в каком количестве хотят получить правительства прибалтийских стран.[8]

Майор Годден обратился в начале января 1924 года к эстонскому посланнику в Риге Ю. Сельямаа и попросил представить полный список необходимого вооружения и данные о его количестве.[9] Годден указывал, что с решением этого вопроса нужно спешить, так как в ближайшие дни в Лондоне лейбористское правительство Д. Р. Макдональда может захватить дело в свои руки. До этого нужно решить вопрос о поставке вооружения прибалтийским государствам, а позже могут возникнуть трудности. Если же вопрос об отправке оружия будет уже решен положительно, то потом это решение нелегко будет отменить.

Парламентские выборы состоялись в Англи в декабре 1923 года. Консерваторы потерпели на выборах крупное поражение, и 23 января 1924 года было сформировано первое в Англии лейбористское правительство во главе с Д. Р. Макдональдом.

В области внешней политики лейбористское «рабочее правительство» неизбежно должно было в какой-то мере учитывать желания народных масс. Уже во время предвыборной борьбы лейбористы выдвинули лозунг — установить дипломатические и экономические отношения с Советским Союзом.[10] Это требование было очень популярно среди широких масс и деловых кругов Англии, и правительство Макдональда 1 февраля 1924 года признало Советский Союз. В апреле 1924 года в Лондоне начались переговоры по урегулированию различных нерешенных вопросов между Англией и Советским Союзом.

В отношении прибалтийских государств английское лейбористское правительство преследовало в основном те же цели, что и его предшественники. Новое правительство также видело в прибалтийских государствах плацдарм для нападения на Советский Союз, стремилось держать эти страны под своим контролем и оказы-

[8] ЦГАОР ЭССР.

[9] Там же.

[10] В. Г. Трухановский. Новейшая история Англии. М., 1958, стр. 120.

вало им политическую поддержку. Но следует учесть, что «рабочее правительство» не могло осуществлять такую же откровенно антисоветскую политику, как прежнее правительство консерваторов. И поэтому оно отказало Эстонии в поставке вооружения, хотя эстонское правительство последовательно добивалось этого. О. Каллас полагал, что причиной отказа могли быть англо-советские переговоры.[11]

Правительственные учреждения Эстонии, особенно генеральный штаб и информационный отдел министерства иностранных дел, работали в тесном контакте с английской разведкой. Архивные документы показывают, что одним из руководящих деятелей английской разведки в Финляндии и Прибалтике в первой половине 20-х годов был полковник Майкледжон.

Центр английской разведки в Таллине находился в местном английском консульстве под вывеской «паспортного отдела». Точно так же и в Хельсинки в «паспортном отделе» английского консульства обосновались органы разведки.

Соответствующие учреждения Эстонии поставляли английской разведке различную информацию.

Совместная работа органов эстонской и английской разведок была, конечно, направлена против Советского Союза. Известно, что Советское государство неоднократно разоблачало эстонских шпионов и организовывало над ними судебные процессы. На этих процессах выявились факты сотрудничества эстонской разведки с английскими разведывательными органами.

В конце июня — начале июля 1924 года в Англии находилась объединенная парламентская делегация прибалтийских стран — Эстонии, Латвии и Литвы. Эстонские буржуазные деятели И. Лайдонер, А. Рей и Ю. Кукк, входившие в состав делегации, использовали свое пребывание в Англии для укрепления связей с английскими деловыми кругами, а также с политическими и военными деятелями.

Председатель комиссии по иностранным делам Государственного собрания Эстонии генерал И. Лайдонер вел переговоры с начальником генерального штаба Англии лордом Кэвеном, с начальником восточной секции анг-

[11] ЦГАОР ЭССР.

лийскоей военной разведки Файнлесоном и другими. Английские военные руководители оказывали Лайдонеру большое внимание, видя в нем потенциального главнокомандующего вооруженными силами прибалтийских стран в случае войны с Советским Союзом.

В ходе переговоров И. Лайдонера с английскими военными руководителями выяснилось, что последние очень заинтересованы в создании Балтийского союза. Лайдонер в беседе с журналистами подчеркивал, что английское военное министерство одобряет идею объединения прибалтийских государств.[12]

Примечательно, что в отношениях между Эстонией и Англией активной стороной были эстонские правящие круги, стремившиеся вызвать у деловых людей Англии интерес к Эстонии. Это особенно проявилось в 1924 году при переговорах с английскими банками о предоставлении внешнего займа. Президент Эстонского банка обосновал необходимость получения займа, между прочим, следующим образом: «Внешний заем необходим нам для установления экономических и политических отношений с внешним миром. Если то или другое государство реально заинтересовано в нас, то это имеет бóльшую ценность, чем простая платоническая политическая симпатия... И если признáют, что нам можно предоставить крупный внешний заем, то в результате этого откроется путь для притока иностранного капитала в наши промышленные и торговые предприятия».[13]

Переговоры представителей эстонского правительства в Лондоне по вопросу получения займа и на этот раз не увенчались успехом — крупного займа им получить не удалось. К. Тофер отмечал в своем отчете правительству: «Возможности для получения государственного долгосрочного займа в Лондоне сейчас крайне неблагоприятны. Причиной этого являются неверие в устойчивость современной политической карты Восточной Европы, а также и мнение, что нынешние отношения могут в дальнейшем измениться...» Тофер подчеркивал, что для Англии Эстония представляла интерес как рынок сбыта для своих товаров, и сделал следующий вывод: «Если мы поможем осуществить стремления английских промыш-

---

[12] «Päevaleht», 22. VII 1924.
[13] ЦГАОР ЭССР.

ленников и купцов и выполнить их желания, то для нас найдутся и защитники в английских правительственных кругах».[14]

КОЛЕБАНИЯ ЭСТОНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ВОПРОСЕ СОЗДАНИЯ БАЛТИЙСКОГО СОЮЗА

Исходя из того, что между буржуазной Эстонией и Англией наладился более тесный контакт, эстонское правительство и при создании Балтийского союза стремилось считаться с интересами английского империализма. Министр иностранных дел Эстонии Ф. Акель в конце 1923 года писал одному из эстонских дипломатов, что ему не удалось поговорить ни с одним англичанином без того, чтобы тот не попытался доказать пользу объединения с Литвой. По словам Акеля и в Латвии пролитовское движение усилилось. Акель указывал далее, что «как известно, и мы ничего не имеем против Литвы, нашему сближению мешает лишь литовско-польский конфликт».[15] И поэтому против каждого договора, заключенного с Литвой, выступала только Польша и поддерживающая ее Франция. Акель указывал, что посланник Франции в Таллине де Вьенн хотя и в вежливой форме, но настойчиво предостерегал от сближения с Литвой.

Что касается Польши, то ее сомнения в вопросе присоединения к Балтийскому союзу продолжались, и она все еще колебалась в выборе ориентации: Малая Антанта или прибалтийские государства.

Как отмечалось выше, летом 1923 года в Польше пришло к власти правое правительство Витоса. Дипломатический представитель Эстонии в Варшаве О. Эпик в своем письме министру иностранных дел указывал,[16] что новое польское правительство несомненно будет игнорировать Прибалтийские государства и постарается сблизиться с Малой Антантой. Это и было причиной отсутствия М. Сейды на Рижской конференции. Но позиция польского правительства очень скоро изменилась, так как польских стратегов внешней политики постиг ряд неудач. Прежде всего не удалось добиться сближения с

[14] ЦГАОР ЭССР.
[15] Там же.
[16] Там же.

Чехословакией. Не увенчались успехом попытки присоединения Данцига к Польше, так как Англия решительно воспротивилась этому. Эти и некоторые другие обстоятельства позволили оппозиции оказать давление на правительство и сделать его более сговорчивым в вопросе о Балтийском союзе.[17]

В начале августа председатель комиссии сейма по иностранным делам, сторонник Балтийского союза, сказал Эпику, что опасения относительно отсутствия у польского правительства стремления к сотрудничеству с прибалтийскими странами отпали.[18] И действительно, министр иностранных дел Сейда стал проводить по отношению к Эстонии и Латвии более активную политику. Этому способствовало и стремление правительственных кругов Польши помешать сближению Эстонии и Латвии с Литвой, так как отношения Эстонии с Литвой в 1923 году по сравнению с предыдущим годом оживились. Примечательно, что в сентябре 1923 года Сейда предложил представителю Эстонии в Варшаве заключить на предстоящей конференции министров иностранных дел вместо Варшавского соглашения новый договор, приемлемый и для Финляндии. Кроме упомянутого договора, Сейда советовал заключить дополнительный секретный договор между тремя государствами — Эстонией, Латвией и Польшей, втайне даже от Финляндии. Сейда обещал в ближайшее время разработать проект договора между четырьмя государствами и представить его на предстоящей конференции министров иностранных дел Финляндии, Эстонии, Латвии и Польши в Варшаве.[19]

Сейда ссылался также на необходимость улучшить отношения между Польшей и Литвой. Он считал, что это особенно важно по соображениям военного характера: будет опасно, если в случае войны с Советским Союзом в тылу у польской армии окажется враждебная Литва. Но Сейда был против того, чтобы Эстония и Латвия объединились сначала с Литвой (как известно, на такой точке зрения стояло эстонское буржуазное правительство, добиваясь примирения Литвы с Польшей). Это придаст Литве смелость, и тогда с ней ничего не поделаешь. Он даже сказал, что если Литва стремится

[17] ЦГАОР ЭССР.
[18] Там же.
[19] Там же.

к экспансии, то следует указать, куда ее нужно направить. При этом он показал на висящей на стене карте в сторону Восточной Пруссии!

Совершенно ясно, что активности польского правительства в вопросе организации Балтийского союза способствовал и рост революционного движения в Германии. В обстановке революционной ситуации в октябре 1923 года вспыхнуло восстание в Гамбурге. Революционный взрыв ожидался по всей стране.

Учитывая сложившуюся в Германии обстановку, все реакционные силы Европы были заинтересованы в создании надежного барьера между Советской страной и Германией в виде Балтийского союза. Министру иностранных дел Польши Сейде, однако, не удалось пойти еще дальше в своей политике создания Балтийского союза, так как в октябре 1923 года он вынужден был уйти в отставку. Его сменил Роман Дмовский, проводивший в вопросе создания Балтийского союза линию Сейды. По словам министра иностранных дел Эстонии Ф. Акеля, Дмовский начал действовать очень энергично.[20] На предстоящей конференции министров иностранных дел, которую намечалось провести в декабре 1923 года, Дмовский намеревался выступить с проектом договора между четырьмя государствами. Но поскольку было известно, что Финляндия, по-видимому, откажется от заключения каких бы то ни было договоров политического характера с прибалтийскими государствами и Польшей, то он пытался добиться объединения трех государств — Эстонии, Латвии и Польши.

Руководители внешней политики Финляндии жаловались представителям Эстонии, что в финском парламенте отсутствует твердое буржуазное большинство, которое дало бы правительству возможность проводить в отношении прибалтийских государств более активную политику. Министр иностранных дел Финляндии в октябре 1923 года говорил посланнику Эстонии А. Хеллату, что именно по указанной причине программа польского министра иностранных дел о заключении договора между четырьмя государствами неприемлема.[21] Председатель парламента Виркунен в беседе с Хеллатом в ноябре

[21] Там же.
[20] ЦГАОР ЭССР.

того же года отметил, что идет борьба за координацию политики финских буржуазных группировок с целью активизации внешней политики Финляндии. Он говорил: «Мы хотели бы привлечь и социал-демократов к участию в этой политике, но как бы лидеры их ни стремились к этому, они не смогут увлечь за собой массы».[22]

Правящие круги Финляндии в течение продолжительного времени делали большие усилия для сближения со скандинавскими странами, особенно со Швецией. Но общественное мнение Швеции было решительно настроено против заключения с Финляндией договоров политического характера. Когда министр иностранных дел Швеции Хедерстьен в речи, произнесенной на одном банкете, осмелился предложить заключение шведско-финляндского союза, то он вызвал этим бурю негодований, которая, по словам представителя Эстонии Э. Вирго, моментально «свернула министерскую шею» этого смелого оратора.[23] Э. Вирго сообщал также, что в шведской печати давно уже не было такого единодушия, какое проявилось в осуждении предложения заключить шведско-финляндский союз.[24]

Поскольку все попытки сближения с Швецией были отвергнуты, финское правительство сочло необходимым сохранить контакт с прибалтийскими государствами и Польшей. В январе 1924 года Веннола сказал посланнику Эстонии, что хотя правительство Финляндии и не может заключить договоры с прибалтийскими государствами, штабы армий этих стран должны все же сотрудничать между собой, чтобы в тот момент, когда нужно будет совместно выступить, они были готовы к этому.[25]

То, что со стороны эстонского правительства делалось все для привлечения Финляндии к Балтийскому союзу, вполне понятно. Посланник Эстонии в Хельсинки А. Хеллат даже пытался шантажировать членов финского правительства, заявляя им, что Эстония, мол, уже окончательно решила заключить союз с Польшей и что если Финляндия к нему не присоединится, то она останется в изоляции.[26] В действительности же в конце 1923 года

[22] ЦГАОР ЭССР.
[23] Там же.
[24] Там же.
[25] Там же.
[26] Там же.

и в начале следующего эстонское правительство еще не имело четкой позиции в вопросе заключения союза с Польшей. По словам министра иностранных дел Ф. Акеля, учитывая конъюнктуру, эстонское правительство занимало выжидательную позицию.

Колебания эстонского правительства были вызваны тем, что в скором времени должна была состояться и другая конференция прибалтийских государств, а именно конференция министров иностранных дел Эстонии, Латвии и Литвы в Каунасе. Как известно, ряд литовских политических деятелей хотел во что бы то ни стало добиться заключения военно-политического союза между тремя прибалтийскими государствами. Осенью 1923 года литовское правительство начало очередную кампанию с тем, чтобы добиться заключения союза между Эстонией, Латвией и Литвой. Литовский премьер-министр Гальванаускас прибыл 7 октября в Ригу и предложил латвийскому правительству принять участие в конференции трех стран, созываемой в ближайшее время в Каунасе. В правительственных кругах Латвии предложение Гальванаускаса было встречено с одобрением.

Из Риги Гальванаускас поехал в Таллин, где вел переговоры с премьер-министром К. Пятсом, с министром иностранных дел Ф. Акелем, заведующим политическим отделом министерства иностранных дел А. Шмидтом и с другими ответственными лицами. Гальванаускас, конечно, передал и эстонскому правительству приглашение принять участие в конференции в Каунасе, которая должна была состояться до 15 декабря 1923 года. На конференции предполагалось обсудить вопросы о заключении торговых договоров, унификации таможенных тарифов, о паспортах и визах, а из политических проблем — вопросы отношения с Советским Союзом и Германией.

Заведующий политическим отделом министерства иностранных дел Эстонии А. Шмидт указывал, что в отношении предложения Гальванаускаса правительство занимает выжидательную позицию.[27] Литовцы добивались, чтобы конференция в Каунасе состоялась раньше, чем Варшавская конференция. Польское правительство же было вообще против того, чтобы представители Эстонии

[27] ЦГАОР ЭССР.

и Латвии поехали в Каунас. Понятно, что соответственно различными были и позиции империалистических держав — Англии и Франции.

В создавшейся обстановке дипломатия буржуазной Эстонии снова попыталась примирить Литву с Польшей.

Так, посланник Эстонии в Риге Ю. Сельямаа осенью 1923 года был назначен и представителем Эстонии в Литве. 3 ноября он вручил в Каунасе свои верительные грамоты литовскому премьер-министру Гальванаускасу. В беседе с ним Сельямаа подчеркивал, что цель Эстонии — заключить Балтийский союз с участием пяти государств. Эстонское правительство якобы не примет участия ни в каких политических соглашениях трех прибалтийских государств, если к ним не присоединятся Финляндия и Польша. В связи с этим Сельямаа спросил у Гальванаускаса: почему литовское правительство ничего не предпринимает для поисков modus vivendi в отношениях с Польшей, а отвергает все попытки примирения.[28]

Гальванаускас ответил, что этот же вопрос ему задавал английский посланник Воэн, только что прибывший из Лондона. Между тем позиция нынешнего литовского правительства такова: оно готово в принципе приступить к переговорам с Польшей, но не делает этого, опасаясь гнева народных масс, слишком возбужденных из-за вильнюсского вопроса. Ни одно литовское правительство, подчеркивал Гальванаускас, не осмелится вступить в переговоры с Польшей, так как за этим несомненно последует правительственный кризис. Вместе с тем Гальванаускас выразил надежду, что конференция трех прибалтийских государств поддержит попытки примирения Литвы с Польшей. Он утверждал, что Англия и Соединенные Штаты Америки очень заинтересованы в этой конференции.

Некоторые круги в Эстонии все еще придерживались мнения, что во главе Балтийского союза должна стоять Польша. К. Р. Пуста, например, в своем докладе министру иностранных дел от 17 декабря 1923 года указывал, что Финляндия примет участие в предстоящей конференции только в качестве доброжелательного наблюдателя, но финское правительство не подпишет ни одного договора с прибалтийскими государствами. Участие

[28] ЦГАОР ЭССР.

Литвы в конференции совместно с Польшей вообще немыслимо. Так что Эстония и Латвия должны решить — заключат ли они на Варшавской конференции тройственный союз с Польшей или нет. К. Р. Пуста обращал внимание и на то обстоятельство, что Советское правительство решительно осудило проекты заключения Балтийского союза с участием Польши. Из этого, однако, он сделал «своеобразный» вывод: если главный противник Эстонии — Советский Союз — больше всего этим взволнован, то это, может быть, «указание свыше» на то, что союз нужно заключать, причем как можно скорее и именно с участием Польши.[29]

Именно в интересах антисоветской политики Пуста стремился, чтобы в Балтийском союзе непременно участвовала Польша. А союз с Литвой, напротив, был бы, по его мнению, вызовом Польше. Поэтому Пуста подчеркивал: «Эстонско-латвийский союз — это начало, а не конечная цель, и только тот оборонительный (военный. — Х. А.) Балтийский союз возможен, который прямо или косвенно привлечет хотя бы одну великую державу... Я считаю, что Франция не оставит Польшу, французы также говорили нам, что они желают нашего сближения с Польшей».

Таким образом, К. Р. Пуста советовал заключить военный союз с Польшей и защищал франко-польскую ориентацию. Конференцию в Каунасе он рекомендовал обойти, совершив в Литву только дружественный визит министров иностранных дел Эстонии и Латвии.

Между тем министр иностранных дел Ф. Акель настаивал на английской ориентации. В ответе на письмо К. Р. Пуста от 31 декабря 1923 года он обосновал взгляды правительства на вопрос о Балтийском союзе следующим образом.[30] От Варшавской конференции ждать много не приходится. Первоначальные планы Польши заключить военно-политический союз между четырьмя государствами провалились еще задолго до конференции из-за сопротивления Финляндии. Необходимо считаться и с позицией Советского Союза. С другой стороны, империалистические державы понимают, что Европа не может существовать без природных богатств

[29] ЦГАОР ЭССР.
[30] Там же.

и рынков Советского Союза. Правда, изменение политики европейских государств в отношении Советского Союза, по его мнению, еще впереди. Но если в Англии к власти придет либеральное или лейбористское правительство, оно, по-видимому, в ближайшее время протянет руку Советскому Союзу. Также и предстоящие выборы во Франции могут вызвать сдвиг влево. В связи с этим исчезнут все возможности для интервенции, но Советский Союз под влиянием великих держав будет быстро «эволюционировать» в сторону капитализма.

По словам Акеля, в этих условиях для Эстонии союз с Польшей не имеет особого значения, но он может привести к напрасным осложнениям.

Мнение министра иностранных дел Акеля разделяла и комиссия по иностранным делам Государственного собрания. На заседании этой комиссии 10 января 1924 года Акель заявил, что на Варшавской конференции Эстония должна будет оставить за собой свободу действий: «Нам неудобно сейчас связывать себя договорами и не следует также пересматривать нашу английскую ориентацию».[31] Вопрос о Балтийском союзе можно обсудить сепаратно между Польшей, Латвией и Эстонией. Я. Тыниссон согласился с этой точкой зрения. В Варшаве, по его мнению, следовало бы вопрос о будущем союзе рассматривать так, чтобы не оскорбить Польшу.

И. Лайдонер считал, что ожидаемые изменения в политике Англии пойдут Эстонии на пользу. Было бы желательно, чтобы эстонско-латвийский союз расширился и к северу, но это в настоящее время нереально. Что касается южного направления, то здесь английское правительство советовало заключить союз с Литвой, а французское правительство — с Польшей. Поэтому в Варшаве нужно проявлять сдержанность, чтобы не оттолкнуть ни одно из этих государств.

На заседании комиссии по иностранным делам обсуждался также вопрос о Каунасской конференции. Было решено и там выступать сдержанно, воздерживаться от всего, что могло бы оттолкнуть Польшу.

Итак, в начале 1924 года руководящие внешнеполитические деятели буржуазной Эстонии впервые проявили умеренность в вопросе о Балтийском союзе. Они пыта-

[31] ЦГАОР ЭССР.

лись лавировать между различными интересами великих держав, чтобы не испортить отношения ни с английским, ни с французским правительством. Такая же осторожность проявлялась и по отношению к польскому правительству.

Дипломатические представители Англии и Франции в Таллине открыто старались навязать министерству иностранных дел Эстонии внешнеполитический курс своих правительств. Так, заведующий политическим отделом А. Шмидт записал 11 января 1924 года содержание беседы между французским посланником де Вьенном и министром иностранных дел Ф. Акелем.[32] Де Вьенн предупреждал, что он считает нежелательным всякое политическое сближение с Литвой, так как это не понравится Польше. По его мнению, Эстонии не следовало даже идти на укрепление экономических связей с Литвой, ибо это, в конечном итоге, также может привести к политическому сближению двух стран.

Характерно, что на следующий же день заведующего политическим отделом министерства иностранных дел Эстонии посетил английский генеральный консул Гроу, который высказал прямо противоположную точку зрения, обратив внимание на общность интересов Эстонии и Литвы.

ВАРШАВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ФЕВРАЛЕ 1924 ГОДА

В этих условиях от Варшавской конференции нельзя было ожидать больших результатов. Конференция проходила 16 и 17 февраля 1924 года. В ней приняли участие министры иностранных дел Эстонии — Акель, Финляндии — Энкель, Латвии — Сея и Польши — Замойский (сменивший на этом посту Романа Дмовского).

Официальная повестка дня конференции была ограниченной. На ней обсуждались общее международное положение, международные отношения и сотрудничество в Лиге наций стран, участвующих в конференции. Кроме того, на конференции рассматривались вопросы экономического сближения, сотрудничества в области печати, телеграфной и телефонной связи, а также науки, куль-

[32] ЦГАОР ЭССР.

туры и т. п. Обсуждались также проблемы разрешения спорных вопросов, которые могут возникнуть у стран — участниц конференции, а также проекты договора о третейском суде. Следующую конференцию было решено провести в августе 1924 года в Хельсинки.

На официальных заседаниях министры иностранных дел обсуждали сравнительно второстепенные вопросы, да и заключительный протокол конференции содержал только общие фразы о мире, дружбе, об укреплении экономических, культурных и других связей, о сотрудничестве в международной жизни вообще и в Лиге наций в частности.[33]

В различных зарубежных откликах на работу конференции отмечалось, что в Варшаве не было достигнуто особых результатов. Одна польская газета, например, опубликовала статью о Варшавской конференции даже под таким заглавием: «Похороны по первому разряду». В целом польская печать считала, что осуществление Балтийской Антанты отодвинулось дальше, чем когда-либо раньше. По мнению министра иностранных дел Финляндии Энкеля, Варшавская конференция не имела никакого политического значения.[34] Посол Германии в Варшаве в своем письме в Берлин отмечал, что результаты Варшавской конференции ни в коей мере не соответствуют затраченному времени и труду.[35]

В действительности же эта конференция имела свое определенное значение. Дело в том, что некоторые важные вопросы на ней обсуждались «неофициально». Еще до конференции было известно, что правительство Финляндии относится к проекту создания Балтийского союза отрицательно. Польский посланник в Таллине Добжинский в министерстве иностранных дел Эстонии указывал, что о ближайшем сотрудничестве можно говорить только в связи с Эстонией, Латвией и Польшей и что именно этого будто бы добивается польское правительство.[36] В каком направлении шли в Варшаве эти переговоры — неизвестно. Во всяком случае министр иностранных дел Ф. Акель писал одному из эстонских дипломатов, что переговоры между тремя государствами в Варшаве при-

[33] ЦГАОР ЭССР.
[34] «Päevaleht», 29. II 1924.
[35] ЦГАОР ЭССР.
[36] Там же.

вели к достижению соглашения между Эстонией, Латвией и Польшей.[37]

Кроме того, на Варшавской конференции обсуждался вопрос о необходимости совместной борьбы с «коммунистической пропагандой», т. е. с революционным рабочим движением. Как известно, в 1923 и частично в 1924 году в странах, участвующих в конференции, рабочий класс вел интенсивную борьбу против буржуазии. Вооруженное восстание в Кракове осенью 1923 года свидетельствовало о революционных настроениях польского пролетариата. И в Эстонии революционное движение развивалось по восходящей линии. В 1923 году в Эстонии разразился глубокий экономический кризис. Материальное положение рабочего класса ухудшилось, возросла безработица. В то же самое время Коммунистическая партия Эстонии достигла большого успеха в укреплении революционного фронта трудящихся. Волну рабочего движения, предвещавшую приближение революционной бури, не сумели остановить ни массовый разгром рабочих организаций, ни арест вождей рабочего движения в январе 1924 года.

Представители империалистических государств с одобрением отнеслись к произволу, чинимому эстонским буржуазным правительством над деятелями рабочего движения. Посланник Ю. Сельямаа, например, 28 января 1924 года сообщал из Риги, что как в латвийских буржуазных кругах, так и среди дипломатических представителей известие об арестах коммунистов в Эстонии было встречено с пониманием и удовлетворением. Сельямаа сослался при этом на точку зрения посла США Колемэна: «Колемэн говорит, что ему непонятно, почему Эстония до последнего времени мягко обращалась с коммунистами. В Америке этого не хотят... Плохое впечатление на нее и на ее друзей произвели выборы в Государственное собрание Эстонии, куда прошло очень много коммунистов. Для защиты своей безопасности и государственности нужно вести себя жестче».[38] Той же позиции придерживались и другие иностранные дипломаты. Польский представитель подчеркивал, что в правящих кругах Польши сообщение о расправе над коммуниста-

[37] ЦГАОР ЭССР.
[38] Там же.

ми было воспринято с одобрением. Представитель Швеции находил, что коммунистические организации нужно было уже давно разгромить и т. д. По словам Сельямаа, особое удовлетворение испытывали латышские буржуазные деятели.

Правящие круги буржуазной Эстонии стремились связать разгром рабочих организаций с антисоветскими выступлениями. Министр внутренних дел К. Эйнбунд заявил журналистам, что в руках правительства будто бы имеются документы, указывающие на связи коммунистической фракции Государственного собрания с Коминтерном «через посредничество одной иностранной миссии». Подобными заявлениями буржуазные круги пытались бросить тень на советское представительство в Таллине.

Реакционные круги Западной Европы живо откликнулись на провокационное выступление Эйнбунда. Так, газета «Таймс» опубликовала клеветническую статью «Двуличность Советов. Отношения с III Интернационалом», в которой ссылалась на упомянутое заявление Эйнбунда.[39]

1 февраля 1924 года представитель СССР в Эстонии выразил в специальной ноте протест по поводу клеветнических измышлений Эйнбунда.[40] Эстонское правительство оказалось в неудобном положении: никаких «доказательств» к лживым утверждениям Эйнбунда не было и, естественно, не могло быть. Поэтому оно медлило с ответом на ноту Советского правительства. Но поскольку советская печать указывала на позицию эстонского правительства, то была послана ответная нота, составленная в нарочито туманной форме. Советское правительство имело полное основание признать ее неудовлетворительной. Буржуазная печать вынуждена была заговорить о том, что заявление Эйнбунда было «неосторожным», некоторые газеты даже требовали его отставки. В этих условиях министру иностранных дел Эстонии не оставалось ничего другого, как сообщить Советскому правительству, что министр Эйнбунд представил непроверенные данные.[41] Лишь после этого советский полномочный

[39] «Times», 15. II 1924.

[40] Документы внешней политики СССР, т. VII. М., 1963, стр. 55—57.

[41] «Известия», 2. III 1924.

представитель в Таллине в своей ноте от 1 марта сообщил, что Советское правительство считает инцидент исчерпанным.[42] Этот случай показал всему миру, насколько безосновательными были антисоветские вымыслы, распространяемые буржуазией.

Солидарность буржуазии прибалтийских государств в борьбе против рабочего класса и его авангарда не ограничивалась фарисействующей пропагандой. С целью укрепления сотрудничества буржуазных органов власти в борьбе против революционного рабочего движения министры иностранных дел Энкель, Акель, Сея и Замойский подписали тайный дополнительный протокол Варшавской конференции, в котором указывалось на необходимость контакта между заинтересованными странами в поисках эффективных средств борьбы за внутригосударственную «безопасность», против коммунистического движения.[43]

КОНФЕРЕНЦИЯ В КАУНАСЕ В МАЕ 1924 ГОДА

Поскольку на Варшавской конференции выявились возможности дальнейшего сотрудничества между Эстонией и Польшей, то эстонское правительство заняло очень сдержанную позицию в отношении Литвы. Как известно, в конце 1923 года литовское правительство добивалось созыва конференции трех прибалтийских стран в Каунасе. Однако созыв конференции затянулся, и она состоялась лишь в мае 1924 года.

Литовское правительство разработало к предстоящей конференции обширную программу. Было предусмотрено обсуждение как политических, военных, так и экономических вопросов с тем, чтобы заложить основу союза трех государств. Для обсуждения военных вопросов намечалось созвать представителей генеральных штабов. Латвийское правительство было более или менее согласно с литовской программой. А эстонские государственные деятели, считаясь с позицией польского правительства, выступили против излишнего сближения с Литвой.

Польские дипломаты стремились отговорить Эстонию и Латвию от участия в Каунасской конференции. Поль-

[42] Документы внешней политики СССР, т. VII, стр. 138.
[43] ЦГАОР ЭССР.

ский посланник в Таллине посетил 10 мая 1924 года заведующего политическим отделом министерства иностранных дел А. Шмидта и сетовал, что участие Эстонии в Каунасской конференции испортит ее отношения с Польшей. Он считал, что с Литвой вообще не нужно вести никаких переговоров. Это сделает литовских буржуазных деятелей более сговорчивыми в отношении Польши.[44]

Сначала против участия Эстонии в Каунасской конференции были также и представители французского правительства. Но в министерстве иностранных дел Эстонии представителям как Польши, так и Франции доказали, что с Литвой следует говорить именно с той целью, чтобы найти пути для улучшения отношений между Литвой и Польшей. Министерство иностранных дел Франции одобрило эту позицию.[45]

Исходя из указанных соображений, эстонское министерство иностранных дел предложило исключить из повестки дня Каунасской конференции военные вопросы и превратить обсуждение политических вопросов в обмен информацией. Только экономические вопросы было решено обсудить более подробно.

В области экономики обсуждалась возможность создания эстонско-латвийско-литовской таможенной унии. Литва выразила готовность принять, с известными оговорками, участие в этой унии. Эстонские промышленники были с этим согласны, так как промышленность в Литве была менее развита, чем в Эстонии, и поэтому они надеялись на увеличение экспорта в Литву. Но представители сельскохозяйственных организаций и кругов, занимающихся экспортом сельскохозяйственных продуктов, выступили против этих планов.

Каунасская конференция состоялась 19—22 мая 1924 года. Руководителем эстонской делегации был назначен помощник министра иностранных дел К. Тофер, так как пост министра иностранных дел был в то время свободен. На конференции обсуждались «исторические основы» внешней политики трех прибалтийских стран, говорилось об отношениях с соседними государствами, о возможном сотрудничестве в международных органи-

---

[44] ЦГАОР ЭССР.
[45] Там же.

зациях и в общей международной политике. Обсуждались и экономические вопросы.[46]

Результаты конференции были ничтожны. Заключительный протокол содержал лишь общие слова о сотрудничестве трех приблатийских государств. Единственное наиболее конкретное положение касалось сотрудничества в Лиге наций по вопросам, интересующим все три государства. Гальванаускасу не удалось осуществить свою цель — вырвать Эстонию и Латвию из-под влияния Польши и создать союз трех прибалтийских стран. Эстонское министерство иностранных дел проинформировало польское правительство о результатах Каунасской конференции и подчеркнуло, что Эстония не встала там на антипольскую позицию.

Итак, сомнения эстонских правительственных кругов относительно сотрудничества с Польшей были в конце 1923 года и в начале следующего кратковременными. Укрепление дальнейшего сотрудничества с Польшей поставил себе целью занявший в начале июня пост министра иностранных дел К. Р. Пуста. Он был известен как активный сторонник антисоветской политики и ярый приверженец создания Балтийского союза.

Под руководством К. Р. Пуста министерство иностранных дел активно трудилось над составлением различных антисоветских планов. Одной из основных внешнеполитических целей буржуазного правительства по-прежнему было создание «большого» Балтийского союза с участием прежде всего Финляндии, Эстонии, Латвии и Польши. Этой цели служило также и совещание заведующих информационными отделами министерств иностранных дел, состоявшееся 14—16 июля 1924 года в Варшаве. Буржуазная печать подчеркивала, что целью совещания было закрепить сближение Финляндии, Эстонии, Латвии и Польши.[47] В заключительном протоколе предусматривалось сотрудничество в разных областях жизни.[48] Кроме того, на Варшавском совещании обсуждались вопросы борьбы против влияния коммунистических идей и согласования антисоветской пропагандистской деятельности.

В интересах антисоветской политики К. Р. Пуста забо-

---

[46] ЦГАОР ЭССР.
[47] «Vaba Maa», 19. VII 1924.
[48] ЦГАОР ЭССР.

тился и об установлении связей между Эстонией и Румынией. Посланник буржуазной Эстонии в Варшаве И. Леппик был назначен и посланником в Румынии. В сентябре-октябре 1924 года он находился в Бухаресте и вел переговоры с королем Румынии, с министром иностранных дел Дука, начальником генерального штаба генералом Лупеску и другими. Румынские государственные деятели, особенно генерал Лупеску, указывали, что граничащие с Советским Союзом страны должны не только сотрудничать, но и заключать также договоры.

Сам И. Леппик расценивал создание связей между Эстонией и Румынией как прямой антисоветский акт: «Хоть сначала и слабо, объединили последним звеном ту цепь, которая от Финского залива до Черного моря тянется вокруг России, общего врага пограничных государств» (буржуазии пограничных государств. — *Х. А.*).[49]

Под руководством К. Р. Пуста снова активизировались отношения Эстонии с Финляндией. Велись переговоры относительно возможности сотрудничества военного руководства этих стран и т. д. Антисоветские замыслы эстонского правительства, особенно министра иностранных дел Пуста, с новой силой проявились после вооруженного восстания 1 декабря 1924 года.

---

[49] ЦГАОР ЭССР.

8. ВОССТАНИЕ 1 ДЕКАБРЯ 1924 ГОДА И ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ БАЛТИЙСКОГО СОЮЗА

ОРГАНИЗАЦИЯ АНТИСОВЕТСКОЙ КАМПАНИИ ЭСТОНСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

Во второй половине 1924 года послевоенный революционный подъем в Эстонии достиг кульминационной точки. Углубление экономического кризиса, безработица, ухудшение положения рабочего класса, бедственное положение трудового крестьянства в связи с недородом 1923 года и другие аналогичные явления вызвали в широких массах недовольство существующим строем. Даже эстонская буржуазная печать писала, что существующий строй имеет мало сторонников и много противников.[1] В создавшейся обстановке лозунг Коммунистической партии Эстонии об экономическом и политическом союзе с Советским государством завоевывал все больше сторонников среди трудящихся. Рабочий класс ясно видел преимущества социалистического строя перед капиталистическим. В то время как буржуазная Эстония прозябала в тисках экономического кризиса, в Советском Союзе, в непосредственном соседстве с Эстонией, трудящиеся добились небывалых успехов в строительстве новой жизни. Достижения советских людей служили вдохновляющим примером для эстонского трудового народа в его борьбе за свержение буржуазного строя, за государственный союз с народами Советской страны.[2]

Учитывая сложившиеся объективные условия, КПЭ

[1] «Päevaleht», 16. VIII 1924.

[2] См. V. Maamägi. Eesti töörahva võitlus riikliku liidu eest NSV Liidu rahvastega. Eesti ühendamisest Venemaaga ja selle ajaloolisest tähtsusest. Lühiuurimusi. Toimetanud A. Vassar. Tallinn, 1960, стр. 249—269.

приступила к подготовке вооруженного восстания с целью свержения буржуазной власти.

Тяжелое экономическое положение и острые внутриполитические противоречия вызвали замешательство и среди правящих кругов. В борьбе за власть и наживу обострились взаимоотношения между отдельными буржуазными партиями и группировками. Правые элементы начали превозносить политику «твердой руки» и стали добиваться установления в Эстонии диктаторской власти.[3] Уже в 1923 году в эстонской рабочей печати отмечалось: «В Эстонии еще не объявился свой эстонский Муссолини, но мелкие Иоанны-крестители уже прокладывают для него путь».[4] В мае 1924 года К. Р. Пуста, который 6 июля того же года стал министром иностранных дел, в своем письме к А. Хеллату открыто говорил о необходимости иметь диктатора: «Мне лично нравится больше Муссолини, но для Эстонии требуется пока Пуанкаре».[5]

Неустойчивое внутриполитическое положение Эстонии уже осенью 1924 года привлекло к себе широкое внимание в Западной Европе. Так, в октябре 1924 года эстонский посланник в Лондоне О. Каллас отмечал, что царящее в Прибалтике нервозное настроение находится в центре внимания английской общественности. Острая политическая борьба на страницах эстонской печати и тон парламентских дебатов производят неблагоприятное впечатление и принесут Эстонии только лишь экономический вред.[6] По поводу «процесса 149-ти» О. Каллас говорил, что он привлек в английской печати к себе «большее, чем обычно», внимание.[7]

Эстонский посланник в Берлине К. Меннинг сообщал, что «процесс 149-ти» и казнь Я. Томпа вызвали большой резонанс и что подобные шаги не встречают одобрения ни среди социал-демократов, ни в буржуазных кругах. «Особенно казнь Я. Томпа считают здесь серьезной политической ошибкой», — подчеркивал Меннинг.[8] Выне-

---

[3] A. Sunila. Eesti proletariaadi relvastatud ülestõus 1. detsembril 1924. aastal. Tallinn, 1961, стр. 86—98.

[4] «Tööline», 3. I 1923.

[5] ЦГАОР ЭССР.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] Там же.

сение столь серьезного приговора воспринималось как признак слабости эстонского государства. Восстание 1 декабря 1924 года привлекло к себе еще более пристальное внимание многих государств.

В связи с революционными событиями 1924 года в Эстонии и последовавшим за ними разгулом контрреволюции ярко проявилась международная солидарность рабочего класса. Рабочие многих стран мира возмущались кровавым террором эстонской буржуазии и выражали эстонскому правительству и его внешнеполитическим представителям свой гневный протест.[9] Во главе движения протеста стоял рабочий класс Советского Союза. Пролетариат Англии, Франции, Германии, США и других стран также продемонстрировал свою солидарность с эстонскими товарищами. Ряд рабочих организаций Канады выступил с протестом против царившего в Эстонии террора.[10] Эстонскому представителю в скандинавских странах Вирго были вручены многочисленные протесты от рабочих Швеции, Дании и Норвегии. В своем докладе министру иностранных дел Вирго сообщал, что рабочие Копенгагена хотели провести 8 декабря 1924 года демонстрацию протеста, которую власти, однако, запретили.[11]

Рабочие империалистических государств и особенно рабочий класс Советского Союза через МОПР оказали большую помощь семьям погибших эстонских революционеров. Редакция газеты «Известия» организовала с этой целью сбор средств. На это мероприятие откликнулись сотни предприятий и учреждений Советской страны.[12]

В Англии произвели большое впечатление статьи Сузанны Лоуренс, в которых она разоблачала царящий в Эстонии террор, тяжелое положение заключенных, незаконное вынесение приговоров и тому подобное.[13]

В противоположность интернациональной солидарно-

[9] А. Т. Матсулевич. Документы Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Эстонской ССР о вооруженном восстании 1 декабря 1924 года. «Известия Академии наук Эстонской ССР. Серия общественных наук», 1958, № 4, стр. 357.

[10] «Klassivõitlus», 1925, № 50, стр. 2.

[11] ЦГАОР ЭССР.

[12] «Известия», 12. II. 1925; 7, 8, 9, 12, 14 V 1925 и сл.

[13] «Daily Herald», 5. I 1925 и др.

сти пролетариата правящие круги империалистических держав одобряли кровавый террор эстонской буржуазии. Государственные деятели и дипломаты иностранных государств направляли в адрес эстонского правительства многочисленные телеграммы с поздравлениями по поводу подавления восстания.

Эстонский посланник в Лондоне О. Каллас следующим образом охарактеризовал отношение английских империалистов к расстрелу эстонских рабочих: «Лучше в самом начале сразу же казнить сотню человек, чем расстреливать их позднее мелкими группами».[14] В правящих кругах Англии опасались только того, что расстрел эстонских революционеров может вызвать на длительный период отрицательную реакцию международной общественности.

Американские империалисты также выражали удовлетворение политикой эстонского правительства. Уже 1 декабря в полдень эстонский посланник в США А. Пийп был приглашен к заведующему восточноевропейским отделом госдепартамента Юнгу. Последний выразил удовлетворение тем, что эстонское правительство сумело так быстро восстановить «порядок» посредством «столь действенных и решительных мер».[15] При этом он подчеркнул, что симпатии правительства США всегда будут на стороне эстонской буржуазии.

После подавления вооруженного восстания 1 декабря 1924 года А. Пийп неоднократно сообщал о проявляемых правительственными кругами США «интересах и симпатиях» к Эстонии. Так, государственный секретарь Юз выразил удовлетворение по поводу создания в Эстонии коалиционного правительства.[16]

После восстания 1 декабря эстонские газеты старались перещеголять друг друга различными клеветническими измышлениями о Советском Союзе. Подобная необузданная клевета, разумеется, повлияла отрицательно на эстонско-советские отношения.

Еще более отрицательно сказалась на отношениях двух государств антисоветская кампания, которую эстонское правительство развернуло во многих иностранных государствах. Антисоветской клеветой занимались эстон-

[14] ЦГАОР ЭССР.
[15] Там же.
[16] Там же.

ские дипломаты под непосредственным руководством министерства иностранных дел Эстонии. Последнее разослало всем своим представительствам за границей телеграмму-циркуляр, согласно которому всем следовало «разъяснять», что в организации таллинского восстания участвовал Советский Союз.

Выполняя это указание, эстонские дипломаты вновь и вновь подогревали уже давно устаревшую ложь о «руке Москвы». Редакции буржуазных газет получали в огромном количестве антисоветскую информацию, брали различные интервью.

Распространяя антисоветские измышления, сотрудники эстонских представительств в иностранных государствах сами старались оставаться в тени. Так, Ю. Сельямаа говорил, что эстонская миссия в Риге передала целому ряду газет материалы «об участии» Советского Союза в восстании 1 декабря, газеты же опубликовали эту «информацию» как сообщения собственных корреспондентов.[17] Э. Вирго сообщал из Стокгольма, что он сам, хотя и передавал для печати антисоветскую информацию, старался оставаться за кулисами.[18]

Антисоветской пропагандой занимались и члены правительства, например, министр иностранных дел К. Р. Пуста. Вокруг его беседы с корреспондентом шведской газеты «Афтонбладет» в Западной Европе была поднята провокационная шумиха.

После восстания 1 декабря из Таллина в Западную Европу выехал заведующий информационным бюро министерства иностранных дел Эстонии А. Ойдерман. Его путь лежал через Берлин в Париж, оттуда в Лондон и из Лондона снова в Париж. В своем отчете министру иностранных дел Ойдреман подробно описывал, как он повсюду способствовал распространению антисоветских настроений. Ойдремана особенно радовало то обстоятельство, что его «информация» имела большой спрос и что английская буржуазная пресса использовала переданный им материал зачастую даже без изменения текста.[19]

Аналогичную деятельность развернул Ойдреман и в Париже. Там он установил связи со многими буржуаз-

[17] ЦГАОР ЭССР.
[18] Там же.
[19] Там же.

ными издательскими кругами. Ойдерман подчеркивал, что и в Париже все газеты использовали получаемую от министерства иностранных дел Эстонии «информацию», а также пообещали пользоваться ею в дальнейшем.

В связи с восстанием 1 декабря 1924 года лидеры эстонских социал-демократов вновь разоблачили себя как послушные лакеи буржуазии. Они также всячески способствовали распространению антисоветских вымыслов. Эстонское правительство сочло необходимым «информировать» лидеров социал-демократов в Западной Европе о ходе таллинских событий, так как «рабочие деятели» из числа социал-демократов пользовались большим влиянием в правительственных кругах и парламентах некоторых государств.

«Процесс 149-ти», убийство Я. Томпа и особенно восстание 1 декабря 1924 года привлекли к себе внимание пролетариата Западной Европы и поэтому руководители II Интернационала также были вынуждены проявить интерес к этим событиям. Один из лидеров эстонской социал-демократической партии М. Мартна ездил в Брюссель с целью убедить руководителей II Интернационала в том, что эстонский пролетариат якобы не имеет ничего общего с таллинским восстанием. Информацию «для подтверждения» своих заверений он получил от буржуазных правительственных учреждений.

ПРИЗЫВ О ПОМОЩИ К АНГЛИЙСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

Наряду с клеветнической кампанией эстонское правительство пыталось также организовать и непосредственную антисоветскую демонстрацию военно-политического характера и предпринимало шаги к тому, чтобы правительства империалистических держав стали на путь прямых угроз в адрес Советского Союза. По мнению заправил эстонской внешней политики, наиболее благоприятными были условия для реализации их антисоветских мероприятий в Лондоне, поскольку враждебный по отношению к Советскому Союзу курс внешней политики находившегося в то время у власти правительства Болдуина — Чемберлена — Черчилля был общеизвестен. Во Франции условия для проведения антисоветских выступ-

лений были менее благоприятны. Крайне реакционное правительство Пуанкаре в июле 1924 года ушло в отставку, и новое правительство радикалов и либералов во главе с Эррио вынуждено было считаться в известной мере с мнением широких народных масс. В октябре 1924 года, незадолго до таллинского восстания, Франция признала Советский Союз. В связи с этим представитель буржуазной Эстонии в Париже А. Шмидт в своем письме в министерство иностранных дел отмечал 3 декабря 1924 года, что эстонскому правительству следует проводить более активную политику в Лондоне, так как «психологический момент», создавшийся в Париже, для поставленной цели не подходит.[20]

Представители эстонского буржуазного правительства выступили перед английскими властями с явно антисоветскими предложениями. В первую очередь они хотели добиться «визита» кораблей английского флота в Таллин.

Сотрудники эстонской миссии в Лондоне уже 1 декабря 1924 года, сразу же по получении сообщения о восстании, предприняли по собственной инициативе необходимые шаги, обратившись к английскому правительству с просьбой направить в Таллин корабли английского военно-морского флота.

Посланник О. Каллас в своем дневнике писал, что «прогулка» британской эскадры в эстонские воды была бы полезной:

а) ибо это повысило бы чувство уверенности буржуазных кругов и запугало бы эстонский пролетариат;

б) Англия была бы вынуждена тем самым показать, что она окажет нам (эстонской буржуазии — *Х. А.*) поддержку и

в) этот шаг явился бы угрозой Советскому Союзу.[21]

Следовательно, «визит дружбы» британской эскадры должен был вылиться в демонстрацию против Советского Союза. Такова была точка зрения эстонского правительства в указанном вопросе. Министр иностранных дел К. Р. Пуста писал 3 декабря 1924 года эстонскому посланнику в Лондоне: «Предлагаю Вам повлиять на британское министерство иностранных дел и на адмиралтейство с тем, чтобы некоторые британские корабли не-

[20] ЦГАОР ЭССР.

[21] Там же.

медленно нанесли небольшой визит...».[22] К. Р. Пуста расценивал приглашение английской эскадры как прямую антисоветскую демонстрацию. Одновременно он дал распоряжение эстонской миссии: «Постарайтесь, чтобы британская военная миссия была отправлена в путь немедленно, об условиях можете договориваться сами».

Английское правительство, однако, не сочло нужным проводить прямую антисоветскую демонстрацию, какой являлось бы пребывание в эстонских водах английских военных кораблей. Руководящий работник министерства иностранных дел Англии Грегори заявил 5 декабря О. Калласу, что министр иностранных дел Чемберлен, который находился в это время в Париже, сообщил о своем решении не высылать эскадры,[23] так как министерство иностранных дел Англии не желает чрезмерно обострять отношения с Советским Союзом.

Несмотря на это, представитель эстонского министерства иностранных дел Ойдерман и сотрудники эстонской миссии в Лондоне продолжали настойчиво добиваться отправки английских кораблей в Эстонию. Так, Ойдерман посетил члена английского парламента Хэннона, экономические интересы которого были связаны с прибалтийскими странами. Последний обещал совместно с семью членами парламента потребовать от премьер-министра Болдуина обязательной отправки британской военной эскадры в Балтийское море.[24]

Исключительно неприятным сюрпризом для эстонского правительства было опубликованное 12 декабря в газете «Таймс» сообщение, из которого было видно, что эстонская буржуазия домогалась визита английских кораблей. Одновременно в этом сообщении говорилось, что эскадра выслана не будет.[25] На запрос эстонской миссии по этому поводу последовал ответ, из которого явствует, что статья была передана английским министерством иностранных дел. Выяснилось, кроме того, что английское правительство, опасаясь запроса парламентской группы лейбористов, а также в целях предотвращения последнего, дало указание опубликовать это сообщение в газете «Таймс». Один из сотрудников английского министерства

---

[22] ЦГАОР ЭССР.
[23] Там же.
[24] Там же.
[25] «Times», 10. XII 1924.

иностранных дел заявил, что пребывание на Таллинском рейде английских военных кораблей могло бы вызвать в Англии забастовку протеста.[26]

В результате настоятельной просьбы эстонской миссии спустя несколько дней после этого в газете «Таймс» была опубликована справка «Эстония и британский военно-морской флот»,[27] в которой сообщалось, что эстонское правительство якобы не приглашало английский флот в Таллин.

Таллинское восстание вызвало в правительственных кругах Англии большую тревогу. Министр иностранных дел Англии Чемберлен во время своей остановки в Париже в начале декабря 1924 года вел переговоры с французским премьер-министром Эррио. Восстание явно послужило поводом к тому, что на переговорах наряду с прочими вопросами обсуждалась также проблема борьбы против международного коммунистического движения. Сотрудник эстонской миссии в Париже Р. Каськ сообщал, что оба государственных деятеля договорились придерживаться единой линии в борьбе против коммунизма.[28] Аналогичная информация была получена эстонским посланником в Париже А. Шмидтом от заведующего европейским отделом министерства иностранных дел Франции.[29] В частности, Эррио объявил о решении французского правительства вести внутри государства более энергичную борьбу против коммунистов.

Несмотря на отказ английского правительства послать свою военную эскадру в Таллин, эстонское правительство продолжало упорно добиваться, чтобы английские империалисты оказали помощь в укреплении в Эстонии буржуазного строя и выступили с угрозой в адрес Советского Союза. 14 января 1925 года эстонский посланник О. Каллас нанес визит министру иностранных дел Великобритании Чемберлену и сообщил ему о желаниях эстонского правительства.

О. Каллас в беседе с Чемберленом подчеркнул, что если в Эстонии победит Советская власть, то коммунизм получит тем самым новый толчок для подъема во всем

[26] ЦГАОР ЭССР.
[27] «Times», 12. XII 1924.
[28] ЦГАОР ЭССР.
[29] Там же.

мире.[30] Кроме того, это нарушило бы равновесие сил на Балтийском море и в результате пострадала бы в первую очередь Англия, поскольку она проявляет реальный интерес к странам Прибалтики. Отказ Англии выслать свой флот, а также прочие факты поневоле вызывают сомнение в искренней заинтересованности Англии судьбой прибалтийских государств. В связи с этим О. Каллас сообщил о желании эстонского правительства получить от Англии моральную, а также дипломатическую и материальную помощь. Материальная помощь прежде всего заключалась бы в передаче Эстонии вооружения, тем более что этот вопрос обсуждался уже с предыдущим консервативным правительством. Что касается дипломатической помощи, то Англии следовало бы дать понять Советскому Союзу, что, если в прибалтийских государствах «возникнут волнения», то этим будут затронуты интересы Англии.

О. Каллас поинтересовался также, не предполагают ли страны Антанты направить Советскому Союзу совместную ноту по поводу деятельности III Интернационала. Чемберлен ответил на это отрицательно и заметил, что народ в каждой стране относится к коммунизму по-разному и, следовательно, борьба против коммунизма также ведется неодинаково. На предложение выступить с угрозой в адрес Советского Союза и заявить о своей заинтересованности в прибалтийских государствах Чемберлен дал ответ не сразу, а сказал лишь, что этот вопрос он должен согласовать с другими государственными деятелями.

Спустя некоторое время в печати ряда стран появились сообщения о том, что О. Каллас обратился к английскому правительству с предложением, которое привело бы по существу к установлению над Эстонией английского протектората.

В связи с болезнью Чемберлена ответ на эти предложения дал постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании Эрик Кроув. О. Каллас отмечает, что ответ был именно таков, как и следовало ожидать после событий 1 декабря. Кроув заявил, что Англия заинтересована в прибалтийских странах, но выступать против Советского Союза ради них она тем не менее не

---

[30] ЦГАОР ЭССР.

может. Этого невозможно добиться даже неофициальным путем, т. е. путем воздействия на печать. Английский государственный деятель прямо заявил: «В создавшейся обстановке мы считаем нецелесообразным любое выступление против русских и не хотим их дразнить».[31] Далее он отметил, что сообщает свою точку зрения для того, чтобы в Эстонии понапрасну не строили на этот счет иллюзий.

О. Каллас пожаловался также, что очень трудно воздействовать на английскую печать, и явно желал заручиться в этом вопросе поддержкой английского правительства. Эрик Кроув порекомендовал подыскать среди журналистов соответствующих людей, у которых можно вызвать интерес к Эстонии, и уже с их помощью попытаться воздействовать на общественное мнение, от которого в Англии зависит очень многое.

Таким образом, политика Англии в связи с таллинским восстанием 1 декабря принесла огромное разочарование тем представителям эстонской буржуазии, которые до конца придерживались проанглийской ориентации.

ЭСТОНИЯ И ПОЛЬША — ЗАСТРЕЛЬЩИКИ БАЛТИЙСКОГО СОЮЗА

Восстание 1 декабря оказало свое влияние и на развитие проблемы Балтийского союза. Естественно, что после восстания особенно интенсивно стали заниматься организацией союза именно эстонские правящие круги, стремясь тем самым создать оружие для защиты классовых позиций буржуазии, во-первых, против «собственного» трудового народа и, во-вторых, в целях проведения антисоветской внешней политики.

Во время восстания 1 декабря особенно отчетливо выявилась контрреволюционная сущность эстонско-латвийского союза. Как только в Риге были получены предварительные сообщения о восстании в Таллине, государственные деятели Латвии немедленно приступили к разработке мер по оказанию помощи для его подавления. Президент и главнокомандующий войсками обсуждали вопрос о необходимости выполнить свой союзниче-

[31] ЦГАОР ЭССР.

ский долг в отношении эстонского правительства и оказать последнему помощь.

Эстонская печать вновь стала уделять большое внимание Балтийскому союзу. Высказывалось единодушное мнение о необходимости создания такого союза и выражалась надежда, что «таллинские события» послужат, наконец, решающим толчком к его созданию.[32]

Проводя последовательную линию в сколачивании Балтийского союза, заправилы внешней политики Эстонии имели в виду интересы империалистов Запада и стремились выслужиться перед крупными империалистическими державами.

Исключительно характерными являются заметки эстонского посланника в Лондоне О. Калласа, написанные им под впечатлением событий 1 декабря: «Если мы сами объединимся, то и иностранная помощь будет нам оказана быстрее». И далее: «Сам не сплошаешь, тогда и бог поможет — будь тем богом англичанин либо француз».[33]

Очередная конференция министров иностранных дел Финляндии, Эстонии, Латвии и Польши, согласно первоначальному плану, намечалась на август 1924 года, однако под разными предлогами она все откладывалась. После восстания 1 декабря эстонское правительство стремилось возможно быстрее созвать конференцию, но правительственный кризис в Латвии и расхождения в вопросе о повестке дня затянули начало конференции, и она состоялась лишь в середине января 1925 года.

Правительственные круги империалистических держав, особенно Англии и Франции, проявляли большой интерес к предстоящей конференции в Хельсинки. В предшествующие годы, как известно, английское правительство было против вступления прибалтийских государств в союз с Польшей, поскольку это привело бы к усилению влияния Франции в Прибалтике. Исходя из этих соображений, Англия рекомендовала Эстонии, Латвии и Литве заключить тройственный союз. В 1924—1925 гг. влияние Англии возросло также и в Польше и поэтому позиция Англии в отношении Балтийского союза несколько изменилась. Следует тем не менее заметить,

---

[32] «Päevaleht», 6. XII 1924.
[33] ЦГАОР ЭССР.

что в период подготовки к конференции в Хельсинки главной направляющей силой являлось французское, а не английское правительство.

Перед конференцией в Хельсинки О. Каллас обратился к министру иностранных дел Англии Чемберлену с прямым вопросом: как отнесется Англия к созданию Балтийского союза с участием в нем Польши? На это Чемберлен ответил, что малые народы, т. е. прибалтийские страны, которым угрожают одинаковые опасности, должны объединится. Тем не менее на вопрос о том, следует ли Эстонии и Латвии объединится с Литвой или с Польшей, он не счел возможным давать советы.[34] Ведущая английская газета «Таймс», однако, выразила надежду, что литовско-польские взаимоотношения можно уладить, т. е. дала понять, что Литва не должна оставаться в стороне от Балтийского союза.[35] Газета «Дейли телеграф», ссылаясь на беседу Чемберлена с О. Калласом, отмечала, что еще не настало время для окончательного решения проблемы Балтийского союза.[36]

Постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании Эрик Кроу обратил внимание О. Калласа на трудности, связанные с созданием Балтийского союза, и подчеркнул, что в случае, если все же удастся создать военный союз, направленный против Советской страны, то это следует хранить в тайне, чтобы «не раздражать русских».[37]

Французское правительство в вопросе создания Балтийского союза проводило более активную политику. Эстонский представитель в Париже А. Шмидт получил от министерства иностранных дел Франции ряд совершенно ясных намеков на то, что там серьезно заинтересованы результатами Хельсинкской конференции. Так, заведующий прибалтийским отделом министерства иностранных дел Франции подчеркивал, что французское правительство желает видеть союз четырех государств, к которому позднее примкнула бы и Литва.[38] В случае, если не удастся заключить союз четырех государств, то следует согласиться на конвенцию о третейском суде.

[34] ЦГАОР ЭССР.
[35] «Times», 14. I 1925.
[36] «Daily Telegraph», 15. I 1925.
[37] ЦГАОР ЭССР.
[38] Там же.

Если и из этого ничего не получится, то необходимо заключить тройственный союз между Эстонией, Латвией и Польшей. Эстонскому представителю было объявлено, что такова официальная точка зрения министерства иностранных дел Франции.

А. Шмидт поспешил заверить, что эстонская делегация со своей стороны сделает все для достижения поставленной на конференции в Хельсинки цели. Он даже просил, чтобы Франция посоветовала польскому правительству не касаться «мелких вопросов» (т. е. спорных вопросов с Латвией), пообещав, что Эстония поступит таким же образом в отношении Латвии. На это Шмидту было сообщено, что французским посланникам в Варшаве и в Риге уже даны соответствующие инструкции.

За день до начала конференции в Хельсинки А. Шмидт сообщил из Парижа, что официальные круги министерства иностранных дел Франции и пресса ожидают от конференции «чего-то особенного», и ее завершение без ожидаемых результатов принесет разочарование.[39]

На конференции в Хельсинки предполагалось заключить арбитражный договор для решения спорных вопросов между участвующими в ней государствами. По этому вопросу предварительно велись длительные переговоры. Финляндией, Польшей и Эстонией были разработаны соответствующие проекты. Представленный Эстонией проект шел наиболее далеко и предусматривал передачу всех спорных вопросов, не решенных обычным дипломатическим путем, в третейский суд или в соответствующую комиссию по разрешению спорных вопросов. Выполнение решения этой комиссии зависело бы от доброй воли сторон, тогда как решение третейского суда являлось бы для сторон обязательным.[40]

Программа, предложенная Польшей, была значительно более скромной. Например, для передачи спорных вопросов в третейский суд она предусматривала согласие обеих заинтересованных сторон и т. д. С 9 по 12 декабря 1924 года в Хельсинки проходило совещание представителей Эстонии, Финляндии и Польши по вопросам арбитражного договора. Латвия в связи с правительственным кризисом на этом совещании не была представлена.[41]

[39] ЦГАОР ЭССР.
[40] II Riigikogu protokollide lisad. 7. istungjärk 1925. a., стр. 205.
[41] «Päevaleht», 11. XII 1924.

Точки зрения трех государств на совещании в Хельсинки удалось несколько сблизить путем компромисса.

В ходе подготовки к конференции в Хельсинки эстонскому правительству причинял большое беспокойство вопрос о том, как отнесутся к заключению союзнического договора между четырьмя государствами остальные участники конференции, поскольку официальной повесткой дня заключение подобного договора не предусматривалось. Определенное сомнение высказывалось и относительно участия Финляндии в заключении договора с Эстонией, Латвией и Польшей. В финской печати оживленно обсуждался вопрос о Балтийском союзе, причем ряд газет выступал против участия в нем Финляндии.[42] В эстонских и польских дипломатических кругах возникла идея запугать финское правительство возможностью создания эстонско-латвийско-польского тройственного союза. Так, эстонский посланник в Хельсинки А. Хеллат 10 января 1925 года писал, что эстонско-латвийско-польский союз произвел бы на финское правительство впечатление разорвавшейся бомбы: «Мне хотелось бы взглянуть в глаза финнам, когда мы договоримся с Польшей, а они окажутся в стороне».[43] Министр иностранных дел Польши граф Скшиньский намеревался перед поездкой в Хельсинки остановиться в Риге и в Таллине для подготовки согласованного выступления Польши, Латвии и Эстонии на конференции в Хельсинки с целью воздействия на Финляндию.[44]

Следовательно, еще до конференции в Хельсинки обсуждалась перспектива создания тройственного союза между Эстонией, Латвией и Польшей. Сведения, поступавшие из Польши, говорили о ее готовности заключить Балтийский союз. Польский официоз «Месседжер Полонез» опубликовал передовицу, в которой обосновывал необходимость заключения Балтийского союза.[45]

Эстонский посланник в Варшаве И. Леппик в своих докладах министерству иностранных дел сообщал, что польское правительство на этот раз желает добиться на конференции в Хельсинки реальных результатов. Так, заместитель премьер-министра Тугут заявил Леппику, что,

[42] «Правда», 15. I 1925; «Известия», 16. I 1925.
[43] ЦГАОР ЭССР.
[44] Там же.
[45] «Messager Polonais», 5. I 1925.

несмотря на возражения некоторых польских правительственных кругов против союза с такими слабыми государствами, как Эстония и Латвия, он не разделяет их мнения и является сторонником союза с прибалтийскими государствами. Тугут интересовался через Леппика позицией эстонского правительства в вопросе создания тройственного союза между Эстонией, Латвией и Польшей в случае, если Финляндия не согласится на такой шаг. Сам он считал необходимым заключить тройственный союз, а Финляндии предоставить время либо «подумать», либо «передумать». В своем ответе Леппик сообщил, что правительство Эстонии в этом вопросе стоит на совершенно аналогичной точке зрения. Факт заключения союза с Латвией доказывает, что Эстония не признает политики выжидания, а стремится последовательно к программе-максимум.[46]

Невзирая на то, что некоторые правые правительственные круги в Польше накануне конференции в Хельсинки не одобряли участия Польши в Балтийском союзе,[47] польское правительство и военное командование проводили деятельную политику по созданию указанного союза. Военный министр генерал Сикорский 24 декабря 1924 года обстоятельно доказывал эстонскому военному атташе в Польше Якобсену необходимость активной союзнической политики, выдвигая при этом прямые антисоветские цели. Сикорский отмечал также, что Эстонии и Латвии следовало бы повлиять на Финляндию в вопросе создания союза.[48]

Как для Польши, так и для Эстонии был неприемлем отказ Финляндии от участия в Балтийском союзе. Эстонский представитель в Варшаве Леппик отмечал, что, в случае отказа Финляндии присоединиться к Балтийскому союзу, мнения в польском правительстве по поводу создания тройственного эстонско-латвийско-польского союза могут разойтись, так как в правительстве известное большинство выступает против такого союза.[49]

Некоторые эстонские политики также считали нецелесообразным чрезмерное сближение с Польшей, особенно,

---

[46] ЦГАОР ЭССР.

[47] На это обращала внимание также и советская печать. См. «Правда», 11. I. 1925.

[48] ЦГАОР ЭССР.

[49] Там же.

если Финляндия не примет участия в союзе. В то же время министерство иностранных дел во главе с К. Р. Пуста держало прямой курс на заключение союза с Польшей.

Заправилы эстонской внешней политики были в некоторой степени обеспокоены тем, как отнесется латвийское правительство к заключению Балтийского союза с участием в нем Польши, поскольку между Латвией и Польшей длительное время существовали трения. Незадолго до начала конференции в Хельсинки министр иностранных дел Эстонии К. Р. Пуста ездил в Ригу, с тем, чтобы воздействовать на политических деятелей Латвии в этом вопросе. В интервью, которое Пуста дал одной из рижских газет, говорилось, что Балтийский союз фактически уже существует.[50]

Подобная активность министра иностранных дел Эстонии обратила на себя внимание международной общественности. Газета «Правда» опубликовала точку зрения финской печати, где отмечалось, что идеи создания Балтийского союза проводятся Эстонией прежде всего в связи с событиями 1 декабря.[51] Шведская, а также и английская печать отмечали особую заинтересованность Эстонии в создании Балтийского союза.[52] Газета «Дейли геральд» писала, что Пуста желает заключить на предстоящей конференции военный союз Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии.[53] О заинтересованности эстонского правительства в создании Балтийского союза писали и другие газеты.[54]

По пути в Хельсинки польский министр иностранных дел Скшиньский останавливался в Риге и в Таллине. В разговоре с Мейеровицем он подчеркивал, что в Хельсинки необходимо окончательно выяснить взаимоотношения между четырьмя государствами, ибо для праздных разговоров и взаимной информации министрам иностранных дел съезжаться не к лицу.[55] Как в Риге, так и в Таллине Скшиньский отмечал, что в случае отказа Финляндии участвовать в союзе с Эстонией, Латвией и

---

[50] «Сегодня», 5. I 1925.
[51] «Правда», 15. I 1925.
[52] «Svenska Dagbladet», 11. I 1925.
[53] «Daily Herald», 10. I 1925.
[54] «Litausche Rundschau», 20. I 1925. и др.
[55] ЦГАОР ЭССР.

Польшей все внимание следует сосредоточить на создании тройственного союза.

КОНФЕРЕНЦИЯ В ХЕЛЬСИНКИ В ЯНВАРЕ 1925 ГОДА

На конференции министров иностранных дел в Хельсинки, состоявшейся 16—17 января 1925 года, перед финским правительством был поставлен вопрос об участии его в политическом договоре совместно с Польшей, Латвией и Эстонией, примерно в таком же аспекте, как это предусматривалось Варшавским договором в 1922 году. При этом особенно подчеркивалось, что указанный договор может иметь самую безобидную форму, но должен тем не менее обеспечивать сотрудничество четырех государств. Финский министр иностранных дел Прокопэ, представлявший на конференции финское правительство, не соглашался ни на какой политический договор. Заключительный протокол конференции, составленный 17 января 1925 года, по существу ни к чему не обязывал ее участников.[56] В нем отмечалось лишь, что на конференции обсуждались международное политическое положение и возможности дальнейшего сотрудничества четырех государств.

В резолюциях конференции говорилось и о сотрудничестве в Лиге наций, об экономическом и культурном сотрудничестве, о торговых и пассажирских перевозках, об упрощении паспортных и таможенных формальностей и т. п. Следующую конференцию министров иностранных дел предполагалось созвать в Таллине.

Официально наиболее существенным достижением конференции в Хельсинки считалась конвенция об арбитраже и примирении, подписанная Эстонией, Финляндией, Латвией и Польшей. Согласно конвенции спорные вопросы, возникающие между странами, подписавшими договор, и не решенные в «надлежащий срок» дипломатическим путем, следовало передавать в специальную арбитражную комиссию или третейский суд. Подписанный в Хельсинки арбитражный договор имел урезанный характер, поскольку он не затрагивал территориального

[56] ЦГАОР ЭССР.

статута, а также внутреннего законодательства государств — участников договора.[57] Следовательно, те вопросы, которые обычно являются причиной споров между государствами, не входили в компетенцию арбитражной комиссии и третейского суда. Даже министр иностранных дел Латвии Мейеровиц сказал полномочному представителю СССР в Латвии Аралову, что по существу от арбитражного договора ничего не осталось и некоторые представители на конференции назвали его договором против арбитража.[58]

В эстонской буржуазной печати явно звучали нотки разочарования исходом конференции в Хельсинки. Так, газета «Ваба Маа» писала: «Прибалтийские конференции подобны модным психологическим романам: интригуют ужасно, но действие почти не развивается. А если иногда и имеется продвижение, то за этим обязательно следует встречный удар и все вновь укладывается в прежние рамки».[59]

Несмотря на то, что официально в Хельсинки политический союзнический договор не был подписан, эта конференция являлась тем не менее значительным мероприятием, направленным против Советского Союза. Как на некоторых других совещаниях министров иностранных дел прибалтийских государств, так и на конференции в Хельсинки, помимо официальной повестки дня, имелась еще и «неофициальная». По имеющимся данным, «неофициально» на конференции обсуждалось два вопроса: о возможностях расширения сотрудничества Эстонии, Латвии и Польши, направленного против Советского Союза, и об организации совместной борьбы против революционного движения трудящихся.

Конкретных документов, говорящих об обсуждении на конференции в Хельсинки планов сотрудничества Эстонии, Латвии и Польши, направленных против Советского Союза, обнаружить не удалось. Однако министр иностранных дел К. Р. Пуста сообщал 25 января 1925 года эстонскому посланнику в Лондоне по поводу конференции в Хельсинки: «Отрадно отметить, что найдена основа для более тесного сотрудничества между Эстонией, Латвией и Польшей. Не исключено, что удастся

[57] «Riigi Teataja», 1925, №. 63/64, стр. 334.
[58] Документы внешней политики СССР, т. VIII, стр. 95.
[59] «Vaba Maa», 21. I 1925.

привлечь и Литву».[60] Пуста просил проинформировать об этом министерство иностранных дел Англии. Министр иностранных дел Польши Скшиньский заверил комиссию по иностранным делам польского сейма, что на секретных переговорах в Хельсинки была разработана платформа для проведения согласованной политики.[61]

Достигнутую в Хельсинки тайную договоренность о сотрудничестве между Эстонией, Латвией и Польшей предполагалось в дальнейшем расширить вплоть до заключения военно-политического союза, в котором предусматривалось бы непременное участие Финляндии.

Журнал КПЭ «Классивыйтлус» («Классовая борьба») уже в феврале 1925 года опубликовал статью «Пограничные государства и конференция в Хельсинки», в которой говорилось: «Мы готовы заверить, что, помимо официальной повестки дня, имелась еще и вторая, о которой ничего не говорится и не пишется... и что там шла речь о координации борьбы против «коммунистической опасности».[62] Министр иностранных дел Финляндии Прокопэ действительно представил 17 января 1925 года специальное предложение о расширении сотрудничества четырех государств в их борьбе против революционного движения.[63] В этом предложении отмечалось, что интересы представленных на конференции государств требуют более эффективной борьбы с коммунистической пропагандой. В связи с этим следует более эффективно претворять в жизнь резолюции, принятые по данному вопросу 17 февраля 1924 года в Варшаве, активизировать сотрудничество соответствующих учреждений четырех государств, а также наладить обмен информацией о деятельности Коминтерна, о его планах и прочем и, конечно, о деятельности местных коммунистических организаций.

Предполагалось также сообщать друг другу сведения о рабочих организациях, причисляемых к коммунистическим, указывая об изменениях в их политической направленности, о съездах и членах этих организаций.

[60] ЦГАОР ЭССР.
[61] «Правда», 27. I 1925.
[62] «Klassivõitlus», 1925, №. 50, стр. 10.
[63] ЦГАОР ЭССР.

Особо подчеркивалась необходимость обмена сведениями в случае выявления фактов сотрудничества коммунистических организаций и левых профсоюзов нескольких государств, как-то: о съездах, переписке и т. п. Также предполагался обмен информацией о деятельности иностранцев, несовместимой с конституцией государства — участника договора. Исключительно важным считалось наблюдение за настроением лиц русской национальности.

Наряду с вышеуказанным министерствам иностранных дел надлежало внести своим правительствам предложения о финансировании «разъяснительной работы», направленной против коммунистической пропаганды.

Мероприятия, намеченные на конференции в Хельсинки и направленные на борьбу против революционного движения рабочего класса, дали определенные результаты. Как явствует из совместного письма в министерство иностранных дел заместителя начальника главного управления полиции и заведующего отделом охранной полиции, министр внутренних дел также считал указанное сотрудничество крайне необходимым.[64] С органами политической полиции Финляндии, Латвии и Литвы контакт был налажен уже в 1921 году, а с начальником политической полиции Польши — в конце декабря 1924 года, во время пребывания последнего в Таллине.

Министерство внутренних дел Эстонии предлагало созвать в Варшаве совещание начальников политической полиции прибалтийских государств, Финляндии и Польши. В связи с этим эстонский посланник в Варшаве И. Леппик получил от министерства иностранных дел указание предпринять необходимые шаги в министерстве иностранных дел Польши. В апреле 1925 года Леппик получил ответ, в котором говорилось, что польское правительство охотно примет на себя инициативу в указанном вопросе.[65]

Отмеченные факты наглядно свидетельствуют о том, что буржуазное правительство в своей политике по укреплению Балтийского союза в значительной степени руководствовалось внутриполитическими соображения-

[64] ЦГАОР ЭССР.
[65] Там же.

ми. Если в вопросах внешней политики между прибалтийскими странами, Финляндией и Польшей обнаруживались разногласия и противоречия, то в своей внутренней политике все указанные буржуазные правительства стремились к единой цели — к укреплению существующего буржуазного строя и к подавлению революционного рабочего движения.

9. АКТИВИЗАЦИЯ УСИЛИЙ ЭСТОНСКОГО БУРЖУАЗНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА, НАПРАВЛЕННЫХ НА СОЗДАНИЕ БАЛТИЙСКОГО СОЮЗА В 1925 ГОДУ

БОРЬБА ВОКРУГ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ

Как уже неоднократно упоминалось, на создание Балтийского союза, безусловно, оказывала влияние борьба империалистических держав, прежде всего Англии и Франции, за гегемонию в Прибалтике. Эта борьба особенно рельефно проявилась в 1925 году.

В международной жизни Европы, как известно, в 1925 году получила большой резонанс, с одной стороны, прогерманская политика Англии и Соединенных Штатов Америки и, с другой — политика Франции. Германское правительство предложило империалистическим державам заключить так называемый гарантийный пакт, который обеспечивал бы неприкосновенность франко-германской границы. Роль гаранта возлагалась на Англию. Германское правительство стремилось заручиться гарантией от повторения таких шагов, как оккупация Рура франко-белгийскими войсками в 1923 году, и одновременно «на всякий случай» сохранить свободу действий на Востоке.

Переговоры ряда стран по вопросу заключения гарантийного пакта продолжались до осени 1925 года. Правящие круги Франции видели в Германии опасного противника, который только временно был выбит из колеи и мог в короткий срок вновь оправиться. Именно по этой причине традиционная французская внешняя политика преследовала цель ослабить Германию.

США и Англия, наоборот, проводили в отношении Германии иную политику. Несмотря на резкие противоречия между империалистами Англии и США, эти государства стремились создать сильную реакционную Германию, которая могла бы в будущем напасть на Советский Союз. В интересах своей антисоветской политики империали-

сты Англии и Америки пытались сгладить противоречия между Германией и государствами-победителями в первой мировой войне и тем самым способствовали созданию «западного блока».

В 1924 году в результате принятия «плана Дауэса» был осуществлен крупный шаг в деле создания сильной Германии и восстановления ее военно-промышленного потенциала.

Заключение гарантийного пакта означало бы по существу дальнейшее развитие «плана Дауэса» в политическом отношении. Гарантируя неприкосновенность западных границ, в то время как вопрос о восточных границах оставался открытым, Германии указывали путь агрессии на восток, против Советского Союза. Не являлось тайной и то, что английская гарантия была бы направлена одновременно и против Франции. Придерживаясь традиционной политики равновесия сил на европейском континенте, правительство Англии стремилось сыграть на франко-германских противоречиях и оставить за собой решающее слово в международной жизни Европы.

Французская дипломатия, опасаясь чрезмерного усиления Германии, а также ее сближения с Англией и США, и замечая все возрастающую роль английского и американского империализма на европейском континенте, стала развивать в 1925 году лихорадочную деятельность по укреплению своих связей с остальными союзниками — Бельгией, Польшей и странами Малой Антанты. Борьба, которая велась между Англией и Францией, разумеется, отражалась и на их политике в прибалтийских странах, где обе державы стремились усилить свое влияние. Это являлось причиной заметных колебаний во внешней политике Эстонии. В эстонских правящих кругах по вопросу внешнеполитической ориентации существовали различные мнения, а это, в свою очередь, влияло на развитие и других внешнеполитических проблем.

Как уже было показано, в 1920-х годах во внешней политике Эстонии важную роль играла Англия. Поскольку по ряду международных вопросов Англия и Франция проводили неодинаковую политику, то многие государственные деятели Эстонии, например, председатель комиссии по иностранным делам Государственного собрания И. Лайдонер, руководящий работник министерства иностранных дел Ойдерман, эстонский посланник в Лон-

доне О. Каллас и другие, вели борьбу за проанглийскую ориентацию. Следует отметить, что уже 14 октября 1924 года Каллас представил министру иностранных дел Эстонии, председателю Государственного собрания и председателю комиссии по иностранным делам пространный доклад, касающийся вопросов внешнеполитической ориентации.[1]

О. Каллас рекомендовал разговоры об английской ориентации заменить более действенным и более тесным сотрудничеством между двумя государствами и предлагал в связи с этим подробную программу действий.

Он писал, что судьба Эстонии тесно и неотъемлемо связана с формированием будущей России. Именно поэтому буржуазии Эстонии следует возлагать свои надежды на Англию, а не на Францию, так как Англия не заинтересована в чрезмерном усилении России. Одной из мер по ослаблению России и является сохранение самостоятельности прибалтийских государств. Французская политика в отношении России в этом вопросе может оказаться изменчивой.

По мнению О. Калласа, Англия помогала прибалтийским странам в период гражданской войны потому, что это входило в программу интервенции, направленной против Советской России. Лишь значительно позднее обнаружилось, что прибалтийские государства могут сыграть «положительную роль» и в экономическом отношении.

Каллас считал, что необходимо уделить особое внимание более детальному ознакомлению английских правящих кругов с Эстонией. В случае, если деловые и политические круги Англии проявят интерес к Эстонии, можно будет рассчитывать и на английскую помощь. Эстонской буржуазии необходимо немедленно заручиться поддержкой Англии, ибо Россия пребывает в «летаргическом сне», а в Англии царит безработица. Именно поэтому политическое и экономическое значение прибалтийских стран в глазах Англии имеет в настоящее время бóльший вес, чем оно может иметь в дальнейшем.

Суммируя изложенное, О. Каллас рекомендовал эстонским государственным учреждениям и частным лицам по мере возможности заключать все свои торговые сдел-

---

[1] ЦГАОР ЭССР.

ки и добиваться займов в Англии, так как более крупные торговые закупки по существу являются и политическими сделками. Переплачиваемые при этом суммы правительство должно рассматривать, как своего рода «страховые сборы». Более крупные закупки он рекомендовал сосредоточить в руках какой-нибудь крупной фирмы или торгового объединения, имеющих в парламенте своих представителей.

О. Каллас предлагал наряду с этим пригласить в Прибалтийские государства английскую военную миссию, а также проводить работу по англо-эстонскому культурному сближению и т. п. Таким образом, Каллас предлагал заправилам эстонской внешней политики ясно выраженную программу полного и всестороннего закабаления Эстонии английским империализмом.

После восстания 1 декабря 1924 года О. Каллас вновь выдвинул предложение о необходимости установления всесторонних связей с английскими империалистами.[2] При этом он подчеркивал, что англичане не всегда готовы оказать помощь Эстонии, а лишь в зависимости от конкретных политических условий. Если эстонское правительство надеется на «защиту» Англии, то для этого необходимо выторговать у английского правительства какие-то определенные гарантии. Этого, однако, добиться очень трудно, так как Англия не любит заранее предрешать свою политику и, кроме того, в английской политике важное значение имеют торговые отношения. На последнее обстоятельство необходимо обратить серьезное внимание.

О. Каллас советовал передать английским коммерсантам концессии, снабжать топливом английский флот, разместить в Англии государственные заказы. О. Каллас подчеркивал, что эстонскому правительству следует занять вполне определенную позицию в этом вопросе и в целях обеспечения безопасности эстонской буржуазии выдвинуть «положительные предложения» английскому правительству. Он указывал также, что Англия может в порядке компенсации потребовать для себя в Эстонии некоторых политических привилегий.

Аналогичные предложения содержались в докладе сотрудника буржуазного министерства иностранных дел

[2] ЦГАОР ЭССР.

Ойдермана, представленном министру иностранных дел Эстонии. Этот доклад был составлен на основании впечатлений, сложившихся у него во время поездки по Западной Европе.[3] Ойдерман отмечал, что характерной чертой английской внешней политики на данном этапе является экономическая экспансия. Внешнюю политику Англии и ее экономическую экспансию определяют экономические интересы. В связи с этим он рекомендовал эстонскую внешнюю политику в отношении Англии строить на «экономических факторах», иными словами, поставить Эстонию в полную экономическую зависимость от Англии. В этом случае никаких «разочарований» и «сюрпризов» со стороны последней, конечно, не предвидится.

Председатель комиссии по иностранным делам Государственного собрания И. Лайдонер открыто встал на защиту проанглийской ориентации. 20 января 1925 года, выступая в Государственном собрании, он сетовал на обилие разговоров по поводу этой ориентации и обвинял правительство в отсутствии должной инициативы в вопросе сближения Эстонии и Англии.[4] И. Лайдонер отмечал также, что политические взаимоотношения и симпатии базируются на экономических началах, и предложил совершать государственные закупки в Англии, ибо это будет способствовать установлению хороших политических взаимоотношений.

Таким образом, в целях обеспечения «безопасности» эстонской буржуазии и осуществления антисоветской внешней политики эстонские буржуазные политиканы после восстания 1 декабря 1924 года стали вынашивать планы превращения Эстонии, по сути дела, в английскую полуколонию.

В 1925 году и правящие круги Англии стали проявлять к прибалтийским странам как экономический, так и политический интерес. В своем заявлении представителям печати эстонский министр иностранных дел К. Р. Пуста сообщил о все возрастающих «заинтересованности и уважении» к Эстонии и другим прибалтийским государствам, проявляемых Англией. Свидетельством тому является хотя бы тот факт, что английская эскадра, посетив-

---

[3] ЦГАОР ЭССР.

[4] II Riigikogu protokollid, 7. istungjärk 1925. a., стр. 141.

шая в 1925 году Таллин, была более представительной, чем в предыдущие годы.[5]

В период с 1925 по 1929 год, т. е. в годы временной, неустойчивой стабилизации капитализма, финансовая зависимость Эстонии от иностранного капитала, особенно английского, все возрастала.[6] В 1925 году состоялись переговоры по реализации крупного иностранного займа. Договор о предоставлении Эстонии займа в размере 100 тыс. фунтов стерлингов был подписан в Лондоне уже в декабре 1924 года, однако прежде чем предоставить более крупный заем, представители английского монополистического капитала сочли необходимым детально ознакомиться с экономикой Эстонии. С этой целью в Эстонии побывал ряд представителей английских деловых кругов.

Еще осенью 1924 года в Лиге наций была достигнута договоренность об отправке в Эстонию специалистов по экономике. В январе 1925 года в Эстонию прибыл первый помощник генерального секретаря Лиги наций Авеноль и заведующий экономическим отделом этой организации Ловедэй. Указанные представители, разумеется, не были заинтересованы во всестороннем развитии эстонской экономики. Они стремились превратить Эстонию в аграрно-сырьевой придаток империалистических держав и в рынок для сбыта их товаров. Именно поэтому Авеноль заявил, что основной отраслью народного хозяйства Эстонии должно оставаться сельское хозяйство, так как только в нем заключается фактор «социальной стабильности» и «источник зажиточности» Эстонии.[7]

Представители Лиги наций составили отчет об экономическом положении Эстонии, который был затем одобрен финансовым комитетом Лиги наций.

Вслед за визитом указанных лиц Эстонию посетили различные политические деятели и представители деловых кругов Англии. В январе 1925 года здесь побывал член английского парламента П. Дауэсон, проявивший интерес к эстонскому сланцу. Он заключил договор на аренду и эксплуатацию шахты «Ванамыйза». Защищая

[5] «Päevaleht», 29. V 1925.

[6] См. Õ. Elango. Kodanliku Eesti sõltuvuse süvenemine väliskapitalist aastail 1925—1929. «Известия Академии наук Эстонской ССР», 1954, т. III № 3.

[7] «Päevaleht», 20. I 1925.

интересы английских промышленников, Дауэсон высказал предположение, что эстонская металлообрабатывающая промышленность не имеет будущности, а также выразил удовлетворение тем, что завод «Двигатель» начал изготовлять деревянные катушки для ниток. Он особенно подчеркнул значение английского влияния в Прибалтике и заявил: «Эстония должна стать базой для британской торговой и промышленной экспансии в России, когда для этого наступит подходящий момент».[8] П. Дауэсон высказал мнение, что политические интересы Англии к Эстонии будут возрастать по мере увеличения ее экономической заинтересованности.[9]

В Эстонии побывал также вице-председатель нижней палаты английского парламента Хоуп. В феврале 1925 года сюда прибыл генеральный секретарь Лиги наций Э. Друммонд, а в июне того же года состоялся визит директоров наиболее крупных английских банков.

Все вышеизложенное и целый ряд других фактов свидетельствовали о стремлении английского финансового капитала проникнуть глубже в экономику Эстонии. По имеющимся данным, в 1926 году в народное хозяйство Эстонии было инвестировано 3,71 млн. фунтов стерлингов, из них в промышленность — 2,36 млн. фунтов стерлингов. Из названной суммы свыше 2/3 (68—70%) приходилось на долю английского капитала.[10]

Существенным фактором, обусловливавшим зависимость буржуазной Эстонии от английского империализма, явились иностранные долги. Эстонское правительство обязано было выплачивать Англии стоимость вооружения, военного снаряжения и боеприпасов, которыми английские империалисты снабжали эстонскую буржуазию в период иностранной интервенции и гражданской войны. Точный размер военных долгов, а также условия их уплаты не были зафиксированы вплоть до 1925 года. В целях урегулирования долговых вопросов летом 1925 года в Англию был послан бывший главнокомандующий эстонскими вооруженными силами, председатель комиссии по иностранным делам Государственного собрания И. Лайдонер.

---

[8] ЦГАОР ЭССР.

[9] «Vaba Maa», 23. I 1925.

[10] Э. И. Брандт, Создание экономического базиса социализма в Эстонской ССР. Таллин, 1957, стр. 20.

Как явствует из отчета И. Лайдонера министру финансов, вначале английское правительство предъявило требование на уплату 1.109.945 фунтов стерлингов.[11] Эстонским представителям после длительных переговоров удалось указанную сумму в какой-то мере уменьшить, и конечная цифра военных долгов Эстонии была определена в 917.200 фунтов стерлингов.

Согласно договору, подписанному 24 июля 1925 года, эстонское правительство обязывалось ежегодно выплачивать Англии в период с 1926 по 1940 год по 40 тыс. фунтов стерлингов и с 1941 по 1955 год — по 50 тыс. фунтов стерлингов.[12]

Невзирая на то, что Эстония все увереннее входила в кильватер английского империализма, некоторые буржуазные политики в интересах создания «большого» Балтийского союза и сотрудничества с Польшей серьезно считались с курсом французского правительства. О «чисто французской» ориентации, правда, никто из них не говорил, тем не менее министр иностранных дел К. Р. Пуста, лидер партии трудовиков О. Штрандман, эстонский посланник в Берлине К. Меннинг, эстонский представитель в Париже А. Шмидт и ряд других лиц считались также с французскими империалистами и в своей внешней политике опирались как на Англию, так и на Францию. Например, когда К. Меннинг 8 января 1925 года в своем докладе сослался на уже зафиксированное мнение о том, что до тех пор, пока Антанта (т. е. Англия и Франция) проводит единую политику, Эстонии не нужна «сугубо проанглийская» ориентация, министр иностранных дел Пуста на полях доклада написал: «Абсолютно верно!»[13]

Таким образом, в 1925 году в эстонской внешнеполитической ориентации отчетливо выявились два направления. Поскольку и Англия, и Франция стремились утвердить в Эстонии свое влияние, то оба направления имели влиятельных покровителей в лице правящих кругов названных держав. Но так как одной из основных целей министра иностранных дел К. Р. Пуста было создание «большого» Балтийского союза с участием в нем Польши, а его личные симпатии были на стороне Фран-

[11] ЦГАОР ЭССР.
[12] «Riigi Teataja», 1925, №. 197/198, стр. 1145 и сл.
[13] ЦГАОР ЭССР.

ции, то внешняя политика Эстонии в целом, особенно в начале 1925 года, носила отпечаток французской ориентации.

Министерство иностранных дел Франции, а также французский посланник в Таллине де Вьенн на любой шаг, свидетельствовавший о сближении Эстонии и Англии, реагировали отрицательно. Так, по поводу выступления И. Лайдонера в Государственном собрании, где он высказался в защиту английской ориентации, де Вьенн запросил К. Р. Пуста. Последний заверил, что Эстония в своей внешней политике опирается на англо-французский союз и эстонское правительство будет очень сожалеть, если оно вдруг вынуждено будет решать, идти ли совместно с Англией, или с Францией.

В то время как К. Р. Пуста с большой охотой следовал инструкциям, получаемым от французского правительства, министр иностранных дел Латвии З. Мейеровиц и латвийское правительство, невзирая на прямой нажим со стороны французской и польской дипломатии, очень скептически относились к сотрудничеству с Польшей. Министр иностранных дел Латвии стремился к тому, чтобы эстонское правительство пошло навстречу Литве, являвшейся инициатором созыва конференции министров иностранных дел Эстонии, Латвии и Литвы, а также координирования внешней политики, урегулирования экономических связей и обсуждения прочих вопросов.

Французский посланник де Вьенн в беседе с латвийским министром иностранных дел во время пребывания последнего в Таллине 25 февраля 1925 г. настаивал на том, чтобы Латвия отказалась от сотрудничества с Литвой и пошла на сближение с Польшей. Де Вьенн сообщил о полученных им от французского правительства инструкциях в отношении французской политики в Прибалтике и заметил: «Я не советовал бы Вам проводить политику саботажа в отношении Польши и сепаратистскую политику в отношении Литвы».[14] Таким образом, французское правительство предупредило Латвию о нежелательности ее сближения с Литвой и рекомендовало союз прибалтийских государств с участием Польши. Де Вьенн открыто заявил: «Франция, естественно, желала

[14] ЦГАОР ЭССР.

бы видеть, чтобы объединение осуществлялось вокруг ее союзника — Польши». Он отметил также, что Франция имеет тесный контакт с Румынией и французское правительство не желает, чтобы Румыния оставалась в стороне от участия в данной комбинации: «Ваше личное дело найти путь к такому сближению». Французский посланник указал также на необходимость сотрудничества генеральных штабов.

Спустя несколько дней литовский посланник Аукстолис сделал попытку заручиться согласием эстонского министра иностранных дел на участие Эстонии в конференции трех прибалтийских государств, заметив при этом, что указанное совещание поддерживает Англия. Латвийское правительство было согласно с программой конференции. К. Р. Пуста, ссылаясь на нежелательность чрезмерной шумихи, которую может вызвать конференция министров иностранных дел, отказался от участия в ней и порекомендовал предварительно созвать совещание экспертов.[15]

В действительности же К. Р. Пуста допускал возможность сближения с Литвой лишь при условии, если Литва согласится на передачу Польше Вильнюсского округа и улучшит свои взаимоотношения с ней.

«БОЛЬШАЯ ПОЛИТИКА» МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ К. Р. ПУСТА

Между представителями польского правительства и министром иностранных дел К. Р. Пуста, а также некоторыми другими представителями эстонского правительства в 1925 году происходили неоднократные переговоры и было налажено интенсивное сотрудничество по линии как министерств иностранных дел, так и генеральных штабов. В связи с общими сдвигами в международной жизни польское правительство в этот период уделяло внимание укреплению связей с прибалтийскими государствами. В марте 1925 года эстонский военный атташе в Варшаве Якобсен сообщил о заявлении польского военного министра генерала Сикорского о том, что в связи со сложившейся международной обстановкой в

[15] ЦГАОР ЭССР.

Европе Польше следует проводить более активную политику в отношении Прибалтики.[16]

В феврале 1925 года внимание внешнеполитических кругов ряда стран привлекла поездка министра иностранных дел К. Р. Пуста в Варшаву, где он вел переговоры со многими государственными деятелями. Представителям печати Пуста заявил, что по вопросам внешней политики между Польшей и Эстонией царит полное согласие, а также имеется стремление укрепить существующий контакт.[17] Несмотря на попытки эстонского правительства придать поездке Пуста видимость ответного визита на визит польского министра иностранных дел Скшиньского в Таллин, на деле эта поездка являлась шагом по осуществлению антисоветского сговора.

Член коллегии Наркомата иностранных дел СССР В. Коп телеграфировал полномочному представителю СССР в Польше М. Л. Войкову, что К. Р. Пуста в Риге уговаривал Мейеровица присоединиться к польско-эстонскому союзу.[18]

Народный комиссариат иностранных дел СССР обратил внимание эстонского посланника А. Бирка на враждебную в отношении Советского государства деятельность эстонского правительства по сколачиванию Балтийского союза. 5 февраля 1925 года А. Бирк сообщил о своей беседе с В. Коппом, в которой прибалтийские государства предупреждались о возможности быть втянутыми в антисоветские блоки.[19] Вскоре Коп сделал вторичное предупреждение, указывая, что такая политика эстонского правительства враждебна Советскому Союзу и не способствует улучшению взаимоотношений между обоими государствами.

Визит К. Р. Пуста не остался без вниманияи в германских внешнеполитических кругах. Эстонский посланник К. Меннинг сообщил из Берлина, что там поездка Пуста в Варшаву была воспринята как проявление враждебного отношения к Германии.[20]

Даже министр иностранных дел Латвии Мейеровиц обратил внимание эстонского посланника Ю. Сельямаа

---

[16] ЦГАОР ЭССР.
[17] «Päevaleht», 13. II 1925.
[18] Документы внешней политики СССР, т. VIII, стр. 120.
[19] ЦГАОР ЭССР.
[20] Там же.

на то, что Польша стремится установить в Латвии и Эстонии свое влияние и с этой целью в Варшаву приглашены министры иностранных дел Латвии и Эстонии. Мейеровиц подчеркнул, что он отказался от предложения посетить Варшаву.[21] Особено большое возмущение вызвала поездка Пуста в Варшаву в литовских правительственных кругах, тем более, что Пуста отказался приехать в Каунас.

Как мы видим, визит министра иностранных дел Эстонии в Варшаву привлек к себе значительно бóльшее внимание, чем обычный «визит вежливости». Несомненно, что в Варшаве была достигнута договоренность о всестороннем сотрудничестве между Эстонией и Польшей. Красноречивым доказательством этого является последовавший вслед за этим визит первого помощника начальника польского генерального штаба генерала Кесслера в Таллин. В ходе подготовки к указанному визиту, который, кстати, должен был состояться тайно, военный представитель буржуазной Эстонии Якобсен вел также переговоры с начальником польского генерального штаба Галлером. Последний заявил, что подобными визитами зачастую достигаются бóльшие результаты, чем на официальных конференциях.[22]

Известно, что генерал Кесслер действительно побывал в Таллине, встречался здесь с членами правительства, а также с военными представителями и остался очень доволен результатами переговоров.

Очередным мероприятием, направленным против Советского Союза, было совещание представителей генеральных штабов Финляндии, Эстонии, Латвии, Польши и Румынии, которое состоялось в Риге 31 марта — 2 апреля 1925 года. На этом совещании обсуждались прежде всего позиции указанных государств в вопросе о разоружении в связи с рассмотрением его в Лиге наций. Все участники совещания единодушно выступили против фактического уменьшения вооружения своих стран. В принятом решении подчеркивалось, что «в государствах, о которых идет речь, еще не имеется минимальных военных сил, необходимых для обеспечения безопасности и сохранения существующего положения».[23] Следователь-

[21] ЦГАОР ЭССР.
[22] Там же.
[23] Там же.

но, представители генеральных штабов Эстонии, Латвии, Польши и Румынии вели переговоры не о разоружении, а, наоборот, о необходимости увеличения вооружения указанных государств. Далее в решении отмечалось, что разоружение можно провести лишь при наличии вполне определенных и действенных гарантий, обеспечивающих безопасность названных государств. В решении отмечалось следующее: «На разоружение нельзя смотреть как на средство, с помощью которого достигается всеобщая безопасность между государствами, наоборот, разоружение необходимо рассматривать прежде всего как следствие гарантированной безопасности». Таким образом, представители генеральных штабов Эстонии, Латвии, Польши и Румынии на совещании пришли к такому же заключению, как и французские империалисты при обсуждении этого вопроса в Лиге наций, которое привело к срыву рассмотрение вопроса о разоружении.

На указанном совещании в Риге, безусловно, обсуждались также планы совместных антисоветских действий вооруженных сил четырех государств. Советские историки отмечают, что конечной целью совещания являлась или разработка единого мобилизационного плана для антисоветской войны,[24] или обсуждение вопроса о создании военного союза этих государств.[25]

Советская печать наглядно разоблачала роль империалистических держав и Польши в организации военного сотрудничества пограничных с Советским Союзом государств и указывала, что Эстония готова заключить тройственный союз с Латвией и Польшей, тогда как Латвия в этом вопросе пока еще колеблется.[26] В связи с активизацией антисоветской политики консервативного английского правительства в 1925 году в советской печати сначала было высказано предположение, что совещание генеральных штабов организовано английским правительством.[27] Позднее, однако, указывалось, что в проведении этого мероприятия значительная роль принадлежит Франции и Польше. Из германской печати ши-

---

[24] Н. Л. Рубинштейн. Внешняя политика Советского государства в 1921—1925 годах, М., 1953, стр. 521.

[25] Ф. Д. Волков. Англо-советские отношения 1924—1929 гг. М., 1958, стр. 139.

[26] «Правда», 9. IV 1925.

[27] «Известия», 27. III 1925; «Беднота», 2. IV 1925.

роко распространилось сообщение о том, что в Рижском совещании принимали участие французские офицеры, но оно было опровергнуто позднее официальными представителями французского правительства.

Антисоветские происки эстонской буржуазии были разоблачены и Коммунистической партией Эстонии. Так, журнал КПЭ «Классивыйтлус» («Классовая борьба») обратил внимание своих читателей на то, что в результате политики эстонского буржуазного правительства Эстония попадет в зависимость от Польши и что во время взаимных визитов и совещаний вынашиваются замыслы и строятся планы, направленные против Советского Союза.[28]

Французское правительство с одобрением отнеслось к тесному сотрудничеству Эстонии и Польши. Министр иностранных дел Эстонии К. Р. Пуста во время своей поездки по Западной Европе в марте 1925 года не замедлил использовать все возможности для укрепления связей с французскими государственными деятелями.

По поводу своих бесед с президентом и премьер-министром Франции Пуста заявил: «У меня создалось впечатление о доброжелательном отношении и прекрасной осведомленности этих высокопоставленных представителей власти о событиях внутри нашей страны и о наших внешних взаимоотношениях, а также о том, что в Париже с интересом следят за нашим экономическим сближением с Латвией».[29]

Эстонский представитель в Париже А. Шмидт сделал ряд записей о беседе К. Р. Пуста с премьер-министром Франции Эррио, состоявшейся 23 марта 1925 года,[30] которые указывают на тесную связь между К. Р. Пуста и французскими государственными деятелями. Так, Пуста поблагодарил Эррио за любезные личные послания, тогда как Эррио в свою очередь заявил, что в случае, если у Эстонии возникнут какие-либо «опасения», то министру иностранных дел следует написать об этом непосредственно ему. Эррио отметил также, что он пристально следит за поездками Пуста и ему импонирует спокойный метод работы последнего. Здесь имелась в виду активность Пуста в деле укрепления Балтийского союза.

[28] «Klassivõitlus», 1925, № 58, стр. 10.
[29] «Vaba Maa», 1. IV 1925.
[30] ЦГАОР ЭССР.

В указанной беседе была затронута также проблема Германии, т. е. вопрос о заключении так называемого гарантийного пакта. Эррио заметил, что германские предложения необходимо взвесить и принять, если они окажутся приемлемыми. Французское правительство особенно рекомендует Германии вступить в Лигу наций.

Политика ведущих империалистических держав — Англии, США и Франции, проводимая ими в 1925 году в отношении Германии, свидетельствовала о росте международного значения последней. Эстонское правительство учитывало это обстоятельство и стремилось установить с Германией более тесный контакт. К осуществлению этого шага приступил опять-таки министр иностранных дел К. Р. Пуста, которого до этого считали недружелюбно настроенным к Германии. Еще в феврале 1925 года эстонский посланник в Берлине К. Меннинг сообщал, что Пуста считают там сторонником Франции, враждебно относящимся к Германии.[31] Это не помешало, однако, Пуста уже во второй половине марта 1925 года приступить в Берлине к дружественным переговорам с германским министром иностранных дел Штреземаном и другими ведущими внешнеполитическими деятелями. Из Берлина Пуста привез проекты арбитражного договора и конвенции о третейском суде.[32] Некоторые перемены в отношениях Пуста к Германии были вызваны, по-видимому, известными изменениями в политике Франции в этом вопросе.

Профранцузская и пропольская ориентация К. Р. Пуста вызывала недовольство тех политических кругов Эстонии, которые считали целесообразным ориентироваться на Англию. Вскоре после возвращения Пуста в Таллин газеты сообщили о противоречиях, возникших между министром иностранных дел и членами Государственного собрания. Говорилось также об уходе Пуста с поста министра иностранных дел. Газета «Пяэвалехт» писала, что министр иностранных дел проводит чересчур активную политику, а маленькая Эстония не может диктовать в международной политике и ей следует поэтому «координироваться с течением международной политики».[33] Министру иностранных дел давали понять, что ему

[31] ЦГАОР ЭССР.
[32] «Vaba Maa», 1. IV 1925.
[33] «Päevaleht», 7. IV 1925.

необходимо учитывать все возрастающее международное значение Англии.

Конфликт между министром иностранных дел и комиссией по иностранным делам Государственного собрания в некоторой мере уладился, и К. Р. Пуста остался на посту министра иностранных дел, но теперь в своей деятельности он вынужден был считаться с Англией как с основной силой, влияющей на политику прибалтийских стран, а также принимать в расчет стремление эстонской буржуазии заручиться прежде всего поддержкой Англии. Эстонское правительство однако, по-прежнему стремилось к тесному сотрудничеству с Польшей. Эстонский посланник в Варшаве И. Леппик сообщил 19 мая 1925 года, что в министерстве иностранных дел Польши высоко ценят деятельность К. Р. Пуста, который сумел «заставить» министра иностранных дел Латвии Мейеровица «здраво мыслить» по ряду вопросов и тем самым избежать обострения латвийско-польских взаимоотношений.[34] В мае 1925 года Польшу посетила эстонская парламентская делегация, и польская печать в связи с этим опубликовала восторженные статьи о польско-эстонском сотрудничестве[35] и даже не пыталась скрыть того, что это сотрудничество мыслилось в качестве барьера против Советского Союза.

По решению Хельсинкской конференции, которая состоялась в январе 1925 года, очередную конференцию министров иностранных дел Финляндии, Эстонии, Латвии и Польши намечалось провести в августе того же года в Таллине. Эстонское правительство и особенно министр иностранных дел К. Р. Пуста в ходе подготовки к совещанию стремились сделать все возможное, чтобы заключить наконец союзнический договор между всеми четырьмя государствами. Польша не возражала против заключения такого договора. Имелось также непосредственное и многократное благословение на это французского правительства. Тем не менее при реализации антисоветских замыслов возникал вопрос, каким путем можно добиться согласия финского правительства на подписание союзнического договора и как преодолеть постоянные колебания и сомнения правительства Латвии.

---

[34] ЦГАОР ЭССР.

[35] «Messager Polonais», 16. V 1925, 17. V 1925.

Требовалось также более тщательно изучить позицию Англии в вопросе о Балтийском союзе.

Опыт подсказывал, что финское правительство не желает участвовать совместно с Прибалтийскими государствами в военнополитических договорах, направленных против Советского Союза. Летом и осенью 1925 года также не имелось предпосылок для заключения такого договора. Эстонский посланник в Хельсинки неоднократно и в неуважительном тоне говорил о слабости финского правительства и заявлял, что финский министр иностранных дел Идман является не просто нулем, а тремя нулями и что нет надежды на его активное участие в создании Балтийского союза.[36]

Учитывая это, министр иностранных дел К. Р. Пуста составил проект с виду весьма невинного политического договора, который, по его мнению, был приемлем для правительств всех четырех государств. Проект указанного договора, который иногда называли также «Балтийским протоколом», не содержал военных положений, а предусматривал лишь продолжение сотрудничества между четырьмя государствами и периодический (два раза в год) созыв конференций министров иностранных дел. Наряду с этим предполагалось заключить ряд договоров и соглашений, которые обеспечили бы более тесную связь между Эстонией, Латвией, Финляндией и Польшей, а также их совместное выступление на международной арене. Партнеры по договору обязывались также сообщать друг другу о всех соглашениях и конвенциях, заключаемых ими с другими иностранными государствами.[37]

Следовательно, суть проекта договора, разработанного К. Р. Пуста, заключалась в том, чтобы сначала подписать между четырьмя государствами политический договор общего характера, а затем постепенно дополнять его различными специальными соглашениями, например, соглашением о военном сотрудничестве и т. п. Польский министр иностранных дел Скшиньский одобрил этот проект.

В июле-августе 1925 года эстонский министр иностранных дел К. Р. Пуста предпринял поездку по Западной

---

[36] ЦГАОР ЭССР.
[37] Там же.

Европе. Представителям печати он сообщил, что одной из конечных целей его поездки является сбор и передача информации в связи с предстоящей конференцией министров иностранных дел Финляндии, Эстонии, Латвии и Польши.[38] В связи с этой поездкой немецкая печать обратила внимание на необычайную активность К. Р. Пуста в деле создания Балтийского союза и отметила, что «силы, приводящие в движение политику содружества прибалтийских государств, сосредоточены в Таллине.[39] Естественно, поездка министра иностранных дел преследовала еще и иные цели. Главный редактор газеты «Пяэвалехт» Ребане выразил надежду, что взаимоотношения между Эстонией и Англией в связи с поездкой Пуста станут более дружественными.[40]

Газета «Известия», комментируя поездки министров иностранных дел Эстонии и Латвии в Западную Европу, писала, что эти поездки были обусловлены борьбой Англии и Франции за влияние в Прибалтике. В этой же статье было сделано меткое замечание о неудобстве иметь двух господ, особенно когда эти господа между собой не ладят.[41]

Министр иностранных дел Эстонии был явно озабочен политикой Англии в вопросе о Балтийском союзе. Можно было опасаться, что Англия не одобрит союз Финляндии, Эстонии и Латвии с Польшей, если в него не войдет Литва.

Известно, что во время беседы К. Р. Пуста с министром иностранных дел Англии Чемберленом была затронута проблема Балтийского союза. Позднее Пуста утверждал, что английский министр иностранных дел не имел возражений против союза прибалтийских государств с Польшей.

В связи с пребыванием Пуста в Англии в английской печати приводились сведения об экономической жизни Эстонии. В интервью Пуста органу английских финансовых кругов высказывалась надежда, что английские капиталисты проявят интерес к экономике Эстонии и что в связи с этим Эстонии будет предоставлен долгосрочный заем.[42]

[38] «Päevaleht», 23. VII 1925.
[39] «Vossische Zeitung», 27. VII 1925.
[40] «Päevaleht», 1. VIII 1925.
[41] «Известия», 22. VIII 1925.
[42] «Financial News», 29. VII 1925.

Министр иностранных дел Эстонии посетил также Брюссель, Париж и Берлин. По возвращении в Таллин Пуста заявил представителям печати, что за сотрудничеством прибалтийских государств повсеместно очень внимательно следят и проявляют интерес к соответствующим конференциям.

На обратном пути из Западной Европы эстонский министр иностранных дел остановился в Риге и провел совещание с министром иностранных дел Латвии Мейеровицем. Летом 1925 года Мейеровиц также совершил большое турне по Западной Европе. Правительственные круги Франции во время пребывания Мейеровица в Париже пытались склонить его к заключению союза с Польшей. Эстонский представитель в Париже А. Шмидт в своем докладе 23 июня 1925 года отмечал, что министерство иностранных дел Франции выразило удовлетворение по поводу визита Мейеровица.[43] Последний согласился на участие в конференции совместно с Польшей. Конференцию с участием Литвы предполагалось провести позднее.

Поскольку мнения министров иностранных дел Эстонии и Латвии совпадали, то Пуста и Мейеровиц очень быстро нашли общий язык. Мейеровиц заявил, что на конференции в Таллине необходимо добиться реальных результатов, ибо в противном случае польское правительство может вполне обоснованно задать вопрос, в чем заключается смысл сотрудничества Польши и прибалтийских стран, если они не связаны между собой никакими договорами. Пуста в свою очередь подчеркнул, что в случае, если Финляндия откажется от союза с Эстонией, Латвией и Польшей, то министр иностранных дел Польши Скшиньский внесет предложение о заключении тройственного союза между Эстонией, Латвией и Польшей.

Но программа заключения указанного тройственного союза не была приемлема ни для латвийского, ни для эстонского правительств. Поскольку было нежелательно, чтобы Финляндия оставалась в стороне, то проект договора между четырьмя государствами («Балтийский протокол»), разработанный министром иностранных дел Эстонии, было решено передать для ознакомления финскому правительству в качестве совместного эстонско-латвийского предложения. Проведение соответствующих

---

[43] ЦГАОР ЭССР.

переговоров с Финляндией было поручено К. Р. Пуста. Кроме того, была достигнута также договоренность об усилении контакта между Эстонией и Латвией и о проведении встреч министров иностранных дел двух государств не реже одного раза в месяц.[44]

БЕССЛАВНЫЙ КОНЕЦ

Небезынтересно отметить, что Мейеровиц, хотя он и заявил Пуста о своей готовности сотрудничать с Польшей, на деле продолжал по-прежнему колебаться в выборе курса между Литвой и Польшей.

19 августа 1925 года министр иностранных дел Эстонии выехал в Хельсинки, чтобы ознакомиться с мнением финского правительства по вопросу о Балтийском союзе.[45] В беседе с президентом Финляндии Л. Реландером Пуста заявил, что польское правительство ожидает от предстоящей конференции в Таллине более определенных и серьезных результатов, в противном случае сотрудничество с Польшей будет поставлено под вопрос. Исходя из этого, на конференции в Таллине следует зафиксировать основные принципы сотрудничества государств — предполагаемых партнеров по Балтийскому союзу. Пуста счел необходимым подчеркнуть особенно тот факт, что как французское, так и английское правительства поддерживают идею создания Балтийского союза. При этом Пуста даже не пытался скрыть, что Эстония была прежде всего заинтересована в заключении союза с Польшей, с государством, сильным в военном отношении: «Нас [эстонскую буржуазию — *Х. А.*] Польша интересует как кулак против восточного соседа...»

Президент Финляндии, однако, не выразил особого восторга по поводу союза с Польшей. Он, наоборот, отметил, что является другом Швеции и Германии, а Германия и Польша никогда не смогут стать друзьями. Реландер заявил также, что он лично является сторонником сближения и с Эстонией, и со Скандинавией, а также стремится к союзу Финляндии с Эстонией и Латвией, так как последняя является союзником Эстонии. Но трем

---

[44] ЦГАОР ЭССР.
[45] Там же.

указанным государствам следует тем не менее искать сближения и со Скандинавией.

Министр иностранных дел Финляндии Идман отметил в свою очередь, что Финляндия не может принять программу, которую предлагает Пуста. Наряду с этим Идман рекомендовал созвать 5 и 6 сентября 1925 года в Женеве перед началом сессии Ассамблеи Лиги наций совещание министров иностранных дел указанных четырех государств. Пуста не оставалось ничего иного, как согласиться с этим предложением.

На следующий день, 20 августа 1925 года, финский посланник в Таллине Р. Хольсти передал эстонскому правительству ноту, в которой уже официально предлагал отложить рассмотрение вопросов, намеченных к обсуждению на Таллинской конференции. Таким образом, финское правительство, по существу, отказалось участвовать в Таллинской конференции и в обсуждении дальнейших перспектив сотрудничества четырех государств, направленного против Советского Союза. Те, кто замышлял Балтийский союз, потерпели очередное фиаско.

Организаторов антисоветского союза постиг еще и второй удар, вызванный неожиданной смертью министра иностранных дел Латвии З. Мейеровица, который погиб 22 августа 1925 года в автомобильной катастрофе. Мейеровиц оказывал большое влияние на внешнюю политику Латвии и по отношению к Эстонии был настроен значительно более дружественно, чем многие другие политические деятели буржуазной Латвии. Мейеровиц был известен также как сторонник и организатор Балтийского союза, хотя его политика в этом вопросе и была очень неустойчивой и непоследовательной.

Провал Таллинской конференции означал для К. Р. Пуста закат его министерской карьеры. По возвращении из Риги после похорон Мейеровица Пуста обнаружил, что оппозиция против него вновь усилилась. Среди членов комиссии по иностранным делам Государственного собрания деятельность Пуста вызывала недовольство, и среди депутатов Государственного собрания ему не удалось даже подобрать представителей в состав эстонской делегации для поездки в Женеву на сессию Ассамблеи Лиги наций.

Наряду с этим многие газеты также высказывали недовольство по поводу внешней политики, проводимой

К. Р. Пуста. Главный редактор газеты «Пяэвалехт» Х. Ребане отмечал, что во внешней политике Эстонии царят неясность, неопределенность и неуверенность. Вместе с тем Эстония проявляла в своей внешней политике чрезмерную активность и брала слишком «высокий тон», не соответствующий размерам государства.[46] Газета «Ваба Маа» жаловалась на отсутствие единого мнения в вопросах внешней политики.[47]

Вслед за этим вопрос о внешней политике и о министре иностранных дел обсуждался в комиссии по иностранным делам и на заседании правительства. Никто из членов представленных здесь партий не выступил в защиту К. Р. Пуста.[48] В связи с этим комиссия по иностранным делам доложила главе государства, что правительство и особенно министр иностранных дел не считаются с ее мнением.

На заседании правительства 31 августа 1925 года тем не менее пришли к заключению, что недоверие, высказанное комиссией по иностранным делам, относится лишь к деятельности министра иностранных дел, так как правительство не было солидарно с его политикой.[49] Тем самым была решена отставка министра иностранных дел, но до этого он должен был поехать в Женеву для участия в совещании министров иностранных дел Прибалтийских государств. На сессию Ассамблеи Лиги наций была направлена отдельная делегация в составе А. Рея, И. Лайдонера и А. Андеркоппа.

Совещание министров иностранных дел Прибалтийских государств состоялось в Женеве 6 и 11 сентября 1925 года, а резолюции были подписаны 12 сентября. Хотя на совещании и велись разговоры о необходимости дальнейшего сотрудничества и некоторые из участников совещания даже выразили готовность подписать политический договор на следующей конференции,[50] тем не менее всем было ясно, что никаких предпосылок для создания «большого» Балтийского союза не существовало. Слишком велики были противоречия по вопросу о пред-

---

[46] «Päevaleht», 28. VIII 1925.
[47] «Vaba Maa», 29. VIII 1925.
[48] «Päevaleht», 31. VIII 1925.
[49] Там же, 2. IX 1925.
[50] ЦГАОР ЭССР. См. также Документы внешней политики СССР, т. VIII, стр. 639—643.

полагаемых партнерах, еще более острые противоречия имелись между великими державами, заинтересованными в этом мероприятии. На совещании в Женеве было, правда, принято решение о созыве следующей конференции в Риге, возможно, даже еще в конце 1925 года, тем не менее в намеченном виде конференция не была проведена.

Решением Государственного собрания от 5 октября 1925 года К. Р. Пуста был смещен с поста министра иностранных дел. Иностранная печать, а также некоторые эстонские газеты старались представить дело таким образом, будто эстонское правительство «продало» своего министра иностранных дел, т. е. решило им пожертвовать с тем, чтобы улучшить свои отношения с Советским Союзом и заполучить от последнего заказы для своей промышленности. Газета «Таймс» писала, что уход в отставку министра иностранных дел вызван требованием советских торговых представителей, которые лишь в этом случае обещали предоставить Эстонии заказы на бумагу и прочие товары (!).[51]

Советская печать, наоборот, дала очень правильный анализ факторов, обусловивших уход Пуста с поста министра иностранных дел. Здесь прямо говорилось, что Пуста пытался втянуть Эстонию и другие прибалтийские государства в сферу франко-польского влияния, что, однако, было несовместимо с проанглийской ориентацией эстонской буржуазии.[52] Не делалось секрета и из того, что представители эстонских деловых кругов требовали нормализации отношений с Советским Союзом.[53]

В августе 1925 года Х. Пегельман писал на страницах журнала «Классивыйтлус» об усилении среди эстонской буржуазии тенденций к экономическому сближению с Советским Союзом.[54] Действительно, крупные промышленники проявляли большой интерес к Советскому государству. А это очень беспокоило заправил эстонской внешней политики, которые вынуждены были считаться с реальными фактами. Временный поверенный в делах Эстонии Йыги сообщал из Москвы о серьезной заинтересо-

---

[51] «Times», 21. IX 1925.
[52] «Известия», 8. X 1925.
[53] «Правда», 8. X 1925.
[54] H. Rooskaja [H. Pöögelmann]. Kas Ida või Lääs? «Klassivõitlus», 1925, №. 61/62, стр. 16.

ванности Советского Союза в установлении тесных экономических связей с Эстонией. Он же отмечал и интерес, проявленный к этому вопросу эстонскими промышленниками, которые не находили рынков сбыта в Западной Европе: «Как мне кажется, наши промышленники будут в этом вопросе действовать, без сомнения, в желательном для России направлении...»[55] Иыги стоял на позиции, враждебной Советскому Союзу, однако он считал, что торговый обмен с социалистическим государством не будет «опасен», если к вопросу подойти «с открытыми глазами», и если правительство будет держать промышленников «в узде». К тому же известно, что Латвия, Финляндия и даже Польша уже идут по пути экономического сближения с Советским Союзом. Следовательно, Эстонии не пристало оставаться исключением в этом вопросе.

Подобные аргументы не замедлили сказаться и на отношениях с Советским Союзом. 23 октября 1925 года Государственное собрание вынесло решение предложить пост министра иностранных дел бывшему посланнику в Москве А. Бирку, который был сторонником установления более дружеских взаимоотношений с Советским Союзом. Даже буржуазная печать отмечала, что перед новым министром иностранных дел стоят серьезные задачи. Газета «Пяэвалехт» считала, что Эстония оказалась до некоторой степени изолированной, так как взаимоотношения с Советским Союзом были испорчены, а Финляндия проявляла к Эстонии бóльшую сдержанность, чем до этого, и т. д.[56] Перед новым министром иностранных дел стоит задача наладить взаимоотношения с Советским Союзом, а также укрепить сотрудничество Прибалтийских государств.[57] В советской печати отмечалось, что после отставки Пуста отношения между Эстонией и Советским Союзом улучшились.[58]

В 1925 году состоялся ряд переговоров по экономическим проблемам между представителями торгово-промышленных кругов Эстонии и соответствующими советскими правительственными органами, увенчавшихся успехом. Товарообмен между государствами временно

[55] ЦГАОР ЭССР.
[56] «Päevaleht», 17. X 1925.
[57] Там же, 24. X 1925.
[58] «Правда», 13. XI 1925.

оживился. Согласно сведениям эстонско-советской торговой палаты, во второй половине 1925 года эстонские заводы получили заказ на поставку бумаги на сумму 410 тыс. фунтов стерлингов, текстиля — на 139.622 фунта стерлингов и кожи — на 93.622 фунта стерлингов.[59] По данным указанной палаты, общая сумма советских заказов, размещенных в эстонской промышленности, достигла во второй половине 1925 года 1 млрд. 200 млн. марок.[60] При этом подчеркивалось, что практически советский рынок не ограничен, а эстонский рынок может в год принять советских товаров на сумму до двух миллиардов рублей.

Перспектива развития эстонско-советского сотрудничества взволновала буржуазных политиков. Так, А. Андеркопп, опубликовавший в газете «Ваба Маа» передовицу под заголовком «Не следует выбирать ложный путь», доказывал, что и в политическом, и в экономическом отношении Эстония должна равняться не на Восток, а на Запад: «Сознательно закабалив себя заказами и поставками одного государства, мы тем самым закабаляем свою судьбу и дальнейшее процветание».[61] Маскируя подобным образом классовые интересы буржуазии, эстонские правящие круги стремились сорвать дальнейшее более тесное экономическое сотрудничество с Советским Союзом.

На дальнейшее развитие эстонской внешней политики огромное влияние оказали результаты Локарнской конференции. На конференции, состоявшейся, как известно, в октябре 1925 года, наряду с прочими договорами был подписан также и Рейнский гарантийный пакт, обеспечивавший неприкосновенность западных границ Германии.[62] В то же время английское правительство отказалось от гарантии восточных границ Германии. Буржуазная печать восхваляла Локарнские договоры и изображала их как «торжество мира», однако истинная цель империалистических держав заключалась в стремлении укрепить сотрудничество с Германией и направить агрессию возрождающегося германского империализма на Восток. Английская печать, в частности, не делала из

[59] ЦГАОР ЭССР.
[60] Там же.
[61] «Vaba maa», 10. X 1925.
[62] Локарнская конференция 1925 г. Документы. М., 1959, стр. 485.

этого факта никакой тайны. Еще задолго до подписания Локарнских договоров очень много говорилось о необходимости «осуществить ревизию» немецко-польской границы.

На VI расширенном пленуме Коминтерна в феврале—марте 1926 года был дан глубокий анализ сущности Локарнских договоров и указывалось, что они служат маской для прикрытия истинного облика капиталистического мира.

Посредством Локарнских договоров 1) американский капитализм оберегал свои интересы от всей капиталистической Европы, 2) английский империализм оберегал свои частные интересы от Франции, 3) французский империализм оберегал свои частные интересы от Англии, 4) английский империализм стремился втянуть в сколачиваемый при поддержке Франции антисоветский блок также и Германию.[63]

В связи с вступлением в действие плана Дауэса и заключением Локарнских договоров вся международная жизнь Европы перешла на новые рельсы. В германскую промышленность стал все интенсивнее проникать иностранный капитал, и с 1925 года начался подъем германской экономики. Особенно значительную роль сыграл в восстановлении потенциала германской военной экономики американский капитал.[64]

В создавшейся обстановке влияние английского и американского империализма возросло во всех европейских странах, а Франция в то же время лишилась своего доминирующего положения. Некоторые государства, такие, как Польша, раньше искавшие поддержку у французского империализма, теперь стали ориентироваться на Англию. В эстонской внешней политике также заметно усилилась проанглийская ориентация. Увеличилась экономическая зависимость от английского капитала. Англо-эстонское соглашение о торговле и мореплавании, подписанное 18 января 1926 года, было выгодным для Англии. Договор гарантировал привилегии английских подданных при заключении торговых и мореходных сделок, а также утверждал для них равные с гражданами

[63] Коммунистический Интернационал в документах 1919—1932, стр. 538.

[64] В. В. Постников. США и дауэсизация Германии. 1924—1925 гг. М., 1957.

Эстонии права на владение движимым и недвижимым имуществом, на вывоз из Эстонии получаемых от них доходов. Реализованный в 1927 году крупный иностранный заем еще более усилил зависимость Эстонии от англо-американского финансового капитала.

Одновременно в Восточной Европе активизировалась и германская внешняя политика. Восточноевропейские государства имели достаточно оснований для беспокойства в связи с «Локарнской политикой». Некоторые эстонские дипломаты предвидели в политике, проводимой великими империалистическими державами, опасность для восточноевропейских государств. Эстонский посланник в Варшаве И. Леппик уже в июне 1925 г. заявил: «Мне кажется, что в ушах руководителей новых государств гудит нечто подобное набату».[65] Эстонским правительственным кругам также следовало бы учитывать опасность возможной германской агрессии. Единственной гарантией по предупреждению германской агрессии было бы тесное сотрудничество с Советским Союзом, но из соображений классовой политики эстонская буржуазия от такой возможности отказалась.

1925 годом заканчивается период наиболее интенсивных попыток создания «большого» Балтийского союза. Ослабло и фактическое сотрудничество между Финляндией, Эстонией, Латвией и Польшей. Можно отметить, к примеру, что с этого времени уже не созывались регулярные конференции министров иностранных дел указанных государств. В декабре 1925 года заведующий политическим отделом министерства иностранных дел Эстонии А. Шмидт выразил сожаление по поводу того, что нити, связывавшие Прибалтийские государства, заметно ослабли.[66]

Буржуазная Эстония и в дальнейшем оставалась активным сторонником различных вариантов создания Балтийского союза. Эстонские внешнеполитические руководители с величайшей симпатией отнеслись к идее создания так называемого «Северного Локарно» с участием скандинавских стран, Финляндии и прибалтийских государств, хотя, будучи научены горьким опытом, они и сами не очень-то верили в успех такой затеи. В июне 1926 года на совещании эстонских дипломатов

[65] ЦГАОР ЭССР.
[66] Там же.

снова велись разговоры о создании Балтийского союза, как о наиболее актуальной проблеме эстонской внешней политики. Министр иностранных дел А. Пийп, сменивший А. Бирка, откровенно заявлял, что тезис о союзе пяти прибалтийских государств был и остается основой внешней политики Эстонии.[67]

Несмотря на это, все попытки создать «большой» Балтийский союз и в дальнейшем оканчивались неудачей. Лишь 12 сентября 1934 года был оформлен политический союз Эстонии, Латвии и Литвы (Балтийская Антанта). Правительства названных трех государств обязались вести переговоры по тем внешнеполитическим вопросам, которые имели значение для всех участников союза, оказывать взаимную политическую и дипломатическую помощь, созывать периодические конференции министров иностранных дел не реже двух раз в год и т. п. В указанном договоре имелась, однако, оговорка по поводу существования «особых проблем», в отношении которых не требовалось единого мнения участников договора. К таким проблемам относились, в частности, польско-литовские и литовско-германские конфликты. Естественно, что эстонское правительство, имевшее с польскими правящими кругами самые тесные связи, не считало возможным повернуться к Польше спиной. Именно по указанной причине было составлено секретное приложение к договору о сотрудничестве, предусматривающее примирение Польши и Литвы в более подходящих условиях. Эстонская дипломатия, разумеется, действовала также и в направлении расширения Балтийского союза и пыталась вовлечь в него Финляндию и Польшу.[68]

Эстонское правительство оставалось сторонником и активным организатором сотрудничества прибалтийских государств до самого момента свержения буржуазных правительств этих государств в 1940 году.

---

[67] ЦГАОР ЭССР.

[68] M. Pesti. Rahvuslik reetmine «rahvusluse» sildi all. Tallinn, 1960, стр. 127 и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эстонское буржуазное государство возникло в обстановке военной интервенции и гражданской войны. Благоприятная внешнеполитическая обстановка и большая помощь извне содействовали укреплению власти буржуазии в Эстонии.

В годы буржуазно-националистической диктатуры эстонский трудовой народ ни на миг не отказывался от борьбы за идеалы Великой Октябрьской социалистической революции. Это обстоятельство наряду с экономическими интересами буржуазии явилось существеннейшим фактором, наложившим свой отпечаток на всю внутреннюю и внешнюю политику эстонского буржуазного правительства.

В борьбе против революционного движения рабочего класса, возглавляемого Коммунистической партией, буржуазия использовала все имеющиеся в ее распоряжении средства: кровавый террор, урезанные реформы, демагогическую националистическую пропаганду и т. п. Но все же эти методы борьбы, применяемые против рабочего класса, оказались на некоторых этапах недостаточными. Поэтому эстонское правительство очень большое внимание уделяло внешней политике как важному средству укрепления существующего строя. Ведущие эстонские политические деятели никогда не забывали, что для сохранения «независимости» эстонского государства необходима благоприятная международная обстановка.

В целях сохранения отжившего и обреченного историей на гибель буржуазного режима эстонские правящие круги развили активную деятельность по налаживанию разностороннего сотрудничества с правящими кругами Финляндии, Латвии, Литвы и Польши. Эстонское правительство принимало активное участие в попытках со-

здания антисоветского блока — так называемого Балтийского союза, и последовательно боролось за заключение такого союзного договора, который связывал бы его участников обязательствами военного характера.

Как подтверждают факты, эстонское правительство пыталось создать в лице Балтийского союза организацию, подобную «Священному союзу», которая укрепила бы позиции союзных государств в борьбе против революционного движения трудящихся.

Для достижения своих внутриполитических задач — подавления рабочего движения и разгрома Коммунистической партии — эстонское буржуазное правительство направляло острие своей внешней политики против Советского Союза. В успехах Советской страны эстонский рабочий класс видел олицетворение своих лучших надежд, свое будущее и последовательно боролся за свержение диктатуры буржуазии и за объединение с советскими народами. Естественно, что это обстоятельство наряду с другими факторами толкало правящие круги как Эстонии, так и других стран на проведение последовательной антисоветской внешней политики. Чрезвычайная для малого государства активность по созданию Балтийского союза, проявленная в 1920—1925 гг., является яркой иллюстрацией антисоветской сущности внешней политики эстонского правительства.

Естественно, что правительства Эстонии и других государств — участников антисоветского заговора трудились над сколачиванием Балтийского союза в тесном контакте с правящими кругами империалистических держав. Как известно, эстонское правительство стремилось завязать и поддерживать как можно более тесные связи со всеми империалистическими государствами, в какой-то мере заинтересованными в Эстонии. Конечно, учитывая противоречия между империалистическими державами, оно стремилось ориентироваться на те из них, которые имели реальные возможности для утверждения своего влияния в Эстонии. В рассматриваемое время такими государствами были Англия и Франция, боровшиеся за господство в Прибалтике. Это явилось причиной известных колебаний во внешнеполитической ориентации Эстонии и заставляло правительство лавировать в вопросе создания Балтийского союза между интересами Англии и Франции.

Несмотря на все усилия, направленные на создание Балтийского союза буржуазными правительствами Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и Польши в 1920—1925 гг., это мероприятие полностью провалилось. Такой финал вполне естественен и закономерен. Следует прежде всего иметь в виду, что в создании Балтийского союза полностью отсутствовало так называемое позитивное начало. Нельзя, например, было вообще говорить о единстве экономических интересов Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и Польши. Скорее—напротив, экономические связи между этими государствами были слабыми, а политические интересы — часто совсем различными и даже противоречивыми. Единственным наиболее существенным фактором политического характера, объединявшим указанные государства, была контрреволюционная внутренняя и особенно антисоветская внешняя политика их правящих кругов. Но эта основа оказалась все же слишком слабой, чтобы вынести груз тех многочисленных противоречий, с которыми пришлось столкнуться организаторам Балтийского союза.

Уже в 1920 году один из буржуазных государственных деятелей Эстонии Я. Поска сравнивал Балтийский союз с возом, в который впряглись лебедь, рак и щука. Хотя Я. Поска и выражал в то время надежду, что при соответствующих усилиях попытки создания этого союза увенчаются успехом, но, к огорчению буржуазных политиков, различные противоречия и разные интересы постоянно доминировали над общими интересами Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и Польши.

Прежде всего цели Польши как государства, претендующего на позицию великой державы, значительно отличались от внешнеполитических целей остальных стран. Ряд центральных проблем внешней политики Польши не имел ничего общего с внешнеполитическими задачами прибалтийских государств. Кроме того, попытки правящих кругов Польши подчинить своему влиянию Литву встретили решительный отпор со стороны литовского народа, и польско-литовский конфликт все время являлся существенным препятствием к реализации идеи «большого» Балтийского союза. В силу различных обстоятельств Польша была также неподходящим партнером для правящих кругов Латвии. Наконец, напряженные польско-германские отношения в эти годы

отталкивали от Польши правительство Финляндии. Что касается эстонского буржуазного правительства, то оно в своей внешней политике последовательнее всего держалось курса заключения союза с Польшей.

Как указывалось, Финляндия в то время тоже не была особенно заинтересована в союзе с Польшей и прибалтийскими государствами. Наиболее влиятельные круги Финляндии, тесно связанные с Германией, при определении внешнеполитического курса считались с интересами последней. Участие же в Балтийском союзе в существовавших условиях означало бы для Финляндии прежде всего сближение с Польшей. За такое сближение ратовал министр иностранных дел Р. Хольсти. После провала в 1922 году проваршавской политики Хольсти и ухода его с поста министра иностранных дел все попытки втянуть Финляндию в организуемый Балтийский союз оставались бесплодными. Не находила поддержки в Финляндии и идея заключения Балтийского союза в меньшем составе.

Три небольших прибалтийских государства — Литва, Латвия и Эстония — не были идеальными партнерами союза. Специфические черты внешней политики Литвы, обусловленные конфликтом с Польшей, делали в эти годы невозможным создание прочного единого фронта этих трех стран. Правящие круги Литвы в то время, правда, проявили большую активность в деле создания тройственного союза указанных стран, но считали, что он нужен лишь для противодействия Польше.

Эта точка зрения литовского правительства была совершенно неприемлема для лидеров эстонской буржуазии, и эстонское правительство отнеслось сдержанно к более тесному сотрудничеству трех государств, для которого в начале 1920-х годов открылись возможности.

Вся внешняя политика эстонских правящих кругов, особенно активное участие в попытках создания Балтийского союза, находилась в крайнем противоречии с интересами широких народных масс. Политика, направленная на создание антисоветского военно-политического блока, служила интересам империалистических держав. Направляя страну в русло большой политики империалистов, эстонское буржуазное правительство вело опасную игру, грозившую втянуть весь народ в новую антисоветскую интервенцию. Единственно возможный внешне-

политический курс, который в то время отвечал бы интересам народных масс, мог заключаться в последовательном проведении политики нейтралитета, в добрососедских отношениях и сотрудничестве с великим соседом — Советским Союзом.

Последнее было для буржуазии, конечно, совершенно неприемлемо. Революционная борьба эстонских трудящихся под руководством КПЭ против существующего режима и единство интересов трудящихся масс Эстонии и Советского Союза были основными факторами, заставлявшими правящие круги искать последовательно, вплоть до революционных событий 1940 года, поддержку у правящих кругов западных держав и добиваться заключения как можно более тесного союза с соседними буржуазными государствами. Но никакие усилия правящих кругов не могли предотвратить крушение буржуазного строя. Летом 1940 года трудящиеся Эстонии, Латвии и Литвы свергли у себя на родине реакционный режим и вступили, как равные среди равных, в семью народов Советского Союза.

В послевоенные годы процесс крушения капитализма еще более ускорился. Большинство тех восточноевропейских государств, которые империализм пытался использовать в период между двумя войнами в антисоветских целях, прочно встали на путь социалистического строительства.

Народы Польши, Германской Демократической Республики, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Югославии в тесном сотрудничестве и дружбе с Советским Союзом видят гарантию успеха социалистического строительства.

Кардинально изменились также взаимоотношения Финляндии и Советского Союза. Политика мира и дружбы с Советской страной, известная как линия Паасикиви — Кекконена, пользуется поддержкой подавляющего большинства финского народа. Эта линия привела к положительным результатам в самых различных областях — политической, экономической и культурной. Заключенный в 1948 году Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи сыграл большую роль в упрочении добрососедских отношений между двумя странами. Этот документ, срок действия которого в 1955 году был продлен на 20 лет, стал подлинной хартией советско-

финляндской дружбы. К взаимной выгоде развиваются и экономические отношения, из года в год расширяются культурные связи между финским и советским народами.

В современном мире никакая сила не может остановить прогресс человечества. И в настоящее время военные союзы, сколачиваемые империалистами, содержат много противоречий, которые рано или поздно приведут их к такому же бесславному концу, к какому они в свое время привели Балтийский союз.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

1. Первые шаги по созданию Балтийского союза 18
Зарождение идеи создания Балтийского союза — 18. Попытки заключения финляндско-эстонской унии — 26. Сотрудничество с Латвией — 29. Сотрудничество прибалтийских стран на Парижской мирной конференции — 31. Вопрос о заключении мира и планы создания Балтийского союза — 34. Совещания и конференции прибалтийских государств осенью 1919 года — 39. Конференция в Хельсинки в январе 1920 года — 45.

2. Проблема Балтийского союза после подписания Тартуского мира в 1920 году 52
Вопрос о заключении Балтийского союза остается на повестке дня — 52. Балтийский союз — орудие борьбы против революционного движения — 54. Балтийский союз — орудие антисоветской политики — 59. Противоречивая политика империалистов — 65. Эстонско-латвийский конфликт в 1920 г. — 69.

3. Булдурская конференция 73
Начало конференции. Участники — 73. Крушение планов империалистов — 75. Разногласия между участниками конференции — 80. Результаты Булдурской конференции — 85. Провал «Булдурской политики» — 89.

4. Политика буржуазной Эстонии в вопросе создания Балтийского союза в 1921 году 92
Изменения в международной обстановке — 92. Французская или английская ориентация — 96. Союз с Польшей или с Литвой — 103. Колебания в Финляндии — 108. Сближение Эстонии и Латвии — 111. Подписание эстонско-латвийского военного соглашения — 119. Конференция в Хельсинки в июле 1921 года — 124. Ухудшение отношений между Эстонией и Советской Россией — 128.

5. Варшавское соглашение и его судьба 135

Авантюра финских реакционеров в Карелии — 135. Подготовка к Генуэзской конференции — 143. Итоги Варшавской конференции — 151. Финляндия отказывается ратифицировать Варшавское соглашение — 166. Эстонская дипломатия и Московская конференция по разоружению — 161.

6. Заключение эстонско-латвийского военно-политического союза в 1923 году 174
Планы заключения союза между Эстонией, Латвией и Литвой — 174. Рижская конференция в июле 1923 года. — 180. Совещание военных экспертов в Риге — 186. Подготовка к заключению эстонско-латвийского союза — 189. Эстонско-латвийская конференция в Таллине в октябре—ноябре 1923 года — 193.

7. Проблема Балтийского союза после заключения эстонско-латвийского военного союза 201
Укрепление связей между Эстонией и Англией — 201. Колебания эстонского правительства в вопросе создания Балтийского союза — 208. Варшавская конференция в феврале 1924 года — 216. Конференция в Каунасе в мае 1924 года — 220.

8. Восстание 1 декабря 1924 года и проблема создания Балтийского союза 224
Организация антисоветской кампании эстонским правительством — 224. Призыв о помощи к английскому правительству — 229. Эстония и Польша — застрельщики Балтийского союза — 234. Конференция в Хельсинки в январе 1925 года — 241.

9. Активизация усилий эстонского буржуазного правительства, направленных на создание Балтийского союза в 1925 году. 246
Борьба вокруг внешнеполитической ориентации — 246. «Большая политика» министра иностранных дел К. Р. Пуста — 255. Бесславный конец — 265.

Заключение 274

Арумяэ Хейно Тийдович

ЗА КУЛИСАМИ «БАЛТИЙСКОГО СОЮЗА»

Обложка Э. Руйсо

Издательство «Ээсти раамат»

Таллин, Пярнуское шоссе, 10.

Редактор Г. Туронок

Художественный редактор Л. Круусмаа

Технический редактор В. Канн

Корректоры Е. Владычина и Т. Кург

Сдано в набор 4 VII 1966. Подписано к печати 12. X 1966. Бумага 54×84, 1/16. Печатных листов 17,75. Условно-печатных листов 14,9. Учетно-издательских листов 15,29. Тираж 500. МВ-08593. Заказ № 1347. Типография «Пунане Тяхт». Таллин, ул. Пикк, 54/58. Печатная бумага № 2 Кохилаская бумажная фабрика.

Цена 1 руб. 10 кор.

1—6—5

XIII
A-7770

